

4

Жак ЛЁВ

«Будьте Моими учениками»

Издательство
св. Петра

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

Жак ЛЁВ

«Будьте Моими учениками»

Вестники Евангелия. Размышления

Издательство св. Петра
Санкт-Петербург, 2002

о. Жак ЛЁВ

Будьте Моими учениками.

Вестники Евангелия. Размышления

— Пер. с франц. Г. А. Хазовой. Под ред. и с предисл.
канд. филос. наук Л. И. Василенко.

Loew J. Vous serez mes disciples. Annonceurs de l'Évangile.
Réflexions. P.: Fayard — Mame, 1978.

272 с. без илл.

Перед вами — перевод на русский язык книги французского священника Жака Лёва, справедливо считающейся лучшим из того, что вышло из-под его пера. Как пишет автор, книга эта — «не руководство по апостольской деятельности», и в то же время, ощущая острую нужду современности в вестниках Евангелия, он предлагает читателям почувствовать себя «учениками Иисуса».

Издание осуществлено при содействии:

RENOVABIS, Германия

(Solidaritätsaktion der deutschen Katholiken
mit den Menschen in Mittel- und Osteuropa)

ISBN 5-93247-014-3

© Librairie Arthème Fayard — Nouvelles éditions Mame,
1978

© Paoline — Издательство св. Петра, перевод на русский язык

© Редакция и предисловие Л. И. Василенко

Paoline — Издательство св. Петра:

e-mail: stmaria@peterlink.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Что это за книга? Какому литературному жанру она принадлежит? Кому адресована? Какова ее цель?

Вначале о литературном жанре. Книга эта не о духовности вообще, и она также не руководство по апостольской деятельности. Это курс Школы Веры во Фрибурге, прочитанный в непринужденной манере, с повторами и цитатами. Я хорошо сознаю, что многое из того, о чем я говорю, ранее уже было сказано мною или другими. И все же я буду говорить здесь о тех вещах, к которым подвел меня жизненный опыт и которые сложились для меня в единое целое.

Кто были мои собеседники? — Мужчины и женщины из числа монашествующих и мирян определенного типа в возрасте от 25 до 40 лет. Каждый из них уже имел какой-то жизненный опыт, все они почувствовали потребность углубить свою веру и привести к зрелости свои апостольские намерения. И принадлежали они к 20–30 различным национальностям.

Какова цель курса? — Наметить пути к тому, чтобы мы смогли по-настоящему отозваться на повеление Спасителя стать вестниками Евангелия в современном мире. Иисус ведь не стал преподавать Своим апостолам курс миссиологии. Он просто сказал: «Идите и проповедуйте Евангелие до края земли,

научите все народы соблюдать все, что Я повелел вам, и сделайте их Моими учениками».

«Ученики» – вот ключевое слово. Оно повторено в Евангелиях 250 раз. Именно «ученики», а не «учащиеся». Те, кого где-то обучают как обычных студентов, просто накапливают знания у себя в голове как информацию, а вот ученик лично связан с Учителем, он слагает услышанное в сердце и претворяет его в жизнь всем своим существом. Откуда же возьмутся такие «ученики Иисуса», если мы сами не попытаемся стать ими!

Из сказанного читатель может увидеть, что я ни в коей мере не предлагаю ему готовые окончательные решения. Я хочу лишь помочь ему осмыслить все самому. А для этого нужно мысленно вернуться назад и глубже проанализировать, в каком положении мы все находимся. Пусть каждый из нас задумается над своим опытом, просмотрит заново свою жизнь и деятельность в свете Евангелия.

Итак, нужно размышлять – отсюда и подзаголовок нашей книги: «Размышления и реакции». Необходимо уметь не только хорошо думать, но и правильно реагировать. Христианин должен научиться быстро определять адекватную позицию по отношению к неожиданно возникающим ситуациям. Вспомните о реакциях автомобилиста. Мы тоже должны выработать в себе подобные реакции, то есть научиться быстро и точно реагировать в любых обстоятельствах, как подобает ученикам Иисуса.

О. ЖАК ЛЁВ — МИССИОНЕР, СЛУЖИТЕЛЬ СЛОВА, СВИДЕТЕЛЬ ВЕРЫ

Книга известного французского католического священника Жака Лёва «Будьте Моими учениками» вышла в свет в 1978 году, а на русском языке появилась в «самиздате» в середине 80-х и тут же привлекла к себе внимание. Это одна из лучших его книг. Многое изменилось с тех пор в стране и мире, но книга вовсе не потеряла своего значения и поныне. Россия стала намного более похожа, чем прежде, на те страны Третьего мира, в которых о. Жак потрудился не одно десятилетие и для которых готовил миссионеров, катехизаторов, организаторов церковных общин и служителей Слова.

Много лет он отдал сначала рабочим во Франции, а затем беднякам разных стран мира, всем, кто нуждался в Евангелии, в примирении с Богом, в обретении Христа. В такой среде должны работать активные и хорошо подготовленные служители Слова, и о. Жак направлял их в те страны и в те социальные слои, которые оставались тогда за пределами других католических миссий. И свой

ПРЕДИСЛОВИЕ

богатый и зрелый опыт служения о. Жак сам предложил христианам в России. Он неоднократно сам приезжал в Москву в конце 70-х—начале 80-х годов, вел на квартирах семинары по программе Школы Веры, встречался с католиками, православными и протестантами. А когда эти возможности закрылись, остались книги, продолжившие его труд уже без него.

Вот краткий очерк его жизни и деятельности.

Жак Лёв родился 31 августа 1908 года в Клермон-Ферране на юге Франции в семье врача. Отец его глубоко уважал Иисуса Христа, но был против Церкви, а особенно не любил священников. Он отдал сына учиться к протестантам, чтобы те познакомили его с Иисусом. Но миновать погружения в неверие ему там не удалось.

Затем Жак изучал правовые и политические дисциплины в Париже. В 1929 году стал адвокатом.

В 24 года он внезапно заболел туберкулезом и, оказавшись в санатории, задумался: существует ли Бог? Не вымысел ли это? Может быть, мы просто придумали Его по невежеству? Душа потянулась к положительному ответу.

С 1932 года Жак жил у картезианцев в Валзэнте (Швейцария). Увидев их веру, он однажды задал себе вопрос: «Если имя Богу — Любовь, так по какому праву я отказываю этому Богу (существование Которого так ясно ощущаю) в действии по любви, отказываю только потому, что оно кажется мне невероятным? Иисус, Бог, пришедший к нам. Невероятно? Да. Абсурдно? Нет. Похоже это на Бога? Да. Любовь размером с бесконечность способна придумать столь непостижимый жест: Бог стал человеком. Он пребывал среди нас. Немыслимо. Но вполне соответствует «немыслимому» Богу. Так произошло его обращение.

Позднее он вспоминал: «Иисус становился для меня живым Светом. Жесты, слова, судьба Иисуса входили в мое сердце, в самую глубину моего существа, в мою личность».

В 1934 году — новициат в доминиканском монастыре св. Максимиана в Швейцарии. 29 октября 1939 года Жак Лёв стал священником.

С 1941 года началось его сотрудничество с о. Лебре — доминиканцем, основателем католического социального движения «Экономика и гуманизм» (издававшим одноименный журнал).

Вокруг этого подвижника собралась удивительная по тем временам группа католиков. Она не замыкалась на себя, на свою особую церковную жизнь и среду, удобную и привычную, а стремилась убедительно являть подлинное христианство человеку труда, нести ему Слово Божие, добиваться социальной справедливости для тружеников и бедняков. Для этого нужно было входить в их нелегкую жизнь, понимать и принимать таких людей в полноте их жизни — человеческой, экономической и социальной. Ни марксисты, ни кто-либо еще не вправе отрывать тружеников от Христа. Так говорил о. Лебре. Он поручил о. Жаку провести комплексное изучение города Марселя, в частности порта.

Для настоящего знакомства с ситуацией, решил Жак, недостаточно читать книги и разбираться в статистике, а нужно стать портовым рабочим. 1 января 1941 года он вышел на работу в доки. Поначалу думал ограничиться временем, необходимым для социологической работы, — недель пять-шесть или, возможно, несколько месяцев. Но он остался там более, чем на 12 лет.

В доках он не только трудился руками, но и осуществлял пастырское и миссионерское служение среди рабочих. Здесь, как он говорил спустя годы, вслед за встречей с Богом состоялась встреча с Человеком.

Но была еще одна примечательная встреча — со Станиславом и Анитой Фюме в Париже, артистами, явившими ему христианскую простоту, гостеприимство и глубокую веру.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Они познакомили его со своей маленькой христианской общиной, составившейся из журналистов, интеллектуалов, артистов и офисных служащих. «Все вместе они представляли собою, — вспоминал впоследствии о. Жак, — неожиданное созвездие самых разных людей. Это вовсе не была какая-то особая среда, это была Церковь, состоящая из людей. Я возрастал в том, что сегодня называю “первичной общиной”. Летом мы часто собирались на несколько недель в Салетте. Вместе молились, читали Евангелие, вместе любили Бога и часто вместе хохотали до упаду». О. Жак назвал это своей третьей из жизненно важных встреч — с Церковью. Церковью, не как огромной организацией, а как с сообществом верных и единых по духу.

В те же годы он познакомился и с Мадлен Дельбрель, тоже трудившейся среди рабочих; ее слова он запомнил навсегда: «Христианин нужен для того, чтобы Бог любил мир сегодня через нас, как через Своего Сына». Так завершилось его религиозное формирование.

О. Жак организовал движение «Докеры Марселя» и «Марсельскую миссию». Он хотел принадлежать докерам по образу жизни, принимать участие в их каждодневных нуждах и тревогах, разделить «общность судьбы» с теми людьми, которым нужно принести Евангелие. И не оставаться в стороне от жизненных нужд тех, кто трудится, борется за свои права и утверждает достоинство труженика.

Общность судьбы, говорил он впоследствии, означает «быть счастливыми вместе или быть несчастными вместе. Общность судьбы возникает, когда люди разделяют единство жизненного опыта, когда они подвергаются одинаковому риску, имеют одни цели». Это не подражание друг другу, не вынужденное сосуществование, а взятие каждым на себя серьезных обязательств по отношению к другим и за других перед Богом. В основе общности судьбы должна быть,

разумеется, милосердная любовь.

К о. Жаку стали присоединяться другие священники. Образовалось движение «Священники-рабочие», которое насчитывало до 40 человек.

Так прошло 12 лет. В итоге — серьезный практический результат: в 1947 году был принят закон, обеспечивавший докерам гарантированный заработок. Это позволило пролетариям превратиться в уважающих себя людей, имеющих хорошую профессию докера, приличный заработок, защищенность прав и статус в обществе.

Был и другой результат — духовный: те, кто нес Евангелие в рабочую среду, обнаружили, что бедняки и труженики по-своему евангелизировали самих миссионеров, помогали им понять реальную действенность Слова среди всех трудностей социальной жизни, заново пережить истину Евангелия.

В 1954 году все же было решение Святейшего Престола о прекращении этой миссии из-за того, что некоторые ее участники чрезмерно втянулись в профсоюзное движение и политическую борьбу на стороне левых. Некоторые, к сожалению, перестали давать свидетельство веры и правды вопреки тому духу ненависти, который навязывали рабочим коммунисты. Вместо свидетельства единства с братьями и с Богом получалось контрсвидетельство рабочей солидарности без Бога. Некоторые забывали не только о священническом долге, но и о каждодневной молитве. Получилось то, что о. Жак называл «общностью по сходству» — общностью одной профессии и одинакового образа жизни с рабочими.

О. Жак, подчинившись решению о роспуске данной миссии, организовал в 1955 году другое движение с теми же задачами — Рабочие миссии свв. ап. Петра и Павла для продолжения служения среди рабочих. Трудился вначале в Марселе и Тулузе, а с 1963 года — в Бразилии. В 1965 году Ватикан одобрил устав этой миссии и предоставил ей

ПРЕДИСЛОВИЕ

статус апостольского института. Это означало, что о. Жак дальше не мог оставаться одновременно и в миссии, и в доминиканском ордене. Он всецело посвящает себя миссии, тем более, что ее деятельность стала международной.

Он изменил сам принцип миссионерской работы: ориентироваться не на массовое обращение с последующим минимальным и в основном пассивным участием новокрещенных в жизни приходов, а на служение Слова в первичных церковных общинах, формирующихся внутри приходов, живых и активных, ядрами которых являются миссионерские группы из хорошо подготовленных и преданных делу 3-5 человек. Они принадлежат лишь Иисусу Христу и Церкви, поставившей их на служение. Вместе с такими людьми и происходит настоящее воцерковление всех, кто откликается на призыв Господа.

Сам Христос в дни Своего земного служения, разумеется, не пренебрегал проповедованием перед толпами, но для возвещения Евангелия избрал 72 ученика, из которых 12 составили ядро — особую апостольскую общину.

Миссионерские группы возглавляли чаще всего миряне — лично зрелые и зрелые в вере, не просто наставники и руководители, но также и вдохновители жизни общин в духе Слова Божия. Служение Слова развернулось не только в городах Франции и трущобах Сан-Паоло в Бразилии, но и в Монреале, Токио, Камеруне и в других местах.

С 1964 по 1969 год о. Жак жил и трудился в Бразилии. Для задач миссии понадобилось подготовить много служителей Слова, и в 1969 году о. Жак организует Школу Веры во Фрибурге (Швейцария).

С 1973 года он лишь ею уже и занимается, поскольку Школа стала готовить служителей Слова не только для этой миссии, но и для других церковных организаций.

В каком русле пошла духовная подготовка в этой Школе? Сначала помочь будущему катехизатору утвердиться

на позиции доверия к жизни, на чувстве надежности того, что творит Бог в истории во всем разнообразии человеческих ситуаций. Прочно укрепиться на позиции добра, обрести дух верности добру и Богу, чтобы трезво и ясно понимать, в чем состоит неверность и зло, трусость и глупость, ложь и насилие, отщепенство... Понимание этого позволяет бесстрашно встречать искушения и находить, что же реально можно изменить в жизни к лучшему

Школа Веры научает, как убеждал о. Жак, преодолевать нашу духовную слабость. Суть ее в том, что люди веры и Церкви, призванные быть «солью земли», заразились практическим неверием и живут как все. Бог в их жизни если и явлен, то не более чем ритуально. Они не берут на себя серьезных обязательств перед Богом, и это прекрасно видят окружающие, те, кто вне Церкви. Действие Бога в мире блокируется полуверой таких людей — они противятся тому, чтобы быть проводниками Его воли. В современном мире, где о Боге не вспоминают и почти не говорят, такая полувера практически ничем не лучше откровенного неверия. «Единственный возможный ответ — сделать реальным присутствие Бога», — так писал о. Жак. Миру нужны люди Божии — те, кто являет реальность присутствия Бога и духовное призвание человека, кто решился вместе свидетельствовать присутствие Христово в любой жизненной ситуации.

Духовное оздоровление верующих — вот в чем смысл труда тех, кто заканчивает Школу Веры и идет затем к людям. И нужно самим быть духовно здоровыми, чтобы оздоравливать других, а для этого вначале иметь мужество признать себя не совсем здоровыми и довериться Богу, который силен оздоровить любого, сколь угодно немощного христианина.

Нужны люди, согласившиеся стать преображенными рукою Божией, стать учениками Христовыми. Обрести

ПРЕДИСЛОВИЕ

чувство действенного присутствия Бога в жизни, чуткость к Его Слову, готовность служить Богу, умение распознавать Его волю в каждодневной практической жизни — вот на что прежде всего ориентирует Школа Веры. Есть великое чудо воздействия на окружающую жизнь того человека, который живет в Боге. К этому должен прийти каждый лично на опыте, но не в одиночестве, а в церковном единстве с теми братьями и сестрами, кого Бог собрал для общего дела — свидетельства любви и правды Христовой.

Однажды о. Жак сказал: «Христианский миссионер подобен человеку, идущему по гребню хребта. Только одно может удержать его от падения в бездну мира — это постоянное внимание к Слову Божию во всей его полноте».

О. Жак Лёв любил говорить о Церкви как о Народе Божиим, охваченном духом братской любви, Народе, идущем к грядущему Царству по извилистым и рискованным путям истории. Это — в русле решений II Ватиканского Собора. В каком направлении нужно ждать духовного обновления церковной жизни сегодня? — задавал себе вопрос о. Жак. И нашел ответ: в восстановлении общинных основ церковно-приходской жизни, в воссоздании внутри Церкви микроструктуры малых общин, в которых каждый человек, обратившийся ко Христу, находил бы единых в Духе братьев и сестер. В атмосфере общин каждый достигал бы христианской зрелости и становился служителем Христовым. Это вовсе не упраздняет приходов, а наоборот — обогащает и раскрывает их внутренние возможности, вносит в их жизнь хорошо выраженное личностное измерение, потому что соотносит через эти группы жизнь каждого члена Церкви со всецелой Церковью.

В эти годы о. Жак стал много писать. В 1958 году издательство Cerf выпустило его первую книгу «Если бы вы знали дар Божий», в 1959-м — «Дневник рабочей миссии» (*Livre de Vie, Seuil*), в 1964-м — «Как бы видя Невидимого» (Cerf), в 1969-м — книгу «Я искал в ночи»

(Cerf). В 1970 году он провел ретрет в Ватикане. Тут же вышла его книга «Иисус, называемый Христом» (Fayard), получившая Большую Католическую Премию. В 1971-м — «Отверстые небеса» (Cerf). В 1975-м — «Великие учителя молитвы» (Fayard).

Начались регулярные миссионерские встречи «Месяц Веры» во Франции, Квебеке, Сенегале, Того, Чад и в других местах. В 1978 году вышли книги «Будьте Моими учениками» (Fayard — Mame), «Притчи и прибаутки» (Cerf), «История Церкви» (с М. Меслином, Fayard).

С 1977 по 1982 год о. Жак 5 раз посещал в Россию, чтобы содействовать возведению Слова Божия тем христианам, которые были открыты к его восприятию. Бывал у прихожан о. Александра Меня. Приезжая в качестве туриста, он использовал в качестве повода советский праздник 1 Мая. О. Жак полюбил Россию, и эти встречи стали радостью его сердца. Многие из некатоликов до сих пор с благодарностью вспоминают, сколь живыми и светлыми по духу явили себя католики, не без риска приезжавшие в Россию вместе с ним и во имя любви Христовой. Встречаясь с московскими христианами, о. Жак убедился, что невидимый Бог сохранил в России, как и во многих других местах, «малый остаток» — вопреки всем попыткам государственного антихристианства выжечь из сердец человеческих всякую память о Нем. А там, где есть «малый остаток», там есть место и надежде на то, что у страны есть будущее.

В 1982 году о. Жак удалился от активной деятельности и обосновался вначале в аббатстве Сито, что в Бургундии, затем — в аббатстве Тамье в Альпах и у Отшельников Марии (Пертус).

Он продолжал писать. Год 1986-й отмечен книгой «Мой Бог, в Котором я уверен» (Fayard-Mame), а 1987-й — «Жизнь с великими учителями молитвы» (Fayard).

В 1988 году о. Жак получил Большую Премию Католической литературы за книгу «Счастье быть человеком»

(Centurion). В 1991 году переехал в траппистский монастырь в Эшурньяке на юге Франции, около Бордо, для глубокого молитвенного сосредоточения. В 1992-м — опубликовал книгу «Иисус, где Тебя искать?» (Le Livre Ouvert), а в 1994-м — «Жить по Евангелию» (с Мадлен Дельбрель, Bayard-Centurion).

14 февраля 1999 года о. Жак завершил свой славный земной путь.

Незадолго до кончины он возблагодарил Господа:

«Боже мой, я могу сказать, что Ты преисполнил меня счастьем с тех пор, как открылся мне. И не только уникальным счастьем “знать Тебя, единого истинного Бога и посланного Тобой Иисуса Христа”, но и знать Церковь Сына Твоего, и Деву Марию, и святых, знать Твой Замысел о человеке через Библию, — от Авраама до Иоанна-Павла II. Да, все это наполняло и наполняет мое сердце, мой дух, мою душу. Но сколько человеческого счастья посылал Ты мне на пути, утоляя мою жажду нежной любви, полученной и отданной! Любви в квартале, в группе, в общине, в наиболее личном общении. Боже мой, очисти меня от всякой неверности, во всех смыслах этого слова, от всякого эгоизма. И спасибо, о! спасибо Тебе, даровавшему мне *Miserere* (и все псалмы, чтобы оправить его, точно жемчужину). И даровавшему мне Евхаристию и возможность сказать: “Что воздам Господу за все благодеяния Его ко мне? Чашу спасения прииму и имя Господне призову”. Вот где Иисус, “отданный и закланный” за грешника из *Miserere*, когда тот вместе с Давидом отвратил от себя нежность Божию, чьим знаком и образом мы призваны быть. Боже мой, благодарю Тебя за то, что за всей моей ограниченностью и отпадениями Ты дал мне познать счастье любить и быть любимым».

А. И. ВАСИЛЕНКО

ВВЕДЕНИЕ. ДРЕВО ВЕРЫ

Дерево и источник

«Блажен муж [когда] в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь» (Пс 1, 1-3)¹.

Символ древа — излюбленный в Библии, и мы то и дело его встречаем. Спаситель охотно сравнивал Царство Божие с деревом, выросшим из горчичного зерна. Более того, Он называл Себя Лозой, а нас — ее ветвями.

Сравнение праведника с деревом повторяется и во многих других местах. Например, в 91-м Псалме (13-16): *«Праведник цветет, как пальма, возвышается подобно кедрю на Ливане. Насажденные в доме Господнем, они цветут во дворах Бога нашего; они и в старости плодовиты, сочны и свежи, чтобы возвещать, что праведен Господь, твердыня моя, и нет неправды в Нем».*

И Народ Божий тоже обозначается этим символом: *«Я буду росой для Израиля; он расцветет, как лилия, и пустит корни свои, как Ливан. Расширятся ветви его, и будет красота его, как маслины, и благоухание от него, как от Ливана» (Ос 14, 6-7).*

Конечно, и в Раю конца времен также будет свое дерево: *«И он показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца. Среди улицы его, и по ту и по другую сторону реки, древо жизни, приносящее*

ВВЕДЕНИЕ

двенадцать плодов, каждый месяц, дающее плод свой; и листья древа — для исцеления народов» (Откр 22, 1-2).

Избранные будут вкушать от древа жизни первых времен — того самого, о коем сказано в Книге Бытия. А пока древом жизни является для нас Премудрость, если только мы сумеем ее найти: *«И укоренилась я в прославленном народе, в наследственном уделе Господа. Я возвысилась, как кедр на Ливане и как кипарис на горах Ермонских; я возвысилась, как пальма я, как красивая маслина в долине и как платан, возвысилась» (Сир 24, 13-16).*

Вероятно, вы уже заметили еще один символ, неотделимый от древа, — это источник воды живой. Вот что говорит пророк о человеке, вверившем себя Богу: *«Благословен человек, который надеется на Господа, и которого упование — Господь. Ибо он будет как дерево, посаженное при водах и пускающее корни свои у потока; не знает оно, когда приходит зной; лист его зелен, и во время засухи оно не боится и не перестает приносить плод» (Иер 17, 7-8).*

Время прорасти корням

Итак, чтобы лучше понять, ради чего мы здесь собрались, мы должны усвоить, что Вера, а стало быть, и Школа Веры, подобны дереву. Вера, как и дерево, сначала растет в глубину. Далеко в недра уходят ее корни и дорастают до истоков воды живой. Лишь после того, как они дотянутся до вод, начинается рост листвы.

Школа Веры — это время расти корням, которые ищут воду, ищут Слово Божие. Поэтому сначала мы будем укореняться в истории Древнего и Нового Израиля. Время расти ветвям и листве придет намного позже, даже если кому-то и покажется, что за время обучения в Школе Веры цвет листвы стал ярче.

Евангелизация начнется еще позднее; я имею в виду то время, когда птицы небесные, то есть неверующие, язычники, живущие без Бога и без надежды, найдут пристанище на ветвях Древа. Это придет потом, когда вы вернетесь в гущу жизни. Но сначала должны быть корни. Ведь дерево с пышной листвой, но без корней — всего лишь комнатное растение; и никогда ни одна птица не сойдет на нем гнезда.

Пускать корни... Вот где смиренный труд. Латинское слово *humilis, humble* (смиренный) происходит от слова «земля» (*humus, la terre*). От него же происходит и слово «человек» (*homo, homme*) — «сотворенный из земли».

Прорастать корнями в землю всегда тяжело, даже мучительно: они засыпаны землей, придушены, с трудом обходят камни, пробираются сквозь пустые бесплодные слои... Ночь веры — это не только художественный образ, таковы действительные условия жизни зерна, брошенного в землю и умирающего, чтобы позднее принести плоды.

Но при этом — как напомнил нам кардинал Марти, — когда обрушивается ураган, люди думают не о том, что он обломает ветви деревьев и сорвет плоды: все это восстановится; но вот выдержат ли корни? Так же и в наше время сомнений и преобразований все зависит, в конечном счете, от корней. Берегитесь ложных ценностей, идущих от тщеславия и недолговечной моды. Спаситель предостерегал нас от быстрых взлетов, когда молодые ростки погибают, заглушенные сорняками.

Иезекииль говорил нам о кедре, который, хотя и был прекрасен, но обрекался на гибель (Иез 31, 1-9). «Посему так сказал Господь Бог: за то, что ты высок стал ростом и вершину твою выставил среди толстых сучьев, и сердце его возгордилось величием его... — за беззаконие его Я отверг его» (Иез 31, 10-11). Кедр поверил в свою самодостаточность. Вспомните также и гимн Марии «Magnificat»: «...низложил сильных с престолов, и вознес смиренных» (Лк 1, 52).

Все сказанное может показаться банальным и самоочевидным: кто сегодня станет отрицать ведущую роль Слова Божия? И тем не менее я убежден, что именно здесь кроется наша слабость и неподготовленность перед нынешним смятением мысли. О нашем времени можно говорить то же, что сказано о времени Самуила: *«Слово Господне было редко в те дни»*. О, разумеется, в возражениях из вежливости, равно как и в нескончаемых дискуссиях между специалистами, недостатка нет. Но где же наша смиренная попытка проникнуть в Замысл Божий, попытка, исполненная любви и деликатности и в то же время настойчивая? Где наше стремление понять его в полном объеме, начиная с Книги Бытия и кончая Откровением, от Авраама и до папы Павла VI? Необходимо возродить ту духовность, которая была у пророка Исаии: *«Господь Бог дал Мне язык мудрых, чтобы Я мог словом подкреплять изнемогающего; каждое утро Он пробуждает, пробуждает ухо Мое, чтобы Я слушал, подобно учащимся»* (Ис 50, 4).

Можем ли мы утверждать, что главная ось нашей жизни, нашего катехетического служения, нашей проповеди проходит именно здесь? Прибегаем ли мы к Библии лишь для того, чтобы приукрасить наши теории и наши поступки, как припудривают сахаром пирожное, или же она действительно является той закваской, на которой всходит тесто нашей жизни и апостольского поиска? Слово Божие творит простоту сердца и ясность разума, которые не дадут нам потеряться в нынешней путанице идей и приведут все многообразие к единству.

Если слова «смиранный» и «человек» (*humble, homme*) происходят от слова *humus* («почва»), то слово *solide* («прочный») — от слова *sol* («земля, грунт»). Простые вещи и есть самые важные.

«Каждый день нашей жизни, — писал Жильбер Сесброн², — мы возвращаемся к одним и тем же проблемам, иногда

страстно, иногда спокойно и терпеливо, подобно волнам, которые океан гонит к одним и тем же берегам... Почему мы без конца размышляем об одних и тех вещах? Потому что в один прекрасный день мы убеждаемся, что только они одни и важны для нас. Не перекапывает ли садовник всю жизнь одну и ту же землю? Оттого и рельсы не ржавеют, что по ним проходит поезд за поездом»³.

«Каждый раз, когда мне казалось, что я постигал глубочайший смысл мира, меня потрясала его простота,

— писал, вслед ему, Альбер Камю.

Да, Бог бесконечно прост. Не той простотой, которая сродни ничтожности, но которая, напротив, есть абсолютная полнота, где все приведено к единству. Именно Он и дал нам сердце простое, цельное, бесхитростное. Потому братская жизнь, дивная и прекрасная, — возможна.

Вера подобна дереву. Не подумайте, что поборники Школы Веры считают себя умелыми садовниками. Они даже не смеют помышлять о том, что всегда близки к первоисточникам. Но они прошли через опыт укоренения, о котором я только что говорил. Они видели, какие чудеса творит Бог. Они не дадут вам пасть духом, когда настанет ночь, когда корни будут томиться *«в земле пустой, иссохшей и безводной»* (Пс 62, 2). И они разделят полноту радости вашей встречи со Словом Божиим, радости с избытком.

Одиночество и общение

«Если корень свят, то и ветви» (Рим 11, 16). Вам знакомы, конечно, эти слова апостола Павла. Рассмотрев сначала корни деревьев и живой источник Слова Божия, обратимся теперь к листьям — к нам самим.

Каждый листок дерева, независимо от вида, являет собой удивительное чудо: он есть источник жизни. С помощью соков, притекающих от корней, при участии солнца,

ВВЕДЕНИЕ

заливающего светом листву, путем хлорофилловой ассимиляции листья превращают в жизнь неорганическую материю, минеральные соли, воду, свет.

Самые высокие мысли, самая совершенная святость в жизни держатся на чуде травинки, зеленого листа и фотосинтеза. Любое дерево, начиная с дуба и кончая елью или пальмой, так устроено, чтобы каждый его листок или иголочка могли усвоить максимальное количество света.

Но представьте себе листок, который вздумает заявить: «Не нужен мне солнечный свет, мне достаточно общения с деревом». Что ожидает такой листок? Очень скоро он станет дряблым, желтым, лишится упругости и красоты, потому что жизнь начнет постепенно его покидать.

Каждый из нас и есть такой вот листок на древе Церкви, а солнце, которое нам светит, есть солнце правды, солнце Христа. И каждого верующего животворит встреча со Христом, встреча с глазу на глаз, которая выражена словами: *«Когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою [сегодня Иисус сказал бы: «отключив телефон»], помолись Отцу твоему, Который в тайне»*. Но если, подобно упомянутому листку, мы отказались бы от света, то очень скоро увяли бы, поблекли и ослабли, ибо прекратился бы фотосинтез благодати.

Но если бы листок вдруг заявил: «Я хочу пользоваться солнцем для себя одного», он отвалился бы от дерева, распался на земле, а затем через несколько часов засох и погиб. То же самое случится и с нами, если мы оторвемся от Церкви, от нашей общины или группы. Благодать творит посредством удивительной алхимии уединенности и общения. Причем не путем умелого дозирования обоих компонентов, а тем, что они как бы вызывают друг друга к жизни, взаимно животворят друг друга. Церковь есть Тело Христово в самой глубине его жизненности, и каждая его клетка связана с Главой и со всеми другими. Попутно заметим, что если какая-либо ветвь целиком прячется

от солнца или ломается, то смерть отдельных листьев на ней неизбежна, хотя и наступает не так быстро.

Если обратимся к образам вне христианства, то очень глубоко почувствовал роль дерева, связующего землю и небо, Антуан де Сент-Экзюпери:

«Корнями своими вросшее в землю, ветвями своими вросшее в звезды, дерево — вот тот путь, по которому идет обмен между звездами и нами».

Так же и молитва для христианина — и потаенное движение к истокам Слова Божия, и предоставление себя озарению и преображению Светом Христовым: *«Светом истинным, Который просвещает каждого человека, приходящего в мир»* (Ин 1, 9).

Христианская молитва охватывает все. Как деревья удерживают землю и не допускают эрозии почвы, так и люди молитвы охраняют землю людей, сцепляют разлетающиеся комья и, что особенно важно, очищают воздух. Молитва творит эту невидимую, но реальную работу по скреплению, соединению и аэрации, *«чтобы и рассеянных чад Божиих собрать воедино»*, за что и положил Свою жизнь Спаситель; так говорит нам апостол Иоанн (11, 52).

В своем сравнении Сент-Экзюпери идет дальше:

«Травы, теснящие друг друга, преобразовать в дерево, на котором каждая ветвь возрастает от благополучия других ветвей».

Древо Креста

Но мы должны вспомнить и о другом древе, древе осуждения, на котором Иисус был распят за нас. Во Второзаконии сказано: *«Ибо проклят пред Богом [всякий] повешенный [на дереве]»* (21, 23). Опираясь на это, апостол Павел не побоялся утверждать, что *«Христос искупил нас от клятвы»*

ВВЕДЕНИЕ

закона, сделавшись за нас клятвою» (Гал 3, 13). Да, проклят, но из-за нас и ради нас. Он *«отдал Себя Самого за грехи наши»*, — читаем в другом месте (Гал 1, 4).

Павел помнил, как, преследуя христиан, он их *«принуждал хулить Иисуса»* (Деян 26, 11), заставляя говорить: *«проклят будь, Христос»*⁴. Спустя время он повторил эту формулу, но добавил слова *«за нас»*, и это меняет все: теперь эти слова пронзают наше сердце.

Апостол Петр писал: *«Ибо вы к тому призваны, потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его. Он грехи наши Сам вознес телом Своим на древо, дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды: ранами Его вы исцелились»* (1 Пет 2, 21, 24).

Итак, Его ученики — это ученики Иисуса, пригвожденного ко Кресту. *«Мы же проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для язычников безумие»* (1 Кор 1, 23). И мы должны научиться этому языку, который делает каждого из нас *«распятым для мира»* (Гал 6, 14). Мы должны также помнить о другом наставлении апостола Павла: *«Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени»* (Флп 2, 9). А почему? Потому, что Он принял унижение, *«дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено»* (Флп 2, 10).

Как без зимы нет весны, так и без Креста — Воскресения: *«Мы знаем, что мы перешли из смерти в жизнь»* (1 Ин 3, 14).

Лес живой

Вера наша, в конечном счете, больше дерева — это живой лес. И мы должны быть в этом уверены, несмотря на все сомнения, которые подстерегают нас на каждом шагу. Действительно, где же гарантии успеха наших трудов? А как быть, если мы не видим своего призвания? А если люди, столь твердые прежде, вдруг все бросают? Не переходит ли дело к другим, когда стареют конгрегации?

Разве не смертны институты, как смертны цивилизации? А как тогда Церковь?

Такие вопросы возникают постоянно.

В природе все прекрасные деревья — да простят мне, что я вновь возвращаюсь к этому примеру, — стареют и умирают. Ливанские кедры, где они? А дерево Иезекииля?

Но в действительности ничто не пропадает: если дерево гибнет, то оно бессмертно в семенах. Благодаря семенам лес никогда не перестает быть. Он вдобавок движется, перемещается шаг за шагом. Развеянные ветром, уносимые ручьями и реками, птицами и зверьми, лесные семена прорастают во всех краях земли. «Дерево думает, что оно неподвижно; но оно шагает из поколения в поколение», — писал Сент-Экзюпери.

Не будем бояться устаревания общественных институтов или появления трещин на стенах домов. Вполне возможно, они уже отжили свой век... За них ли держаться? Ведь важно иное: семена должны всегда сеяться по земле. Семена в евангельском понимании — это люди, захваченные Словом Божиим, это сердца, возвращенные на доброй почве и постоянно приносящие плоды. Человеческие установления могут погибнуть, но люди, встретившие Христа, являют собой бессмертные семена: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить». Всякий раз, когда человек, будь то ребенок или взрослый, больной или здоровый, неграмотный или ученый, всякий раз, как человеческая душа встречает Бога Живого, в сердце зажигается пламя, которое будет светить в вечности.

Вспомните Александра Солженицына, Светлану Аллилуеву, родную дочь Сталина. Выросшая в Кремле, в самом сердце атеизма с его железобетонными стенами немыслимой толщины, близкая к самоубийству, она встречает Андрея Синявского, который знакомит ее с Псалмами.

Она начинает их читать:

«Я искала слова, которые помогли бы мне понять то, что я чувствовала. И вот нашла Псалмы Давида. Давид — поэт, сердце его открыто, сердце его готово разорваться. Он не может опомниться в этой жизни и встречается Бога; он просит Бога о помощи, когда чувствует, что ему не справиться; он рассказывает о своих слабостях, ищет, в чем был неправ, корит себя за ошибки, признает, что он — ничто, мельчайшая частица вселенной; но все-таки — частица, и вот он уже благодарит за весь окружающий его мир и за свет в своей душе.

Я никогда не слышала слов, которые действовали бы так сильно, как слова Псалмов. Их жгучая поэтичность очищает, возвращает мужество, помогает увидеть себя, увидеть свою неправду и начать сначала. Псалмы — это великое пламя любви и истины».

А Синявский? — В нем тоже готовилось к росту зерно веры, которое было занесено откуда-то издалека. Когда-то он был активным комсомольцем. Но вот увидел в партийной доктрине одно уязвимое место: цель оправдывает средства. И хотя атеизм его был прочен, этот вопрос его не оставлял. Его жена занималась реставрацией икон. Ремесло, как любое другое, — вера здесь ни при чем. Но однажды он набрел на «Мысли» Паскаля... Разуму молодого человека Паскаль открыл путь веры. Наверное, иконы тоже подготовили почву.

Как не поверить в бессмертные семена веры — у Паскаля, Синявского, Светланы, — семена, для которых ни Берлинская стена, ни стены Кремля не стали преградой...

ПЛАН ЗАНЯТИЙ

Вот путь, по которому мы пойдем в этой книге.

Часть первая: Взгляд на мир

Приведу знаменитые слова Карла Барта: «Есть две вещи, которые обязательны для ежедневного чтения христианина, — Библия и газета». Библия рассказывает, каков мир; газета сообщает, чем он живет сегодня. Мы начнем с Библии, с Книги Бытия, с ее первой главы, которая повествует о мире как замысле Божиим. Все повествование о сотворении мира оттеняется в ней рефреном: *«И увидел Бог, что это хорошо»*. Газета приносит нам нескончаемую литанию язв современного человечества (глава 2).

Сопоставляя Слово Божие и газету, христианин обнаруживает еще одну язву, молчащую и смертоносную: отсутствие Бога (глава 3), и задается вопросом — почему? (глава 4). Мы обратимся затем к опыту замечательной женщины, экономиста и эксперта по вопросам окружающей среды, — Барбары Уорд, и речь пойдет о движении к новому общепланетарному порядку (глава 5).

Тут мы сделаем остановку и, вооружившись Библией и газетой, посмотрим на положение Веры в мире. Как христиане приходили к Вере вчера? Как они будут приходить к Вере завтра в мире ускоренной урбанизации и индустриализации? Что происходит сегодня (глава 6)?

Здесь мы придем к определенному выводу и, если он верен, займемся поиском таких форм человеческого

ПЛАН ЗАНЯТИЙ

сообщества, в которых Вера сможет зарождаться и возрастать сегодня и завтра (Части вторая и третья).

Часть вторая: Собрать воедино рассеянных чад Божиих

Самый серьезный вопрос для каждого христианина состоит не в том, чтобы прийти в Церковь, но чтобы мы все вместе стали Церковью. Мы обратимся к проблеме зарождения Церкви среди неверующих. Для того чтобы это действительно происходило, нам нужно научиться прежде всего умело входить в общение с людьми — таково одно из основных наших положений. Пример трех протестантских пасторов покажет нам, каким путем идти: от пастырской группы — через общину квартала — к Церкви (глава 7).

Затем мы углубимся в вопрос, сколь важна общность судьбы христиан, открытие которой является, по-видимому, одним из важнейших за последние десятилетия. В главе 8 мы рассмотрим это с трех сторон:

- рождение великого прозрения этой общности; здесь речь пойдет об о. Лебре и движении «Экономика и гуманизм»;
- осознание личной причастности к общности судьбы, вызывающее чувство шока;
- некоторые плоды общности судьбы.

Часть третья: Народ Божий в братском общении

Название обращает нас прежде всего к идее Церкви как Народа Божия. Мы увидим, как она стала одним из главных достижений II Ватиканского Собора. Затем переведем основное внимание на братское общение христиан и попытаемся ответить на вопрос: что его создает и что ему благоприятствует. Для этого рассмотрим миссионерскую группу как инструмент апостольства и первейшую ячейку

Царства Божия (глава 9). Далее перейдем к практике проведения регулярных обзоров жизни, являющейся как бы барометром духовного состояния группы (глава 10). Сохраняя верность Писанию и его видению мира, остановимся на конкретных примерах зарождения первичных общин, в частности, в Бразилии и в Африке, и привлечем важнейшие тексты папы Павла VI о евангелизации (глава 11).

Вернувшись к первым дням существования Церкви, мы исследуем основные черты христианской общины по свидетельствам Нового Завета, особенно в Деяниях Апостолов и Посланиях апостола Павла (глава 12). Наконец, перейдем к недавнему прошлому и рассмотрим общинную жизнь по Дитриху Бонхёфферу (глава 13).

Часть четвертая: Пути открытыми

Среди многих не решенных за последние годы вопросов особенно привлекают два, что, по-видимому, связано с ростом групп общности судьбы. Какое освещение может дать Слово Божие двум противоположным темам, вызывающим ныне столь горячие споры, а именно: как быть бедным среди бедных и одновременно участвовать в борьбе против кесаря? (Главы 14 и 15.)

Часть пятая: Церковь в пути

Мы возвратимся к Народу Божию, о котором шла речь в Части третьей, и на этот раз подчеркнем его движение во времени и пространстве. Как в годы между I и II Ватиканскими Соборами было пережито величайшее повеление Господа: *«идите, научите все народы»* (глава 16)? Какую небывалую новизну принес II Ватиканский Собор (глава 17)? И тогда, совершив евангелизацию собственных сердец, может быть, мы и сумеем сами стать евангелизаторами...

Часть первая

Взгляд на мир

ГЛАВА 1. **«И УВИДЕЛ БОГ, ЧТО ЭТО ХОРОШО»**

Мы остановимся на два года в Школе Веры только для того, чтобы перевести дух. После этого — вновь возьмемся за борьбу, со свежими силами. Недопустимо, чтобы наши личные проблемы или проблемы нашей группы затемняли наш взор на человеческий мир. Когда мы глубоко погружаемся в тяготы нынешнего мира, вера наша рискует потерпеть крушение. Вот почему, прежде чем описывать боли современности, мы должны выковать в себе твердое убеждение Веры и научиться смотреть на вещи просветленным взглядом христианина в духе учения Библии: *«В начале сотворил Бог небо и землю... И увидел Бог, что это хорошо»* (Быт 1).

Космонавты и ученые удачно придумали новое слово надежность, чтобы выразить, в какой мере можно довериться ракетной технике. И вот первая глава Книги Бытия рассказывает нам о надежности мира, родившегося из Любви Божией.

Оригинальность библейского повествования о сотворении мира, если сравнивать его с другими космогониями, состоит в том, что мир предстает перед нами изначально существующим под знаком высшего порядка. Бог выступает совсем не как древний герой, который, организуя беспорядочный мир, тяжело боролся с враждебными злыми силами и изначально хаосом. Единый Бог

ВЗГЛЯД НА МИР

предшествует всему. Он творит без усилия и без помощников: *«Ибо Он сказал, — и сделалось; Он повелел, — и явилось»* (Пс 32, 9). Он Сам поручился за то, что мир — это хорошо, хорошо весьма.

Романо Гуардини в книге «Начало всех вещей» пишет:

«Сначала в мире не было ничего дурного. Все, что Бог сотворил, люди придумали для оправдания своих дел и их последствий...

Нужно, чтобы человек всем сердцем усвоил, что все, сотворенное Богом, хорошо. Лишь человек внес зло в благой Божий мир.

Жизнь прекрасна. А все трагические или эстетические концепции о мире, утверждающие, что зло неотделимо от мира, что оно сопутствует добру как его противоположус или создает духовное напряжение, необходимое для движения истории, — все эти теории человек изобрел для оправдания зла, которое он принес в мир. И неважно, какие формы древнего или современного гностицизма лежат в основе таких концепций. Сущее прекрасно уже по самому своему происхождению. Зло, которое подрывает его, привнесено позднее...»

Никогда нельзя забывать стоящее за этими словами фундаментальное видение мира; оно коренным образом разделяет нас с марксизмом и со всеми разновидностями манихейства — как древнего, так и обновленного. Если Школа Веры обучает правильному видению, то мы должны прежде всего научиться хранить в сердце и в разуме видение Самого Бога на всецелое творение — вопреки всему, что его искажает.

Именно в этом смысле высказался Жак Маритен⁵ в одной из своих последних книг на тему о «невиновности Бога». Следует ли вменять Богу в вину какое-то зло? Сколь бы ни был темен мрак, как бы зло ни пронизывало нашу жизнь, как бы мы ни терзались вопросом, отчего

добрый Бог «попускает такое», реакция наша должна быть основана на уверенности, что Бог «неповинен» в зле. В природе нет ничего изначально злого. Бог дал каждому существу все необходимое, чтобы оно исполнило свое назначение. Величие призвания человека состоит в том, чтобы восстановить в себе образ Божий, «икону Бога».

Творение, разумеется, не является одной только красотой. Однако подлинная мудрость состоит в том, чтобы никогда о ней не забывать, каковы бы ни были коллизии, в которые мы втягиваемся. Есть только один верный способ смотреть на мир и окружающих нас людей — глазами христианина, а не ученого и политика; но это может быть и видение поэта.

Никогда не вступайте в мучительные и тревожные сферы зла, не утвердившись предварительно, как опытный альпинист, на позиции добра.

Вспомните об Александре Солженицыне. Ведь он прошел бесчисленные испытания, которые неминуемо должны были его сломить. Как смог он устоять? Он подстраховал свою позицию: «До тех пор, покуда можно вдыхать запах цвета вишни после дождя, жизнь стоит того, чтобы быть прожитой».

В таком же духе писала и Раиса Маритен:

Счастье свое охраняй благодарностью,

Огради его розами,

Пусть тебя наполнит радость,

Достойно прими его,

Полюби дар Божий

Любовью предупредительной,

И позаботься о милостях Его

Сердцем нежным и благодарным.⁶

Тысячи писем, которые я получаю, убедили меня, что, когда люди отрицают Бога, ссылаясь на существование зла в мире, их позиция — это часто позиция наблюдателей, расположившихся на балконе своего разума, в стороне

ВЗГЛЯД НА МИР

от самого зла. Но те, кого зло поразило прямым попаданием, говорят о нем совсем иначе, без недомыслия, но с чувством глубочайшей тайны.

Ниже приведена поэма Уэлдона Джонсона «Сотворение мира», которая рассказывает о Вере авторов негритянских «Спиричуэлс». Негры, депортированные из Африки в Америку, оказались в рабстве, но, имея Веру, воспели Бога. Это поэма о Сотворении, пережитом сердцами, которые сумели увидеть Бога из глубины своего несчастья. Это поэма о доверии к миру.

И вот Бог переступил порог пространства.

Он посмотрел вокруг и сказал:

— Я совсем один.

Сотворю Себе мир.

Вокруг же все,

что только мог охватить взор Божий,

Было окутано мраком

Чернее тысячи ночей,

Как там, в кипарисовых зарослях.

Тогда Бог улыбнулся,

И стал свет,

И потемки покатались в одну сторону,

А свете засверкал с другой,

И сказал Бог: «Вот это хорошо».

Тогда склонился Бог и взял свет в свои руки,

И скатал его руками и сделал твердым,

Чтобы сотворить солнце;

А потом закинул раскаленное солнце на небо.

А из света, который еще оставался,

Сделал Бог сверкающий шар

И разбил его о мрак,

И покрыл ночь луною и звездами,

А затем внизу, между мраком и светом,

Собрал Он землю;

И сказал Бог: «Вот это хорошо».

А потом спустился Сам на землю.
И солнце было у Него справа,
А луна слева,
И под ногами была земля.
И ходил Бог, и от шагов Его
Расступались долины,
И оттого по краям воздвиглись горы.
Остановился Бог и увидел,
Что раскалена земля и пуста.
Тогда шагнул Он до края света
И выплюнул семь морей.
Он сдвинул брови — и молнии пересекли небо.
Он ударил в ладоши — загрохотали громы,
И воды, что сверху, устремились на землю.
Пала на землю освежающая влага.
И вот уже выросла зеленая трава,
И распустились аленькие цветочки,
А сосна указывала на небо
одним-единственным пальцем.
И распростер объятия дуб.
Расстелились озера в углублениях земли,
И потекли реки в сторону моря.
И опять улыбнулся Бог,
И стала радуга в небе
И обвила Его плечи.
И поднял Бог руку, и стряхнул ее,
Повесив над морем и землей,
И сказал: «Пусть будет жизнь».
И не успел Он опустить руку,
Как рыбы, звери и птицы
Заполнили реки и моря,
Заселили леса и луга,
Стали крыльями рассекать воздух.
И сказал Бог: «Вот это хорошо».
И стал Бог гулять
И смотреть на все, что Он сотворил.

Он видел солнце
И луну.
Он видел малые звезды.
Он рассматривал весь мир
с его живыми тварями,
И сказал Бог: «Я все еще одинок».
Тогда Бог присел
На склоне холма, где можно было подумать;
Сел Бог у берега широкой и полной реки
И склонил на руки голову;
И был в размышлении много-много дней,
И подумал: «Сотворю себе человека».
Со дна глубокой реки набрал Бог глины;
И на берегу этой реки опустился на колени;
И вот Великий и Всемогущий Бог,
Который засветил Солнце и повесил его в небе,
Который разбросал звезды в ночных далях,
Который округлил землю в ладонях рук Своих,
Этот Великий Бог,
Как мать, склонившаяся над младенцем,
Опустился на колени посреди пыли
И трудился, трудился над кусочком глины,
Чтобы сделать его по Своему подобию;
А затем вдунул в него дыхание жизни,
И стал человек душою живою.
Аминь, аминь.

ГЛАВА 2. ЯЗВЫ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Утвердившись на позиции доверия к миру, позиции христианской, начнем размышлять обо всех формах неверности современного человека. Человеческая неверность? Так ведь Библия полна ею! Книга Бытия, которая так прекрасно воспевает и открывает нам благодать мира, переносит наш взор и на другую реальность, почти столь же значительную: на мир, который был испорчен стремлением человека к необузданной власти. Тварь оказалась *«порабощена суете, попала в рабство тлению»*: *«Вся тварь стонет в трудах рождения»* (Рим 8, 20, 22, согласно ИБ — Иерусалимской Библии).

Апостол Павел выражает с большой силой свое чувство скорби: *«...великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему»* (Рим 9, 2). Через 2000 лет по Рождестве Христовом язвы мира все так же тяжелы. Нужно иметь мужество смотреть всему этому в лицо, сознавая, что мы прикасаемся к ним лишь крайне поверхностно.

Насилие

Современный мир — это мир насилия. Наверное, не всегда насилие нужно осуждать: если человек угнетен, оно необходимо для освобождения. Мы живем в таком мире,

где борьба идет постоянно, будь то борьба между этническими группами или классами. Насилие преподносят людям как двигатель истории. Мы живем в мире, где насилие не просто существует, но его еще и оправдывают.

Вот что писал Солженицын в Нобелевской лекции, которая так и не была им прочитана:

«Оказался наш XX-й век жесточе предыдущих (...) Те же старые пещерные чувства — жадность, зависть, необузданность, взаимное недоброжелательство, — что на ходу принимали приличные псевдонимы вроде классовой, расовой, массовой, профсоюзной борьбы, рвут и разрывают наш мир. Пещерное неприятие компромиссов введено в теоретический принцип и считается добродетелью ортодоксальности. Оно требует миллионных жертв в нескончаемых гражданских войнах, оно нагуживает в душу нам, что нет общечеловеческих устойчивых понятий добра и справедливости, что все они текучи, меняются, а значит, всегда должно поступать так, как выгодно твоей партии. Любая профессиональная группа, как только находит момент вырвать кусок, ...хотя б и избыточный, — тут же вырывает его, а там хоть все общество развались»⁷.

Многие могут подумать, что слова эти адресованы коммунистическому миру и его партиям. Но Солженицын в том же самом упрекает и «свободный мир»:

«Амплитуда бросков западного общества, как видится со стороны, приближается к тому пределу, за которым система становится метастабильной и должна развалиться. Все меньше стесняясь рамками многовековой законности, нагло и победно шагает по всему миру насилие, не заботясь, что его бесплодность уже много раз проявлена и доказана в истории. Торжествует даже не грубая сила, но ее грубое оправдание...»⁸

Это поистине пророческие слова, и они особенно впечатляют еще и потому, что автор «Гулага» написал их

в 1970 году — еще до того, как покинул Советский Союз. Увы, мы знаем, что Солженицын прав. Насилие действительно покорило мир. Или, как он выразился, «...заливает мир наглая уверенность, что сила может все, а правота — ничего»⁹.

Добавьте к этому, что насилие порождает страх и что сам страх используется как средство давления. И разве вся атомная стратегия не держится на запугивании, то есть на страхе? «Насколько сильно мне удастся тебя запугать?» Все мировое равновесие в настоящее время основано на атомном шантаже.

Папа Павел VI в своем официальном выступлении перед дипломатическим корпусом, аккредитованным при Святейшем Престоле, настойчиво разоблачал, сколь «опустошительно умножение насилия», сколь «запутано сцепление насилий». Мы должны внимательно прочитать эти тексты и ознакомить с ними других, ибо наши газеты на удивление упорно молчат о Церкви, пока дело не коснется секса или церковных обрядов.

Папа Павел VI перечислил различные виды насилия и всякого попустительства ему: «нарастание терроризма и репрессий», «тайная агрессия»; он также сказал об «их последствии — отравлении общественного организма, подчас еще более опасном, чем первоначальное зло!».

Папа призвал дипломатов «продумать новые пути, на которых разум, сохраняя всю свою критичность и сердечность вместо того, чтобы подстегивать агрессивные инстинкты обладания, власти и узкого национализма, расовых и сексуальных страстей, научился бы властвовать над ними во имя высших целей, как личных, так и общественных»¹⁰.

Это важнейшее выступление явилось одновременно и ответом на письмо, адресованное папе от имени «Христианского движения за отмену пыток»¹¹.

Пытки

Пытки существовали во все времена человеческой истории и стали в наши дни тягчайшим злом напоподобие рака. Они все больше проникают если не в государственные учреждения, то в повседневную практику правительства и полиции. Их считают нормальным инструментом власти. Так, в Бразилии в 1965 году одна вполне серьезная газета, отнюдь не падкая на скандалы, описала 35 способов пытки, применяемых только для того, чтобы вырвать признание у преступников и отщепенцев. И никто не возмущался — ведь речь шла о правонарушителях, а не о «политических».

Нет ни одной страны, от этого свободной. Причем вопреки тому, что 6 ноября 1974 года Генеральная Ассамблея ООН высказалась за отмену пыток 125-ю голосами против 0! Но еще 21 октября 1970 года папа Павел VI сказал на генеральной аудиенции:

«...Наш мучительный долг обратить внимание всех людей доброй воли на отвратительные факты, имеющие место сегодня на мировой арене. Эти факты ранят наши чувства, они стали настолько вопиющими, тягостными и частыми, что их нельзя больше считать отдельными случаями, — они свидетельствуют о значительном нравственном упадке.

Каковы эти факты? Прежде всего, пытки. О них говорят как о широко распространившейся эпидемии во многих частях света... Пытки — это жестокие и бесчеловечные полицейские методы, применяемые, чтобы вырвать из уст заключенных признание; они должны быть категорически осуждены. В наше время они недопустимы даже под предлогом осуществления справедливости и защиты общественного порядка. Они тем более недопустимы, когда осуществляются без мандата или разрешения вышестоящего начальства теми подчиненными органами, на которых лежит ответственность за подобные злоупотребления и позорное

насилие. Они являются не только физическим унижением, но и оскорблением достоинства человеческой личности. Они порочат смысл и достоинство правосудия. Они провоцируют на заразные и жестокие чувства ненависти и мести».

Как прикосновение каленого железа, эти слова должны пробуждать нас от равнодушия к практике пыток, которая существует почти открыто и с такими методами, до которых может дойти лишь самое развращенное воображение¹².

Ложь

Насилие порождает ложь, и это описал опять-таки Солженицын в своем духовном манифесте «Жить не по лжи!» от 12 февраля 1974 года:

«Когда насилие врывается в мирную людскую жизнь — его лицо пылает от самоуверенности, оно так и на флаге несет и кричит: “Я — Насилие! Разойдись, расступись! — Раздавлю!”. Но насилие быстро стареет, немного лет — оно уже не уверено в себе, и чтобы держаться, чтобы выглядеть прилично, непременно вызывает себе в союзники Ложь. Ибо: насилию нечем прикрыться, кроме лжи, а ложь может держаться только насилием. И не каждый день, и не на каждое плечо кладет насилие свою тяжелую лапу: оно требует от нас только покорности лжи, ежедневного участия во лжи — и в этом вся верноподданность».

Насилие и ложь неотделимы друг от друга, и Солженицын часто возвращается к этой мысли. Вот еще отрывок из его Нобелевской лекции, где сказано о том, что мы не должны забывать:

«...насилие не живет одно и не способно жить одно: оно непременно сплетено с ложью. Между ними самая род-

ственная, самая природная глубокая связь: насилию нечем прикрыться, кроме лжи, а лжи нечем удержаться, кроме как насилием. Всякий, кто однажды провозгласил насилие своим методом, неумолимо должен избрать ложь своим принципом»¹³.

Трусость

С насилием и ложью приходит трусость: порок, в котором, как известно, Солженицын язвительно упрекает наш западный мир. Вот, например, соглашательство Франции и Англии с Гитлером в Мюнхене — оно было для Солженицына не просто эпизодом, случайной ошибкой. Вовсе нет: «Дух Мюнхена преобладает в XX веке. Оробелый цивилизованный мир перед натиском внезапно противившегося оскаленного варварства не нашел ничего другого противопоставить ему, как улыбки и уступки»¹⁴. Подобная трусость — признак серьезного заболевания воли, это уже хроническое состояние душ всех тех, которые отдались погоне за благополучием и для которых материальное благо стало основной жизненной целью. Поэтому западному миру грозит катастрофа: «Расплата за трусость будет только злей» (Нобелевская лекция)¹⁵.

Нищета

Было бы излишне распространяться об ужасающей нищете многих стран третьего мира, нищете, о которой большинству из нас хорошо известно. Я напомним только о Бангладеш — квинтэссенции всех ужасов¹⁶.

Однако всегда следует помнить и о «четвертом мире» — о забытых людях в наших странах, о тех, которые составляют, по выражению Маркса и Энгельса, — «пролетариат

в лохмотьях», «люмпен-пролетариат». Есть многочисленная часть населения — 2 миллиона человек в одной только Франции, и 10 миллионов в Западной Европе, — которая лишена доступа к культуре и трагически не находит себе применения; ее игнорируют профсоюзы и кое-как опекают лишь органы социальной помощи, да и то не имея никакой надежды на улучшение.

Каждый раз, когда я встречал этих несчастных из третьего или «четвертого» мира, меня поражала одна вещь — грязь. Как в прямом смысле, так и в переносном (ведь говорят же: «смешать с грязью»). Грязь — самый ужасающий символ нищеты. Вспомните трущобы и попытайтесь представить себе десятки миллионов жителей Бангладеш, умирающих от голода под муссонами. Во время войны жертвы концентрационных лагерей прошли через подобный тяжкий опыт. Об этом, например, рассказала одна женщина, Пелагия Левинская в книге «Двадцать лет в Аушвице» (польск. Освенцим. — *Прим. ред.*). Самой большой мукой было там именно это — «бездонное глинистое месиво», которое заполняло все. Из-за него любое перемещение требовало от людей, обессиленных голодом и тифом, нечеловеческих усилий. И она пишет:

«Я поняла, что организация лагеря была подчинена одной хорошо продуманной мысли: мы были осуждены на то, чтобы погибнуть в нашей собственной грязи, захлебнуться в жидкой дряни, в нечистотах. Так они и задумали: унижить нас и наше достоинство, уничтожить в нас все человеческое, довести нас до уровня одичавших зверей, внушить нам ужас и отвращение к самим себе и ко всему окружающему»¹⁷.

В Осаско, в бразильском квартале, где мы трудились, первым, чего потребовали жители этого отдаленного и необъятного предместья, было заасфальтировать улицу, что позволило бы им появляться на работе в опрятном виде.

И Банин (Banine) в прекрасной книге «Чужая Франция»¹⁸ описывает такую сценку, увиденную им в Париже:

«В жалком сарае — роскошный автомобиль, сверкающий и отхромированный на славу. Он поблескивал, как серебристо-черная звезда, наполняя этот убогий интерьер неожиданной роскошью.

— Вы держите его здесь?

— Нельзя же ему оставаться в грязи... Это вот они могут месить навоз, а не эта машина, такая нарядная».

Грязь — признак деградации человека, а влекут ее за собой несправедливость и насилие...

Насилие, ложь, трусость, нищета — разумеется, этим не исчерпывается перечень всех тягот нынешнего человека. Следует еще сказать:

О невежестве: несмотря на все усилия, безграмотность возрастает из года в год, и специалисты не знают, как с этим бороться!

О голоде: «Быть только наполовину сытым — значит быть лишь наполовину живым!» (папа Павел VI).

О болезнях: последние сводки Всемирной организации здравоохранения напоминают, что в мире все еще около 10 миллионов прокаженных; что нарастают венерические заболевания; что новое заболевание — геморрагическая лихорадка, открытая на Филиппинах в 1954 году, распространяется в Италии и выбирает себе жертвы преимущественно среди детей в возрасте от 5 до 7 лет;

О коммерческой эксплуатации секса, о «профанировании эротики», что опустошает любовь.

И, наконец, об *изолированности* одинокого человека — бедствии больших городов. В нашем все более организованном мире, где былая примитивная система взаимопомощи деревни, клана, племени заменена огромным и безличным механизмом социальной защиты, — горе одинокому человеку!

Новое явление — маргинализация

В нашем мире, где господствует прогресс, все растет число людей, которые отщепились, выпали из социальных связей, махнули на все рукой и потеряли свое достоинство¹⁹. Сначала они утратили связь с основными жизненными задачами и интересами — работой, домом, семьей, религией, политикой. Все это постепенно померкло в их глазах и сегодня стало для них почти пустым звуком.

Тем не менее время от времени в их душе вдруг возникает какая-то вспышка жизни. Рождается мысль, которая быстро становится навязчивой: «Окрестить ребенка!». Все приходит в движение, предпринимаются шаги. Но это возбуждение не имеет будущего. И точно так же с поисками работы. Отец, месяцами не искавший работу, вдруг выходит из оцепенения. Он одержим мыслью о работе. Он негодует на лодырей. Но после одной-двух бесплодных попыток — снова апатия: «Ни к чему все это!».

Подобная утрата интересов составляет одно из бедствий человека нашего времени. Она замыкает его в предельном одиночестве: любое общение становится невозможным.

Это составляет драму для больных, для старых, ущербных, неприспособленных. Их преследует страх потерять опору в мире, базирующемся на выгоде и быстроте; гнетет отчаяние перед необходимостью поисков от одной конторы к другой, от одного врача к другому; разъедает горечь от любопытствующих взглядов, неловких намеков, нескончаемых ожиданий; удручает неспособность высказаться, убедить в чем-то окружающих, восстановить с ними простые и естественные отношения. И человек перестает стараться не отстать от основной массы людей, и примиряется с жизнью на обочине...

Отщепенство среди безработных имеет самые драматические последствия. Жена одного из них заявила: «Наша проблема не в том, как жить, а как выжить». Ужасная мысль...

ГЛАВА 3. ОТСУТСТВИЕ БОГА

Среди всех язв современного человечества есть одна, которая должна волновать нас больше других, — отсутствие Бога.

Не столь зримая, как все остальные, она не попадает на экраны телевидения. Конечно, изможденный ребенок со вздувшимся животом тяжело ранит наши чувства. Но умеем ли мы сострадать человеку, *«не имеющему надежды и безбожнику в мире»?* (Еф 2, 12). Где же наша вера? Св. Доминик и св. Франциск Ассизский громко зывали и плакали, потому что Бог был неведом миру и нелюбим им: «Любовь нелюбима».

Еще в 1948 году кардинал Сюар²⁰ писал в одном из своих знаменитых пастырских посланий²¹:

«Главное, из-за чего мы решились говорить вам о Боге, это то, что о Нем больше не говорят. В мире, который Он сотворил, Ему не осталось места. Он стал Отсутствующим. Можно ли равнодушно хранить молчание, столкнувшись с таким немислимым фактом? Нет, и нами движет нечто большее, чем мистический мотив, это — потребность сердца, крик тревоги и сигнал к сбору. Он раздается из глубин нашей души, чтобы прорваться к вам...

Нет особой нужды перечислять все относящееся к этому Отсутствию. Важнее осознать его со всей остротой, до ощущения физической боли. Необходимо решительно протестовать, чтобы как можно скорее избавиться от этой медленной асфиксии».

Затем кардинал цитирует несколько строк из Леона Блуа²², но я не могу удержаться от желания привести вам полный текст, написанный им в 1900 году — на заре нашего века (фраза, цитированная кардиналом, выделена в тексте Блуа курсивом).

Если пророческие слова вообще имеют смысл, то именно здесь этот смысл особенно выразителен:

«Удивительно, что в эпоху, когда мелочная информация стала у нас Колдуньей, невозможно найти никого, кто общился бы людям новость об их Творце.

Он отсутствует в городах и деревнях, в горах и на равнине. Он отсутствует в законах, в науках, искусстве, политике, воспитании и нравах. Даже в религиозной жизни Он отсутствует, потому что желающие оставаться Его ближайшими друзьями вовсе не нуждаются в Его присутствии.

Бог отсутствует как никогда ранее. Общеизвестное место Псалма, заставлявшее трепетать древних евреев: «*Ne dicant gentes: ubi est Deus eorum*»²³, свершилось, наконец, во всей полноте! Но на это понадобилось не менее девятнадцати веков христианства.

Разумеется, христиане не перестают неизменно верить, что Бог вездесущ — на небе, на земле и в аду. Но эта вездесущность, все еще успокоительная для душ многих людей, стала равноценной Его окончательному отсутствию в их жизни, потому что они больше не верят ни в небо, ни в ад, и утратили также реалистичное представление о земле.

Отсутствие стало одним из атрибутов Бога. Совершилось устранение Творца, Который стал больше не нужен людям, потому что они решили, что придумали нечто лучшее, чем рай. Бог отсутствует в такой же мере, в какой Ему воздается поклонение, причем так, как будто бы катехизис следует прочитывать в противоположном смысле и вечное Блаженство состоит в том, чтобы не видеть Его.

Все что угодно, но только не это. Вот где великий Страх человеческий: «Человек не может увидеть Меня и остаться

в живых”, — было сказано Моисею. Род человеческий так никогда и не смог прийти в себя после такого Слова. Если его едва могли понимать во времена святых, то кто же вынесет его сегодня? Вне духовной жизни, от которой народы все больше и больше удаляются, желание видеть Бога становится просто непонятным, и сама мысль, что Бога можно увидеть, — для них или абсурдна, или ужасна.

Сказано: “Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят”. Ну, раз так, то да здравствуют сердца нечистые, сердца порочные, сердца, ставшие обиталищем демонской нечисти!.. Разумеется, те, кто все еще считает себя христианином, этого не говорят, но именно так выражается их потаенный духовный выбор!

Настанет день — и похоже, что он уже близок, — когда всякое лицемерие иссякнет, и тогда весь мир открыто признает, что Бога нет совсем. Есть основания думать, что праздник этот настанет в начале будущего века. И поскольку все человечество к этому времени сядет на автомобили или велосипеды, почти никто не сможет прыгать от радости по такому случаю. Люди удовольствуются лишь тем, что будут яростно переезжать через тех редких и отсталых горепешеходов, которым все еще удастся избежать уничтожения. И люди продолжают свою неистовую гонку к двойной бездне, созданной гнусной техникой, — слабоумию мужчин и бесплодию женщин — и будут веселиться во всеобщем распаде и безумии» ²⁴.

Пастырское послание кардинала Сюара «Чувство Бога» следует перечитывать и осмысливать как один из величайших документов нашего времени. Ибо если мы сумеем осознать отсутствие Бога и почувствовать боль сердца, то приблизимся к исцелению. Но в том-то все и дело, что мы притерпелись ко злу. Кардинал Сюар продолжает:

«Нужно ли удивляться тому, что всеобщее безбожие воздействует и на самих христиан? Постоянно дыша в этой атмосфере, они в конце концов сами ею пропитываются. Всеми

своими чувствами они вбирают ее незаметный яд, самое опасное свойство которого состоит в том, что он не убивает свои жертвы, а вызывает у них иммунитет. Поэтому незачем отыскивать безбожников. Они здесь, на каждом шагу. Огромное множество крестившихся людей, не будучи атеистами, ведут себя, как и они».

Вполне понятно, что кардинал участвовал в организации Миссии во Франции.

Солженицын твердо стоит на том, что главное средство борьбы с насилием и ложью — это решительный отказ от лжи. «Наш путь, — говорит он, — ни в чем не поддерживать лжи сознательно!». Точно так же средством борьбы против отсутствия Бога в окружающей жизни является Его действительное присутствие в нашей собственной жизни. Это — такое присутствие, которое не замутнено примесями каких-то других наших пристрастий.

«Когда же мы увидим таких людей, которым достаточно Самого Бога?» — сказал Эдуард Эррио после визита священника, приходившего кланчить какие-то блага.

После рукоположения африканских епископов папа Иоанн XXIII дал им такой совет: «Неизвестно, что может случиться, но, что бы ни произошло, всегда помните, что Бог добр, что Он нас любит, что Господь пришел нас спасти и что мы спасены в Церкви подле Петра».

Папа Иоанн XXIII был непоколебим в своей вере. Но его мучила одна мысль: после 2000 лет христианства народы в массе своей все еще не пришли ко Христу, не говоря уж о миллионах христиан, которые словно бы утратили контакт с Ним.

Некоторые возразят: «Разве отсутствие Бога — это не пройденный этап? Разве сегодня мы не видим, что идет немалое религиозное оживление — есть ориентализм, многочисленные секты, новые увлечения, яркие манифестации?»

Конечно, да — но о Боге ли здесь речь?

Апостол Павел явно не спешил предлагать такое утешение, когданеустанно повторял своим ученикам Титу и Тимофею: *«Неприменно придет такое время, когда люди перестанут принимать здоровое учение, но страстно захотят слышать что-то новое и по своим вкусам будут подбирать себе учителей; и отвратят свой слух от истины и обратятся к мифам»* (2 Тим 4, 3-4, согласно ИБ; см. также 1 Тим 1, 4 и др.)

Эти новые «религиозные формы» появились повсеместно, но о чем они говорят? О признаках подлинной жизни или же о попытках хоть как-то выжить? Но даже для того, чтобы просто выжить, не требуется ли нечто большее?

ГЛАВА 4. ПОЧЕМУ БОГ ОТСУТСТВУЕТ?

«Различия между верующими и неверующими все больше стираются — и это не в области идеологии, а в сфере жизненной практики... Верующие живут как неверующие, а неверующие опираются на мораль или на подспудную метафизику верующих. Говоря словами Ницше, ни один христианин в нашем убогом мире не похож на спасенного верой. В глубине душ светских людей есть тягостная внутренняя пустота. А у тех, кто порой верит, что он все еще верует, ей соответствует какая-то дремота совести, а вместе с ней — желание ограничиться ненадежным благополучием, внутреннее равнодушие к недостижаемому, теплохладность, постоянная готовность идти на компромисс»²⁵.

Диагноз суров и, к сожалению, недалек от истины. Как же современный мир к этому пришел?

Зараженность богатством

Начнем с того, что касается в первую очередь нас самих, «богачей» западного мира: есть угроза, что богатые страны заразят страны бедные желанием иметь все больше, лишив их своих духовных богатств, глубины и оригинальности. Как помочь отсталым странам и нуждающимся выйти из нищеты, не заразив их микробом обеспеченности?

Этой проблемой занимался Дон Хелдер Камара²⁶. «Мы

должны, — говорил он, — выйти из состояния бесчеловечной нищеты и не впасть в бесчеловечную сверхроскошь».

Человек все более и более приобретает власть над природой, обществом и даже, в известной мере, над самим собой. Впервые в истории изобилие благ захлестнуло человека. Множество благ пленило разум человека, оно, того и гляди, насытит его сполна²⁷.

Переход от крайней бедности к достатку для многих драматичен. Одно лишь избавление от элементарной нищеты в виде электрифицированного хозяйственного комфорта сопряжено с тысячью искушений, первым из которых является эгоизм и стремление замкнуться на себя.

Знаете ли вы притчу о холодильнике? Одна бедная семья долго мечтала приобрести холодильник. В тот день, когда (ценою скольких жертв!) прибыл сей сказочный предмет, радость была, как при рождении ребенка. *«Где сокровище ваше, — говорил Иисус, — там и сердце ваше...»*. И, увидев это сокровище-холодильник, каждый член семьи поместил в него свое сердце. И сердца бедных людей стали все больше охладевать. А соседи? Теперь им предстояло устраиваться самим, поскольку у семьи хватало своих забот. А профсоюз? Стало тоже не до него, потому что нужно было брать дополнительную работу, чтобы оплатить все расходы. А Бог? В Нем не было больше нужды...

Но как же не помечтать обзавестись холодильником? Как не попасть в бесчисленные ловушки и сети вездесущей рекламы? Журналисты сами называют себя «теми, кто зондирует глубины», «операторами бессознательного»²⁸. В ход пущены самые утонченные средства психологии. Ведь продают не просто холодильники, автомобили, квартиры, а счастье, красоту, надежду, солнце, престиж.

Разумеется, политика быстро оценила всю силу рекламы. И научилась ее использовать. Профессор Мичиганского университета Кеннет Боудинг писал: «Отныне можно

представить себе реальной невидимую диктатуру в мире, которая будет тем не менее действовать в рамках внешне сохраняющихся демократических форм правления»²⁹.

В сущности, избиратель — это не кто иной, как «зритель-потребитель» политики.

Хмель перемен

Наш мир бредит прогрессом. Говорить о прогрессе — значит говорить о переменах. Церковь и Вера, которые неизменны, представляются как бы пройденным этапом. Разумеется, это софизм, но разве мы не попадаемся на его удочку? Когда речь идет о Евангелии, всегда следует помнить, что новизна не сводится к замене одной истины другой, как это происходит в материальном прогрессе, когда автомобиль приходит на смену телеге, ракетный двигатель — на смену пропеллеру. Когда речь идет о разуме и любви, то есть об истинах религиозных, изменение совершается только в ходе все более глубокого проникновения вглубь, созерцания, углубления. Платон не опровергал Сократа, а св. Августин не упразднял Платона. Иисус приходил не «разрушить», но «восполнить». Никогда не будем об этом забывать.

Другая сторона прогресса и перемен — быстрота и прибыль. Есть быстрота, которая разрушает человека так же сильно, как страх или деньги.

Журнал «*Masses Ouvrières*»³⁰ приводит высказывание одной работницы текстильной промышленности:

«Сдельная работа порождает своего рода психоз, заставляющий непременно подсчитывать прибыль. Сколько я сэкономила времени? Смогу ли я повысить выработку на 10, 20 или 30%? Поневоле оказываешься втянутой в машину, где все имеет численное выражение — затраченное время и полученная прибыль.

...В мозгу непрестанно вертится одна и та же мысль — заработать. Сдельная работа на фабрике вызывает физическое и моральное возбуждение и порождает чувства, от которых каждому хотелось бы избавиться: расчетливый эгоизм, необходимость ненавидеть и презирать своего соседа, обогнать его, сделать больше. В результате таких бесплодных усилий появляется отвращение к самому себе».

Спешка и стремление к прибыли — это то, что может разрушить человека... Наиболее проникательные владельцы предприятий осознают эту опасность. Один из директоров писал мне:

«Переход в сферу администрирования после напряженной деятельности жизни на заводе был связан для меня с полезным, хотя и не слишком приятным опытом. Я мог бы вам много порассказать об этом “опыте”, может быть, очень субъективном, который я приобрел в ходе этой новой для меня деятельности. На мой взгляд, самой поразительной особенностью является то, что поклонение идолу производительности опаснейшим образом подменило поклонение выгоде, ибо на место вещи, не очень почтенной в глазах всех людей, даже тех, кто ей себя посвятил, ставится, посредством дьявольской хитрости, ложный долг, который не подлежит обсуждению и сама критика которого будет расценена как лень, неуместный лиризм, отсталость.

Именно поэтому многие практикующие католики, вполне милосердные во всем прочем, доходят в своем профессиональном гипнотизме до нечеловеческих решений, словно в них действует несколько различных личностей».

Отношение «человек — материя»

Если окинуть взором всю историю человечества, от древнейших времен до наших дней, то можно заметить, что человек последовательно прошел три типа окружения.

Первобытный человек жил в непосредственной близости к растительному миру (сбор плодов) и животному (рыболовство, охота). Позднее человек научился культивировать землю. У него сложились преимущественные отношения с растительной жизнью, которой он научился управлять, — где лучше, а где и хуже.

Наконец, наступила индустриальная эра. У человека завязывались все более тесные отношения с миром минеральным (нефть, сталь). Повсеместно внедрилась химия. Окружение человека становится все более и более неживым. Чтобы дети узнали, что молоко «берется» от коровы, а не из «пакетов», пришлось поместить корову в городском саду (кажется, это было в Чикаго).

Возникло техническое сознание. Теперь человек познает лишь то, что можно увидеть, взвесить, потрогать, подвергнуть анализу.

Но Бог даровал нам два способа познания — не только научное и техническое, со всей его строгостью, но и интуитивное — так познают любящие, поэты, матери и дети. Это созерцательный способ, посредством взора, когда молчание столь же многозначительно, как и слова.

Есть угроза, что в мире, управляемом техникой, интуитивное познание будет совсем отброшено. Действительно, техника угашивает в человеке интуицию. Вещи, которые не осязаются и не поддаются измерению, словно бы и не существуют.

Другими словами, вследствие неискоренимой исключительности человека среди всего, что есть в природе, такая установка сознания приводит к настоящей ущербности умов. Человек все более утрачивает способность воспринимать себе подобных как личности. Что же касается Бога, то, коль скоро Его присутствия нельзя обнаружить ни на дне пробирки, ни на экране компьютера, то все идет так, словно Он и вправду не существует.

Мадлен Дельбрель³¹ хорошо описала этот новый атеизм, назвав его «атеизмом молчания»:

«Мало-помалу отношение “человек — материя” заполняет все сознание человека, закрепляется в атмосфере полнейшего умалчивания о Боге. Путем немыслимой подмены творение становится на место своего Творца. Это молчание уже не вызывает у нас тревоги. Бесшумно приближается к Церкви величайшая опасность — угроза наступления такого времени, такого мира, в котором Бога уже не будут ни изгонять, ни отрицать, — Он просто будет исключен из него; Он станет в нем немыслим, потому что мы лишимся путей Его познания. Это угроза такого мира, в котором мы, захотев призвать Его имя, уже не сможем это сделать, потому что там Ему не оставят никакого места, куда Он еще мог бы поставить ногу...

Обезбоживание мира, будь оно агрессивным, безразличным или терпимым по отношению к Богу, имеет везде сходный характер: Бог Творец отбрасывается, а мир воспринимается как исключительно автономный».

И Мадлен добавляет:

«Мир как бы опорожняется изнутри: сначала он освобождается от Бога, затем от Сына и, наконец, от Духа Божия, Которого Сын посылает Церкви. Зачастую оболочка рушится в последнюю очередь. Это и порождает иллюзии»³².

Мы знаем по опыту, что той «оболочкой, которая рушится в последнюю очередь», являются Таинства. Люди продолжают церковную практику, но они уже не живут тем Божественным началом, которое сообщается им в Таинствах. Имя Иисуса, Сына Божия, как и встарь, звучит в их устах, но его содержание выхолощено, в нем нет ни Иисуса, ни Бога. А ведь задолго до этого Сам Бог отдал Себя за нас...

Мы спохватываемся, увидев, что докатились до полного упадка участия в Таинствах и всей нашей религиозной

практики. Мы вдруг видим, что церковная практика давно превратилась в пустую оболочку, потому что в Таинствах уже не ощущаем действия Христа. Он утратил для нас Божественное Сыновство, Бог лишился Своей Божественности. Так происходит во всех сферах, утративших связь с христианством, во всех сферах, где все поглощает техническая сторона дела: сначала без звука растворяется Божественное, затем уже теряется и христианское.

Пробуждение натурализма

Натурализм — это такая позиция человека, когда он не признает ничего, стоящего над природой, ничего, что было бы недоступно его восприятию.

Результатом принятия такой позиции является безграничная вера в человека и отрицание всего, что вне человека и над ним. Отмечается всякая трансцендентность: появляется уверенность, что в конечном счете все можно объяснить, не выходя за рамки человека и его внутренних возможностей.

В плане религиозном отсюда вытекает невозможность какого бы то ни было откровения и сверхъестественных явлений. Натурализм утверждает, что религия существует лишь в силу «религиозного чувства», которое бывает у людей по их природе, но бессмысленно искать его объективную причину в реальном присутствии Бога вне нас.

Первоначально натурализм был лишь философской тенденцией. Но сегодня он широко завладел умами. Он насквозь пропитал души рядовых людей: для многих из них теперь существует лишь то, что они видят и осязают; в жизни они считают важным лишь одно — борьбу за улучшение своего положения, своего уровня жизни.

А вот и неожиданное следствие натурализма — тоталитаризм. Коль скоро, как думают, нет ничего вне человека, то

на место Бога прежних времен становится современный Город, Государство как выражение конечной цели, священными качествами наделяются нация, родина — и вот уже распахнуты двери для тоталитарных теорий³³.

«Бог — враг человека»

С Маркса и Ницше начался новый этап в истории человечества — этап великого бунта. Отныне человек думает, что может полнокровно жить, лишь когда он смело бунтует против Бога.

Разумеется, атеизм — отнюдь не новая выдумка. Безбожное состояние души было известно издавна. Уже в 52-м Псалме читаем: *«Сказал безумец в сердце своем: „нет Бога“»*. Но ведь так говорил безумец. Его атеизм был мерилем его безумия. Все это было верно для прежних веков. Ныне же дело обстоит иначе.

В своей небольшой и очень яркой книге «Бог не умер»³⁴ Этьен Борн описывает новые черты современного атеизма.

«Начиная со времен Маркса и Ницше, — пишет он, — принято считать, что безбожный мир может развиваться тем успешнее, чем больше он, этот мир, освободился от идеи Бога».

Фейербах, цитирует Борн, писал:

«Если в описании природы Бога все главное заимствовано у природы человека, то человек лишается всего, что приписывается Богу. Чем богаче становится Бог, тем беднее — человек» («Сущность христианства»).

Карл Маркс в «Политической экономии и философии» вторил своему учителю:

«Человек становится хозяином самому себе лишь тогда, когда он всем своим существованием обязан только самому себе... Атеизм есть отрицание Бога, утверждающее человека».

Это сознание проникло уже и в нашу собственную жизнь. Об этом говорил папа Павел VI в знаменитом Рождественском радиопослании в 1966 году:

«На наших глазах совершается фатальное и ужасающее смещение оси человеческой жизни: отрицание Бога из теоретического становится практическим. Будучи ранее достоянием отдельных спекулятивных умов, оно становится ныне всеобщим мифом толпы. За атеизмом рационалистическим и схоластическим следует атеизм материалистический и социальный. Складывается ложное “гуманистическое” сознание».

Папа Павел VI приглашает задуматься над этим:

«Поговорим о Боге. Вернее, поговорим о нас самих перед величайшей проблемой Бога. Мы приглашаем вас к этому вопросу, фундаментальному для нашего мышления, а следовательно, и для нашей нравственной жизни и жизни повседневной. Это вечный вопрос, который стоял перед людьми во все времена, но сегодня он совершенно неотложен. Пусть каждый спросит себя, что же он думает о Боге».

Единственный возможный ответ: сделать реальным присутствие Бога

Отсутствие Его в нынешнем мире ужасающе... Что же нам делать? Каков должен быть наш ответ? Что от нас требуется? — Прежде всего, нам нужно иметь Веру.

Масштабы неверия превосходят возможности нашего воображения. Но Вера же вселяет в нас уверенность, что в ответ на рост этой пустоты Бог действует все более и более активно в сердцах человеческих и в Церкви: *«Разве рука Моя коротка, чтобы ...спасти?»* — говорит пророк.

Однако из Евангелия мы знаем, что результат действия Бога в душах и в Церкви во многом зависит от Веры или

от неверия людей: *«И не сотворил там многих чудес по неверию их»* (Мф 13, 58). Действие Бога, позволим себе такое выражение, парализуется в той мере, в какой «соль земли» (люди Веры) теряет силу. Так это и случилось некогда с современниками Иисуса на Его родине.

Наконец, Писание устами апостола Иоанна гласит: *«Кто побеждает мир, как не тот, кто верует, что Иисус есть Сын Божий? И это есть победа, победившая мир, вера наша»* (1 Ин 5, 4).

Позиция Веры, на которой мы должны утвердиться, означает также и понимание. Нам следует ясно понимать, что есть самое важное для человека, и уметь держаться этого во всех бурях.

Издавна, со времен своего появления на земле, человек узнается по двум нераздельным признакам — орудиям производства (технике) и культу (поклонению). Человеческие надгробья, будь то грубый камень или тонко отполированный гранит, есть знаки связи человека с Запредельностью. Поклонение, как и техника, отличает человека от других живых существ. Но современный мир стремится развести то, что всегда было едино. Значит, теперь наш разум должен потрудиться над восстановлением этого единства, поставить свое «и» там, где люди ставят «или». Не «орудия производства или поклонения», но «орудия и поклонение». Не «наука или вера», но «наука и вера», «техническое сознание и интуиция».

Поразмыслите хорошенько над заключением, сделанным одной миссионерской группой в Обервилле³⁵:

«Больше всего нас поражает то, что болезнь веры носит скорее философский характер, чем теологический. Утрачено не только чувство Бога, но чувство любви, открывшейся в Иисусе Христе и желающей вернуть в родное лоно Отца Небесного тех людей, которые, как блудный сын, от Него отвернулись. Утрачено чувство реальности Бога Творца и духовной природы человека, а следовательно, и бессмертия

души. В сущности, люди утратили свое естественное религиозное чувство. Это уже не отступники или неверные, но настоящие безбожники, люди безрелигиозные, глубоко пропитанные марксистским сознанием, даже если они явно и не исповедуют исторический и диалектический материализм».

Короче говоря, нынешнему миру как никогда нужны люди Божии. Отрицанию Бога следует противопоставить не теорию, а жизнь. Мы должны стать людьми, для которых Бог — не идея, а Реальность. Более того, в нынешнем социализированном мире нам, христианам, следует стать явлением социальным. Мы должны быть людьми, мужчинами и женщинами, которые объединены Богом независимо от наших различий и разногласий.

Как чудесно воздействует на окружающих человек, живущий в Боге! Я приведу свидетельство о Леоне Блуа, которое дали Пьер и Кристина Ван дер Меер де Вальхерен:

«Крайне важно действительно увидеть человека, в повседневной жизни которого проявилось Воплощение, увидеть сокровенную реальность его Веры — словно в него вдохнули дыхание жизни.

Раньше, конечно, мы немало думали, ставили вопросы, читали книги о проблемах Католической Церкви и Веры. Но только человек, живой по плоти и крови, помещенный в гущу суровой повседневной реальности и живущий Богом, как цветок живет светом, смог убедить нас в жизненной силе католичества и облечь в конкретную форму те смутные желания, которые нами двигали...

Как только мы переступили порог семейства Блуа, все, что мы раньше знали о мире, обо всех жизненных богатствах, материальном существовании, о людях и вещах, — все это стало призрачным, искусственным. И вместе с тем, в то же мгновение все приобрело подлинное значение, самое простое и истинное»³⁶.

ГЛАВА 5. ЗА НОВЫЙ ПОРЯДОК НА ПЛАНЕТЕ

Экономистам хорошо известно имя Барбары Уорд. Барбара Уорд — писательский псевдоним. Ее настоящее имя — Высокочтимая Баронесса Джексон де Лордсуорд, Госпожа Командор Британской Империи (этот титул был ей присвоен Ее Величеством Королевой Англии). Родом из Англии, она стала профессором Колумбийского университета в Америке. Но мировая общественность узнала о ней после того, как в 1971 году Святейший Отец пригласил ее участвовать в работе Понтификальной комиссии справедливости и мира при Синоде епископов — в качестве ее члена. Это позволило ей адресовать 150 кардиналам и епископам всего мира обращение, призывающее Церковь выступить в качестве «пророка общепланетарного порядка»³⁷.

Разумеется, она участвовала и в других крупных международных мероприятиях, в частности, в Стокгольмской конференции 1972 года, посвященной глобальным проблемам современности. По ее итогам Барбара Уорд совместно с биологом Рене Дюбо написала большую книгу «Земля — только одна»³⁸, в которой изложила свои соображения по поводу мирового развития и гнетущих проблем современного человечества. Затем она подготовила подобный доклад для другой большой конференции, в Ванкувере (1976 год), посвященной условиям среды обитания. Он назывался «Дом человека» («Home of Man»).

Идеи, высказанные Барбарой Уорд, открывают новые пути. Вместе с тем они позволяют христианам утвердиться в том, что составляет самое главное в Христовой Вести и является сегодня наиболее актуальным и необходимым. И хотя трудно резюмировать все богатство ее мыслей, я хотел бы рассказать о некоторых подходах, чтобы воодушевить вас на более близкое знакомство. И тогда, взглянув поверх наших дразг, мы увидим подлинные проблемы нашего времени: будущего человека и всей человеческой семьи.

На протяжении последних лет тридцати, по мнению всех специалистов, неравномерное распределение богатств на планете стало огромной мировой проблемой. К моменту, когда люди начали отдавать себе в этом отчет, диспропорция между самыми бедными и самыми богатыми странами составляла примерно 1:30. Если все предоставить собственному течению, то через 20 лет эта разница составит 1:250...

Еще более поразителен тот факт, что 20% мирового населения использует 80% всех ресурсов. Три гиганта (США, СССР и Европа) вырабатывают 75% всей продукции.

И вот к этой проблеме, уже довольно старой, прибавляется совершенно новое открытие. Начиная с 1972 года на наших глазах совершается настоящая революция. На международных конференциях ей теперь уделяют первое место.

Перед нами открывается новая историческая фаза. Нам следует иначе ориентировать наше внимание: ввиду глобального масштаба нынешних проблем мы должны научиться видеть глобальную панораму мира.

Барбара Уорд напоминает о тех усилиях, которые должны были приложить в свое время человеческие умы, чтобы принять совершившийся тогда «коперников переворот» в понимании Вселенной: они должны были принять тот факт, что Земля не является центром Вселенной, и все

вытекающие отсюда последствия в самых различных областях. Так вот, подобное же изменение совершается сейчас в сознании людей, в том понимании, которое сложилось у них о целостной природной системе. До нынешнего времени человек видел себя как бы центром Земли. Но сегодня он начинает отдавать себе отчет в том, что его место на этой «единственной земле» — столь прекрасной и столь уязвимой — совершенно иное.

Со времен Возрождения, поясняет Барбара Уорд, жизнь человеческая и человеческие усилия мотивировались тремя идолами, расположившимися на командных высотах человеческого мышления. Вот эти идолы:

Наука. Думали, что наука может объяснить все, что ее возможности безграничны, что она сможет подчинить власти человека все существующее. Идеал видели в абсолютном господстве человека над миром с помощью науки. От развития науки ожидали, что оно принесет человечеству только счастье.

Экономика. Верили, что возрастающее изобилие производимых богатств принесет пользу всем людям и в конце концов победит нищету. Повсюду оправдывали экономическую ненасытность. Рост производства был господствующей целью.

Государство. Мало-помалу люди пришли к убеждению, что Государство-Нация обладает всей полнотой суверенности, что оно есть самостоятельная реальность, способная решающим образом обеспечить прогресс всем и каждому. Этим оправдывали непомерное националистическое высокомерие и эгоизм. На протяжении четырех веков эти три идола заправляли жизнью людей, причем все сильнее и сильнее. В такой ситуации Церковь оказалась в сложном положении. Она заняла оборонительную позицию по отношению к материализму и алчности. Что же до христиан, то они под влиянием своей эпохи дошли до раздвоенности духа.

Однако теперь все эти идолы теряют власть над умами и революция совершается на наших глазах.

Наука. Она прошла мимо потаенного ритма и тончайшего равновесия космоса. Разрабатывая землю, люди очень часто порождали пустыни. Только сегодня мы обнаруживаем, что с природой нужно сотрудничать, что недопустимо владеть землей так, как владеют рабом. Теперь для науки настало время научиться тому, чтобы перейти от Порабощения к Любви на путях такого руководства, такого управления, когда понимают работу деликатных и хрупких механизмов природы.

Экономика. Наконец-то мы увидели, что стремление любой ценой добиваться экономической экспансии во все не всем идет во благо. Богатые становятся еще богаче, а бедные — еще беднее. Вот та тревожная истина, которую вынуждены признавать экономисты и которая опровергает их оптимистические ожидания. Так происходит и с целыми народами, и с большими категориями населения в самых обеспеченных странах.

Государство. Рушится национальный эгоизм. Люди обнаружили, что богатства земли вовсе не безграничны. Придет день, — и, может быть, он уже близок, — когда тот или иной первичный продукт, тот или иной источник энергии будет исчерпан. Чем больше сокращаются запасы, тем жизненнее становится необходимость их равномерного распределения и пресечения всякого расточительства. Но какая власть может осуществить это в мировом масштабе?

Еще одна проблема, не разрешимая с позиции «каждый за себя»; это проблема, которую со все большим драматизмом ставят демографические показатели мира. Сегодня нас четыре миллиарда. Через несколько лет станет шесть³⁹...

Какие же средства предлагает Барбара Уорд?

Ограничение рождаемости. Это, безусловно, наиболее очевидное решение демографических проблем. Однако

подобное решение поведет к развитию ряда других проблем. К тому же следует заметить, что замедление демографического роста происходит именно тогда, когда условия жизни улучшаются.

Борьба с расточительством и загрязнением среды. Так, например, все важнее становится рециркуляция воды. А это предполагает много работ, большие расходы, равно как и более совершенную организацию производства.

Уважение и любовь к человеку. Каждый должен понять, что он может быть счастлив при достаточно скромном образе жизни. Каждый должен понять, что спасение человечества невозможно без равномерного распределения богатств.

Новая концепция нации. Мы вынуждены переходить на новый язык — язык «биосферы». Воздух, вода, почва, без которых мы не можем жить, не имеют границ. Планетарная взаимосвязанность неизбежно устанавливает границы нашей традиционной концепции Государства-Нации. Таким образом, мы призваны по-новому взглянуть на двойное окружение человека — на природу и общество.

Природа. Все в природе — воздух, почва, вода, растительный и животный мир и сам человек — неразделимо связаны между собой. Человек больше не в состоянии оставаться тираном природы, он должен стать ее внимательным руководителем. Его притязание на неограниченную власть над природой недействительно, оно должно смениться любовью к природе и стремлением ее «приручить», как сказал бы Сент-Экзюпери. Нужно помнить, что, к примеру, погибшее озеро, например, не воскреснет, а если и оживет, то с большим трудом.

Общество. Теперь нужно считаться со всеми людьми на всей земле; учитывать их чаяния, их права и обязанности. И тут мы тоже обнаруживаем наличие тесной и строгой взаимозависимости между людьми. И, как и во

взаимоотношениях с природой, здесь тоже есть рубежи необратимости, которые нельзя переступать, чтобы не произошла катастрофа. Так, например, нельзя злоупотреблять терпением угнетенных и неимущих, ибо наступит момент, когда разбой и бандитизм станут неизбежными и неудержимыми.

Некоторые спросят — способны ли христиане помочь этому больному миру?

Барбара Уорд считает, что именно христианам принадлежит очень большая роль. В построении нового мира они должны прежде всего возродить дух Блаженства. На смену научной эйфории, экономической ненасытности, националистической гордости в ближайшие десятилетия должен прийти новый уклад жизни, основанный на умеренности, скромности, простоте и уважении к творению — к природе и человеку. Для всех нас это вопрос жизни и смерти. Иного выбора у нас нет. Ибо образ жизни современных западных народов ведет к неминуемой и неотвратимой катастрофе. Требуется коренное изменение, нужна новая цивилизация, менее требовательная в материальном отношении и при этом более открытая сердцем и разумом.

Но где же искать основания для такой новой цивилизации? Мир безуспешно пытается найти решение. И спрашивает об этом христиан. А ответ наш таков: именно бедность в евангельском понимании, христианское смирение, любовное сострадание и пример Самого Христа, Который добровольно отказался от Своих Божественных прав и преимуществ, — все это и есть то самое, что нужно миру.

Барбара Уорд не боится утверждать: новое понимание, которое повсеместно зарождается в мире, бесконечно ближе к подлинно христианскому видению жизни, чем все то, что переживало человечество за последние три века.

Повторим слова апостола Павла о том, что тварь была *«порабощена суете»*, попала *«в рабство тлению»* по своей

собственной вине (Рим 8, 20, 22, согласно ИБ). Сегодня мы должны ради освобождения твари научиться «нарекать именем всякую душу живую», то есть уважать ее, вступать с ней в общение, стать снова теми мудрыми библейскими домоправителями, которые будут преобразовывать мир.

Но все это может происходить лишь в том случае, если мы прислушиваемся ко всему, что говорит Писание. Например, к следующему: *«Раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом»* (Ис 58, 7).

Апостол Павел, когда сравнивал благосостояние разных церковных общин, тоже настаивал на решающем значении принципа равенства: *«Ныне ваш избыток в восполнение их недостатка; а после их избыток в восполнение вашего недостатка, чтобы была равномерность»* (2 Кор 8, 14)...

ГЛАВА 6. ПОЛОЖЕНИЕ ВЕРЫ В МИРЕ

Сейчас много говорят о кризисе Веры, и не только в католичестве или ином христианском вероисповедании, но и в традиционных религиях Азии и Африки. Чтобы понять суть кризиса Веры, нужно отдавать себе отчет в двух фундаментальных социологических законах.

Первый закон был выражен II Ватиканским Собором в Пастырской конституции «О Церкви в современном мире», озаглавленной «Радость и надежда» (*Gaudium et Spes*). Она начинается четырьмя примечательными словами: «Радость и надежда, скорбь и тревога». Радости и надежды, с одной стороны, скорби и тревоги, с другой — вот две крайности, которые сосуществуют (и еще как!) в нашем мире и которые Церковь удерживает воедино в своих руках и в своем сердце.

«Радость и надежда» предлагает нам очень глубокий анализ того «кризиса роста», через который человечество проходит в настоящее время. Мы имеем в ней подлинный случай пророчества, ибо в 1965 году Отцы этого Собора никак не думали, что последующие годы до такой степени подтвердят их диагноз, усугубив его в 100 или даже 1000 раз. Следствием «кризиса роста» является кризис «преобразования сознания и структур», что «зачастую приводит к пересмотру привычных ценностей».

Да, привычные ценности подвергаются пересмотру. В том числе — и ценности религиозные: «Новые условия сказываются и на религиозной жизни»⁴⁰.

Это и есть первый из двух социологических законов: Всякое быстрое изменение в человечестве влечет за собой кризис Веры. Человеческий кризис и кризис религиозный тесно связаны друг с другом.

А вот и второй закон. Его дает нам история, и сформулировать его можно так: В каждое кризисное время, когда Церковь, то есть весь народ Христов, включая верных и пастырей, — а часто это совсем малый остаток, — шаг за шагом сопровождает человека в его бедах, в конечном итоге происходит углубление Веры. Другими словами, серьезные изменения в человеческой жизни сперва приводят к кризису Веры, но если верующие не оставляют своих нуждающихся братьев, Вера выходит из этих испытаний окрепшей и возросшей.

В Ветхом Завете дан пример, духовный смысл которого раскрывает сама же Библия: в 537 году до Р. Х. израильтяне утнали в плен вавилонский, и тогда пророки Иезекииль и Исаия последовали за своим народом, который в плену вновь открыл для себя несравненное величие своего Бога.

Вспомним о критических периодах, через которые проходила наша цивилизация, например, в XIII или XIV веке. В свете этих кризисов подумаем об огромной роли, которую сыграли такие люди, как Франциск Ассизский или Доминик. А также, позднее, Игнатий Лойола или Тереза Авивильская. Разве одна мысль о них уже не возвращает нам надежду? И разве это не призыв, обращенный к нам? Такой фундаментальный вывод нам и следует сделать.

Что же происходит в наше время с Верой? Она совершает переход из вчера в завтра, обрисовать который я и попытался ниже в таблице. Я ее не придумал, сидя в кабинете. Напротив, она явилась результатом всего того опыта, который приобрела наша миссионерская группа во Франции, в Марселе, в Пор де Бук, в Бразилии. Такой же результат был получен и в Африке. Однажды в ходе

работы над книгой о. Пьера Биго «Церковь и революция в третьем мире»⁴¹ мне встрети́лась таблица, столь близкая моей, что она показалась мне ярким ее подтверждением. Она обобщает наш совместный труд.

Нужно отметить, что эта таблица не содержит никаких оценок. Я не занимаю никакой позиции, не утверждаю, что вот это хорошо, а то — плохо; я просто пытаюсь установить, что куда движетсяя.

Кроме того, не следует принимать отмеченные противопоставления как очень жесткие. То, что было вчера, может в некоторых местах иметь место еще и сегодня. Равно как и завтрашнее уже существует здесь или где-то.

Сделаем ряд пояснений. Как жили люди вчера? Почти везде была стабильная аграрная цивилизация: самое большое место в ней занимало сельское хозяйство. В этой цивилизации религиозная культура, и не только христианская, имела большое значение. Отличительной ее чертой является единодушие. Смена времен года и праздники отмечались религиозными актами. Остатки этих обычаев неожиданным образом могут сохраняться в самых новейших обществах. Так, в одном из городов будущего, у нефтяных разработок в Сахаре, я несколько лет назад наблюдал декабрьским днем, как приземлялся самолет, нагруженный... рождественскими елками! Боюсь, что эти рождественские елки были последним остатком религиозности в сердцах рабочих-нефтяников.

Другой пример. В Бразилии мы помещались в нескольких шагах от Института Бутанта, одного из всемирно известных центров лечения от укусов змей. Наши добрые жители, разумеется, знали о существовании этого Центра и бывали там, когда возникала необходимость. Но если кого-то из них кусала змея — никаких сомнений! — немедленно призывался на помощь св. Бенедикт. Вот она, религиозность!

ВЧЕРА: СЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО	СЕГОДНЯ: СХВАТКИ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА	ЗАВТРА: УРБАНИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ		
Высокая рождаемость, высокая смертность. Многодетность (в среднем 8 детей), необходимая для сохранения вида. Патриархальная семья	Несоответствие между высокой рождаемостью и низкой смертностью благодаря усилиям медицины: демографический взрыв. Прогрессирующий распад патриархальности	Новая тактика в отношении многодетности. Контроль рождаемости. Семья становится только супружеской четой вследствие большой мобильности.
ЭКОНОМИКА		
Сельское хозяйство и ремесла. Стабильные потребности на протяжении тысячелетий. Низкая производительность труда. Ограниченные рынки. Ремесленные корпорации	Отмирание сельского хозяйства и ремесел, из-за конкуренции с новейшей техникой. Исчезновение феодальных и корпоративных социальных структур	Распределение работ на общепланетарном уровне. Высокая производительность. Возрастание потребностей. Общемировой масштаб рынка и экономическое планирование производства. Многонациональная промышленность
СОЦИОЛОГИЯ		
Гомогенное, стабильное население. Общинный уклад, при котором ни один из членов не покидается в нужде	Распад общины: появление пролетариата, социальных контрастов и противоречий	Гетерогенное непостоянное население. Социализация: социальное обеспечение и коллективное снабжение предусматривают удовлетворение элементарных потребностей всех людей
ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ		
Неоспоримая власть небольшого числа людей. Властью наделяются в соответствии – с возрастом и опытом – семейными и традиционными установлениями. Защита групповых интересов	Промежуточные варианты системы личной власти под маской демократии	Власть диффузна и неавторитетна. Авторитет связан с образованием и компетентностью, с новизной и приспособляемостью. Преследование личных интересов
КУЛЬТУРА		
Устная передача культурного наследия: отсутствие общедоступных школ, широкая доступность культурных богатств для каждого. Монокультурное общество: единая культура для всех групп и сообществ, образующих единое целое; она охватывает жилище, работу, праздники, образование, религию. Медленные и затрудненные средства сообщения. Общественные изменения медленные и неглубокие	Неграмотность: в то время, как культурное наследие передается с помощью школ и в социальном общении, «обездоленные» и «отщепенцы» остаются на уровне устной традиции	Новые многочисленные способы передачи культурных ценностей: школа, пресса, кино, радио, телевидение. Общество плюралистической культуры. В каждой ее области (семья, работа, культура) преподносится собственная «мудрость». Многочисленные и быстрые коммуникации. Постоянные и глубокие изменения

ВЕРА		
Религиозная культура. Религиозное общество. Семейная религиозная практика. Включение в религиозную жизнь всех сторон существования: отсутствие распада. Религия связана с группами	Потрясения, религиозная и нравственная неустойчивость приводят к разочарованию и растерянности. Распад местной религиозной общины. Смещение остаточной традиционности и неразберихи в религиозном плане	Техническая культура, безликое общество. Семьи, лишенные корней. Вера исповедуется лично: веру сохраняет только тот, кто имеет собственное убеждение и связывает себя со всеобщей (универсальной) Церковью ¹
ЕДИНОДУШИЕ	ОПРОКИДЫВАНИЕ ИЕРАРХИИ ЦЕННОСТЕЙ	ПЛЮРАЛИЗМ
<p><i>Унаследованная вера</i> объединяет множество людей.</p> <p>Живость наследственной веры поддерживается <i>совместными актами</i>:</p> <ul style="list-style-type: none"> – в литургическом культе; – в практике таинств. <p>Религиозный культ и практику осуществляют в основном <i>Община и священник</i>, служитель культа и Таинств</p>	<p>В семье, в отношениях между детьми и родителями;</p> <p>В отношении к супружеской верности;</p> <p>В религии;</p> <p>В отношении к работе (замена деньгами).</p> <p><i>Пересмотр молодыми своего отношения</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – к тем, кто наделен знаниями и влиянием (преподаватели, родители...); – сексуальных вопросов; – отказ от демократии (насилие, революция) 	<p>Вера является личным выбором, который удается совершить немногим. Такая вера, не имеющая социальных или культурно-наследственных корней, может родиться лишь в результате <i>личного поиска</i>, который основывается на:</p> <ul style="list-style-type: none"> – Слове Божиим – обращении к Господу Иисусу и Его Церкви. <p>Этот поиск возможен лишь при поддержке <i>Общины (небольшой) христиан и священника</i> (если таковой имеется), служителя Слова и Благой Вести, вводящих в евхаристическую общность</p>
<p>В таких условиях самым важным является: <i>религиозное воспитание детей</i> (катехизация) и продолжение этой работы в таких религиозных институтах, как колледжи, больницы и пр. Христианскому народу нужны непосредственные «блага на потребу».</p> <p><i>Апостольство в массе</i></p>	<p><i>Стремление к внешней поверхностной унификации</i> (образ жизни, телевидение, автомобили, кино)</p> <ul style="list-style-type: none"> – закрытость; – черствость; – отщепенство (заблудшие овцы без пастыря). <p>Церковь: место разделения? Или коммуникации?</p>	<p>В таких условиях необходима церковная активность всего <i>Народа Божия</i> (а значит, постоянная катехизация взрослых), который образует евангелизационные общины и способен сохраниться в секуляризованном мире. Этот народ, оставаясь в состоянии непрестанного поиска, должен совершать «инвестиции» для будущего и трудиться для его наступления.</p> <p><i>Апостольская миссия малых групп – быть в мире «закваской»</i></p>

Население в дни вчерашней цивилизации было гомогенным, приезжего отличали немедленно. Сегодня во многих случаях дело обстоит наоборот: в Швейцарии есть предприятия, где так много рабочих иммигрантов, что скорее сами швейцарцы смахивают на приезжих.

А вот другая черта вчерашней цивилизации: медлительность средств сообщения. Люди, как и идеи, неделями, а то и месяцами, перебирались из одной страны в другую. Нам в эру реактивных самолетов и «Интервидения» даже трудно вообразить подобную медлительность!

Что же останется от этой цивилизации завтра? Совсем мало, если судить по тому, что сохранилось от нее сегодня. Мы оказались в мире непостоянном, когда люди только и делают, что уезжают и приезжают. Отмирает вчерашняя сельская культура, деревни пустеют, все поглощается городами. Если темпы роста останутся неизменными, то к 2000 году предполагается 32 миллиона человек населения в Мехико и 26 миллионов — в Сан-Паоло! И для нас, почти поголовно горожан, вопрос о религии уже не стоит. Повсеместно одерживает верх техническая культура. Наконец не приходит в голову призывать св. Бенедикта, бегут скорей в аптеку. Местная религиозная община распадается. Все ценности поколеблены (см. таблицу).

Нынешнее урбанистическое общество безлично, плюральное, гетерогенно. Мне вспоминается, что уже в Пор де Бук, где мы трудились несколько лет назад, было всего четыре человека старше 60 лет, которые жили здесь с рождения. Все остальные приехали из других мест.

При столь гетерогенном населении, в обществе, лишенном корней, при ультраскоростных способах связи, когда все немедленно узнают обо всем происходящем в мире, может ли цивилизация не подвергаться всяческим изменениям?

Наконец, вчерашнее общество характеризовалось изменениями медленными и неглубокими. Напротив, сегодняшнее

общество меняется быстро и глубоко, что затрагивает самую суть вещей.

Все сказанное социологи резюмируют простыми словами: вчера люди жили в закрытом обществе, в обществе, замкнутом на себя. Сегодня мы живем в обществе открытом.

Разумеется, это сопряжено с глубочайшими последствиями. Например, с точки зрения власти. Закрытое общество управлялось небольшим числом его членов. Оно хорошо контролировалось, его глава мог указывать, что нужно делать, а что — нет. Власть была связана с возрастом, с опытом, а также с понятиями семьи, клана, племени. Для всех одной и первой задачей было: осуществлять цели данной группы людей. Люди жили по закону единодушия, как, например, племена африканских джунглей.

Ничего подобного мы не видим в обществе открытом. Посмотрите, что происходит в современном обществе уже сегодня. Власть раздроблена, ее авторитет непрестанно берется под сомнение. Сила переходит на сторону образования, компетентности, технической специализации. Первейшее требование, предъявляемое к тому, кто ею наделен, — это способность быстро и легко адаптироваться к беспрестанно меняющимся ситуациям, вызванным всеми происходящими изменениями. Единодушие — больше не правило. Мы живем в плюралистическом мире, где, по определению, интересы людей расходятся.

А Вера? В закрытом обществе она являлась наследием, которое надлежит сохранять. Сегодня же, в открытом обществе, она может быть лишь предметом личного выбора, личного решения. И здесь также господствует плюрализм (см. таблицу).

Наследование Веры. Не следует говорить об этом с пренебрежением. Мне бы хотелось, чтобы вы хорошо понимали, что именно несет в себе унаследованная вера:

большую силу и большое величие. И поэтому я предлагаю вам для размышления три свидетельства.

Прежде всего, это свидетельство монсиньора Кальве, автора «Истории французской литературы». Монсиньор Кальве, скончавшийся несколько лет тому назад, родился в Коссах, области бедной и суровой, в которой познал Веру-наследие.

Вот как он рассказывает о ней:

«Религиозным воспитанием я обязан прежде всего моей матери. У нее была своя манера молиться, смиренная и сдержанная, какой я больше ни у кого не встречал. У нее была старая Библия, очень старая книга начала XIX века. Были свои собственные молитвенные формулы и свои особые представления о благочестии.

Но в ее благочестии было что-то великое — оно поражало меня еще в детстве, и я не могу вспоминать о нем без волнения и преклонения. Моя мать причащалась примерно раз в месяц. Каждому причащению предшествовал настоящий трехдневный затвор, в котором она погружалась в свою старую книгу. Я уже понимал, что она готовится к причащению в ближайшее воскресенье, если, начиная с четверга, заставлял ее склонившейся над своей старой книгой и медленно и серьезно повторяющей отмеченные в ней молитвы. После причащения она воздавала благодарения три последующих дня. Все это составляло большой религиозный акт, исполненный благоговения, смирения и изумительного совершенства. Не знаю, может быть, здесь были какие-то черты янсенизма, но несомненно это была религиозная одаренность высокого достоинства»⁴³.

Второе свидетельство, хотя и сильно отличается от первого, но сходно по смыслу. Оно принадлежит автору знаменитой книги «Двадцать пятый час» православному румынскому писателю Виргилию Георгиу, родившемуся в Карпатах. Вот как он рассказывает о Вере:

«Вера — это то же, что и тепло. Она передается. Ее получают от матери. С теплом ее груди. С теплом ее молока. С ее губ. Вот как начинается Вера. Как перестает быть холодно, когда притрагиваются к чему-то теплomu. Для меня Вера — это прежде всего тепло моей матери. Это сама жизнь... Она была нам передана непосредственно вместе с жизнью нашей матерью».

Разве это не волнующее описание наследования Веры? Но вот еще один пассаж, в котором Георгиу говорит о своей матери:

«Это была теодидактика, которую преподала мне не школа, и не она сама, но Сам Бог... Ее неведение было как сама простота: обладание одной мыслью, единой и простой, которая слушает Слово Божие, не оценивая, вбирает его, не спрашивая, как дитя воспринимает слова от своей кормилицы, как ребенок учится у своего наставника, не взвешивая и не проверяя, что тот ему говорит»⁴⁴.

Как видите, в унаследованной Вере есть величие и прочность, о которых нельзя забывать. Подобное же свидетельство принадлежит одному камерунскому священнику, аббату Тшуму⁴⁵:

«Я счастлив, что я — священник, и я думаю, что делаю доброе дело. Меня поддерживает и вдохновляет не то, чему я был обучен в семинарии, но, прежде всего, некая мудрость, мудрость моего народа, мудрость, которую мне передала моя мать примером своей жизни и своими пословицами, поучениями старейших, выражающими наше видение мира; это также Евангелие, Благая Весть, с которой Христос обратился ко всем людям и которую я перечитывал глазами сердца моей матери и с помощью ее опыта. Я хочу подчеркнуть, что теологии меня учили моя мать и мой народ».

Живость этой унаследованной веры поддерживалась коллективными действиями, она переживалась в единении

с другими людьми. Совместные действия выражались в литургическом культе (главным образом воскресной Мессе), в совершении Таинств. Роль священника, служителя культа и Таинств, состояла в том, чтобы воодушевлять приход, быть центром и сердцем всех собраний.

Но сегодня все обстоит иначе. В нашем урбанистическом и плюралистическом мире нет больше унаследованной веры, вера уже не имеет таких корней. Она может родиться лишь в личном поиске, который опирается прежде всего не на литургический культ, но на Слово Божие.

Отсюда и основное требование: нужно, чтобы человек и его семья сами встретились со Словом Божиим. Именно это и говорил апостол Павел: *«Как веровать в Того, о Ком не слыхали? как слышать без проповедующего?»*. Таким образом, необходимо, чтобы мы, стремясь уверовать, опирались на Слово Божие. Но для того, чтобы наши попытки привели к Вере в Господа Иисуса Христа, пребывающего в Церкви, важно еще одно условие, столь же фундаментальное: необходимо, чтобы ищущий человек встретил в своей среде небольшую христианскую общину. Только такая встреча позволит ему сделать гигантский скачок от неуверенности к Вере.

Вы догадываетесь, насколько отличается роль священника в новой обстановке от его роли в прежние времена. В первую очередь, он должен быть не служителем культа и Таинств, но служителем Слова Божия и провозвестником Господа нашего Иисуса Христа.

Итак, есть два разных стиля церковной и христианской жизни. Вчера наиболее важным было религиозное воспитание детей для поддержания в них унаследованной Веры, а отсюда — значение катехизиса. Сегодня, напротив, главная задача не в этом. Сегодня нужно прежде всего заручиться участием всего Народа Божия; средством же к этому является постоянная катехизация взрослых.

Как укоренить заново Веру в сегодняшней жизни? Вот большой миссионерский вопрос. Вот вопрос, который мы постоянно будем ставить себе. При этом никогда не забывая о том, что все вращается вокруг Слова Божия.

Кто и как заменит матерей монсиньора Кальве, Георгиу или аббата Тшуема? Или, точнее, что поможет матерям будущих Кальве, Георгиу и Тшуема заронить Веру в сердца своих детей в Париже, Мехико или Абиджане?

Формирование жизни согласно Вере во многом сходно с ростом человеческого эмбриона. Чтобы маленькая и оплодотворенная яйцеклетка развивалась, она должна найти себе укрытие в материнском лоне. Всякая беременность требует укоренения в слизистой материнской матки. Зарождение Веры, «новое рождение» также предполагает вынашивание в человеческой ткани, которая могла бы принять и вскормить эмбриональную Веру.

Каково то лоно, в котором человеческая Вера, еще нестойкая и подвергающаяся опасности со всех сторон, может найти себе гнездо? Не в искусственном инкубаторе и не в пробирке из научно-фантастического романа, но в человеческой среде, где завязываются человеческие отношения, где питают соответствующей пищей, где братское тепло согревает и приводит Веру к зрелости.

Исследование самой матрицы Веры составляет содержание второй и третьей частей. Главное здесь вот что: Вера есть плод Церкви и, следовательно, общины.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СОБРАТЬ ВОЕДИНО

РАССЕЯННЫХ

ЧАД БОЖИИХ

*...предсказал, что Иисус умрет за народ, и не только за народ, но чтобы и рассеянных чад Божиих собрать воедино.
(Ин 11, 51-52)*

Каким образом в реальных условиях современного мира будет зарождаться и развиваться Тело Христово, в котором Он — Глава, а мы — члены, Он — Лоза, а мы — ветви? Такова тема нашей второй части.

«В одиночку не спасаются», — говорил Шарль Пеги. Жорж Бернанос тоже сказал замечательные слова, являющиеся оправданием общинной жизни:

«Жизнь учит меня тому, что только того утешат, кто сам утешал; что все мы получим лишь то, что давали сами: между нами идет лишь обмен. Дает же только Бог, Он один дает» («Смиранные дети»).

Для католика «спасение только в Церкви, подле Петра», — говорил папа Иоанн XXIII. И это не прихоть и не положение так называемой устаревшей теологии. Кроме того, эта самая Церковь, Церковь Иоанна XXIII и наша с вами, есть «единая святая католическая и апостольская», она — органическое тело.

«Мы не кусочки, а члены», — говорит о. Любак. «Груда срезанных ветвей — не дерево; дерево — это ветви, организованные в дерево», — писал о. Ив Конгар⁴⁶.

Мы подошли к одному из основных понятий, которое станет как бы краеугольным камнем во всяком человеческом союзе, из кого бы ни состоял этот союз, каковы бы ни были его размеры. Подобно тому, как каждый человек должен выбирать один из двух путей, путь Добра или Зла, путь Света или Мрака, — пусть даже ему случается колебаться и ошибаться, — любое человеческое сообщество также должно выбирать один из двух путей: путь общего Блага или путь коллективного Интереса.

Коллективный интерес

Согласно словарю, слово «интерес» происходит от латинского глагола, значащего «иметь значение». Таким образом,

СОБРАТЬ ВОЕДИНО ЧАД БОЖИИХ

«интерес» — это то, что имеет значение для кого-либо, идет ли речь о преимуществах в общем смысле («действовать в своих интересах»), или в более узком смысле — о деньгах («я имею прибыль в этом деле»). Но это может также означать и притягательность для нас кого-то или чего-то, например, науки, искусства и пр.

Сразу можно заметить, что слово «интерес» не имеет никакого отношения к моральным ценностям. Оно абсолютно нейтрально. Интерес — это то, что важно для меня лично, что меня устраивает, что дает мне преимущества. Оно принадлежит к тому порядку, в котором вещи или люди соотносятся со мной. Достаточно транспонировать понятие интереса на коллективный уровень, и мы получим «коллективный интерес», который, в зависимости от обстоятельств, может быть общественным или даже национальным. В этом случае речь идет о том, что важно не отдельному человеку, а группе людей. Но основное состояние остается незаменимым. Эгоизм одного человека может быть заменен эгоизмом двух людей, сотен, тысяч или миллионов.

Интерес в конечном счете может только противопоставлять людей друг другу и разделять их, независимо от того, идет ли речь о материальных благах или о таких понятиях, как престиж, власть, слава. То, что досталось одному, уже не достанется другому, а так как каждый стремится иметь как можно больше, то люди не могут быть в согласии. Поэтому и важно заменить понятие коллективного интереса другим, неизмеримо более глубоким понятием общего блага.

Общее благо

Общее благо — это совокупность материальных и духовных благ, которые обеспечивают возможность гармонического развития людям, составляющим общество как таковое. Или, пользуясь определением II Ватиканского

Собора, «совокупность тех условий общественной жизни, которые позволяют и обществам, и отдельным их членам полнее и быстрее достигать своего совершенства»⁴⁷.

Так, например, общее благо миссионерской группы будет состоять в сумме материальных условий (жилье, пропитание, отопление) и условий духовных (мир, непринужденность, гармония), в которых каждый получает все, что способствует его развитию в направлении его истинного блага.

Мой личный интерес может совпадать с общим благом, но не всегда должен быть ему идентичен. Главное же, чтобы коллективный интерес никогда не подменял общее благо, поскольку слишком часто этот коллективный интерес бывает крайне воинствующим. Слишком часто коллективный интерес становится синонимом эгоизма, тогда как общее благо всегда означает только благо.

Если в какой-то момент мои интересы идут вразрез с интересами другого, то это означает, что мы действуем не только в порядке общего блага, а в порядке интереса личного или коллективного. Каждый в своей части ответствен за общее благо, ибо оно создается всеми вместе. Все в нем участвуют, и все от него получают.

Община и общество

Понятие общины неотделимо от понятия общего блага. Как необходимо различать общее благо и коллективный интерес, так нельзя смешивать общину и общество.

Общество состоит из людей, объединившихся в определенных целях, связанных уставом и юридическими условиями. Община — это то, что реально существует в жизни еще до того, как будут установлены разумные юридические рамки. Возьмем, к примеру, обрученных — это община, но когда они идут к нотариусу, чтобы заключить брачный контракт, — это уже общество.

Не следует пренебрежительно относиться к обществу, ведь именно на основе хорошо разработанных уставов и правил и может быть достигнуто эффективное управление, образована слаженно работающая группа. Но этого мало, требуется большее, и это большее есть община. В общине каждый мыслит от имени «нас». Во всяком другом обществе, которое есть только коллектив, люди думают о других «они». Это так даже на уровне семьи — пока все идет хорошо, каждый думает «мы», но стоит случиться семейной сценой, слово «мы» заменяется словами «он», «она», «они». И вот уже один из супругов говорит другому «твой сын», словно ребенок не является и «его сыном».

Для обозначения этих двух реалий в немецком языке существуют два разных слова. «Gesellschaft» означает безличный коллектив, тогда как «Gemeinschaft» означает общину, то есть «мы».

Община — это «мы». Общество — это безличное «они». Об этом никогда нельзя забывать в миссионерской группе.

Личность и индивидуум

Как мы уже сказали, общее благо есть условие гармонического развития личности. Вот еще одно важное понятие, противостоящее понятию индивидуума. Личность выражает все личные особенности человека, отличающие его от всех других людей и составляющие его неповторимость и незаменимость. Лучше других это выразил Эмманюэль Мунье, создав в 1932–1935 годах направление «персонализма»⁴⁸. Мунье убеждал, что персоналистическая цивилизация отличается одновременно и от индивидуалистической, и от коллективистской, ибо вся структура ее и дух ориентированы на реализацию личности каждого человека. Это стремление к тому, чтобы люди без имени — просто индивидуумы — стали личностями, то есть людьми во весь рост.

ГЛАВА 7. ГАРЛЕМ, ИЛИ ПРАКТИЧЕСКИЙ УРОК

Каким образом люди, не имеющие серьезных отношений между собой и потерявшие всякую связь с христианством, могут встретить Господа? Я предложу вам сначала один пример из жизни. Три протестантских пастора пережили в совершенно исключительных условиях подлинный опыт жизни в миссионерской группе, положившей начало возникновению более широкой общины.

Зачем прибегать к тому или иному факту из жизни? Потому что, как уже сказано, «один реальный жизненный опыт, хорошо проанализированный, вносит больше ясности, чем множество общих идей и лозунгов». Чтобы понять человека в его универсальности, полноте, нет лучшего способа, чем выявить ее в каждом конкретном человеке. Все зависит от умения видеть, проникать в глубину все больше и больше.

Кроме того, если мы будем исходить из жизненного опыта, это поможет нам обрести чувство истории. Для нашей Школы Веры чувство истории очень важно. Ведь мы начинаем с Авраама и доходим до папы Павла VI⁴⁹

Так вот, история учит нас, что есть один закон, выражающийся мудрыми словами: «онтогенез повторяет филогенез». Это означает, что человеческий эмбрион в своем развитии (онтогенезе) поэтапно повторяет всю эволюцию

СОБРАТЬ ВОЕДИНО ЧАД БОЖИИХ

человеческого рода (филогенез). Закон этот действует в отношении и эволюции групп людей, и эволюции апостольства. Таким образом, всякий опыт евангелизации будет родственным опыту, имевшему место ранее.

Далее нам понадобится много говорить о миссионерской группе и первичной общине. Поэтому сразу же уточним содержание этих представлений.

Миссионерская группа — это группа из 3-5 человек, мирян или монашествующих, исходное ядро, нужное для зарождения и формирования первичной общины и, таким образом, появления и возрастания Церкви в новой среде.

Первичная община — это объединение людей одного квартала: в ней мужчины и женщины объединяются в более или менее стабильную группу численностью примерно от 10 до 60 человек, где все хорошо знают друг друга. Такую общину также называют братской или местной.

Миссионерскую группу можно сравнить с той песчинкой, без которой не начнет расти жемчужина — первичная община. Действительно, невозможно разделить эти две вещи и говорить об одной, не касаясь другой.

Исход из Пустыни

«Исход из Пустыни» — так назвал свою книгу Брюс Кенрик, выпустив ее несколько лет назад (Bruce Kenrick, *La Sortie du Désert*, Seuil). Она подробно излагает опыт, который я хотел бы предложить вам в качестве примера. Тот факт, что речь пойдет о протестантах, не знакомых с жизнью католических общин, делает их поиск еще более интересным. Вот каковы эти три пастора, которые прошли совершенно различные пути, прежде чем встретились.

Бенедикт был пацифистом. Брошенный в тюрьму, он открыл для себя Христа и обратился в 1943 году. В 1947 году он поступил в семинарию.

Однажды его потрясла надпись на витраже семинарской часовни: «Идите по всему миру». В нем вспыхнул миссионерский огонь. Между тем, в нескольких сотнях метров от семинарии начинался «манхеттенский ад» — Восточный Гарлем. В эту пучину огромный Нью-Йорк выкидывал свою нищету, бедствия и отбросы. И Бенедикт сказал себе: «Зачем идти на край света? Я должен пойти в Гарлем...».

Билл Уэббер был морским офицером. Он провел всю войну в погоне за фашистскими подводными лодками. Став семинаристом, отправился с Бенедиктом в Гарлем. Друзья не замедлили убедиться в том, что именно тут кроется самый глубокий предел нищеты. В самом настоящем гетто, площадью чуть более квадратного километра, теснились более 200 тысяч жителей. Но вместе с тем это была и пустыня, ибо в толпе одинокие люди соседствуют, не зная друг друга.

Арчи Харгрейв — негр. Он приехал в Гарлем в возрасте 30 лет. Ранее прошел через нищету и голод, но сумел закончить университет, стал журналистом, служил офицером во время войны. Позднее он тоже поступил в семинарию и стал пастором.

Эти три человека решили отправиться вместе в Восточный Гарлем. В августе 1948 года они прибыли туда и обосновались вместе с семьями. Они принялись за дело и очень скоро пришли к такому выводу: Церковь не входит в реальную жизнь людей. Правда, в Гарлеме уже поселились некоторые христианские общины и, прежде всего, секты пятидесятников, пасторы которых отличаются особым рвением. Вот их лейтмотив: «Ты грешен, но Иисус тебя спасет. Аллилуйя!».

Однако такая проповедь не слишком привлекала людей. Отчего? По причине отмежевания пятидесятников от окружающей человеческой жизни. Казалось, что они живут в каком-то своем мире.

СОБРАТЬ ВОЕДИНО ЧАД БОЖИИХ

Что касается Католической Церкви, то она, действительно, хорошо организована. У нее есть благотворительные учреждения, школы, деньги. Но ее пышные приходские здания и храмы (св. Лючии, св. Цецилии, св. Агнии) тоже словно принадлежат к другому миру, богатому и сильному, слишком непохожему на Гарлем. А в добавление к этому, заключили трое друзей, католикам свойственна некоторая индифферентность к повседневным проблемам. И вообще, — заметили они, — что может сделать Месса против наркомании?

Наконец, там нашлись и протестантские церкви. Закрытые наглухо двери, медные таблички, начищенные до блеска, — недоступная Церковь. Главное же, все Церкви эти довольствуются обслуживанием своих прихожан, забывая, что признаком подлинного христианства является возвешение Евангелия бедным.

Все эти три формы христианства были в Гарлеме явно не на месте. «Трое наблюдателей, — пишет в указанной выше книге Брюс Кенрик, — увидели, что большинство жителей не думает ни о каком выборе. Они игнорируют Церковь. Они продолжают жить своей жизнью, разрозненные, полные смятения, не видя исхода из своих проблем и обстоятельств, не умея их превозмочь. Они отдались течению» (с. 35).

Возвещать Иисуса Христа

Основополагающим для наших миссионеров стало Воплощение. «Господь так любит каждого человека, что приходит к нему Сам, где бы он ни был», — таков принцип их действий. Церковь же распространяет Воплощение вширь, растит дело Христа в мире. Она будет Церковью лишь в том случае, если станет, как Христос, приходить к людям туда, где они находятся.

В первые недели апостольской работы в Гарлеме этих троих людей угнетало ощущение хаоса. Очень скоро они сообразили, что для достижения успеха им самим необходимо организовать в апостольскую группу:

«Они поняли, что если Церковь хочет вернуть единство разобщенным людям, она должна иметь такое единство в своей собственной жизни. А это означает, что им следует начинать с самих себя. Прежде всего, нужно противостоять сильному побуждению жить разобщенно. Затем показать окружающим, как живет община, объединенная в Боге и дисциплинированная Евангелием» (с. 42).

Эти слова мы должны запомнить твердо: они должны стать для нас как бы «узлом» всех размышлений. На примерах Тезе и Дитриха Бонхёффера мы потом увидим, что и здесь у людей, первоначальные религиозные убеждения которых сами по себе не вели их к общинной жизни, тем не менее зародились ясные и прочные жизненные правила, приближающиеся к правилам, установленным для католических общин:

«Они начали с того, что организовались в группу взаимозависимости — пастырскую группу. Авторитет такой пастырской группы опирался на то, что члены ее принадлежали друг другу и были основательно связаны между собой. Члены группы совместно избрали четыре формы дисциплины, которые и обязывались соблюдать.

Прежде всего — молитвенная дисциплина. Каждый день они должны были отводить определенное время для молитвы и совместного чтения Библии. Каждую неделю группа должна была собираться завершать свою встречу религиозной службой и причащением. Каждые шесть месяцев надлежало проводить три дня вне Гарлема, и дни эти были предназначены для покоя, обмена мнениями и духовного обновления. Дисциплина предусматривала также наличие в доме культового центра, а в нем должны быть Распятие, открытая Библия, две свечи, может быть, картина.

СОБРАТЬ ВОЕДИНО ЧАД БОЖИИХ

Далее — дисциплина финансовая, согласно которой члены группы обеспечивались деньгами вне зависимости от их квалификации, а по нужде, то есть по количеству членов семьи. Кроме того, имелся общий фонд: все деньги, получаемые за лекции, статьи, книги, шли в этот фонд, который служил специальным нуждам квартала.

Третья форма дисциплины касалась призвания. Был заключен договор об исполнении их общего призвания — проповедовать Евангелие в самых бедных кварталах столицы. Он включал обязательство ежемесячно информировать о ходе работы, о планах на будущее и проблемах остальных членов группы, которые должны были давать свою оценку общей работы. Было также взаимное обязательство ничего не менять в своей работе без обсуждения с другими членами группы. В случае переезда в другой район следовало непременно дожидаться себе замены.

И в заключение, существовала еще и политическая дисциплина, в соответствии с которой все члены группы должны были придерживаться определенной позиции по отношению к политическим и правовым проблемам Восточного Гарлема. Это означало либо действовать в интересах этой позиции, либо хранить молчание, если совесть не позволяла действовать.

Соблюдение названных форм дисциплины должно было связать жизнь этих троих людей и их жен наподобие пакта, способного давать им силы и поддерживать их во всей трудностях жизни в Восточном Гарлеме.

Разумеется, они не имели права проходить мимо гарлемской нищеты, не пытаясь ее облегчить. Пренебрегать социальной проблемой означало бы считать себя более «духовными», чем сам Иисус Христос. Ибо, как утверждает Арчи Харгрейв, «свидетельство Христа, что Он — Божественный Мессия, состояло не только в проповеди Евангелия бедным, но, прежде всего, в исцелении слепых, хромых и прокаженных». Вопиющая нужда Восточного Гарлема в лечении

социальных язв привела к тому, что его жители отбрасывали Церковь как нечто ненужное, ибо ее исключительная занятость “вещами духовными”, как им казалось, узаконивала несправедливость того мира, в котором им приходилось жить. Самое главное в Евангелии, однако, — не то, что Слово стало Духом, но то, что Слово стало плотью. Это означало, что Благая Весть должна была быть проповедана по-человечески, в формах социальной активности, в выражениях плоти и крови. Одних только слов было недостаточно» (с. 54).

Но нельзя было доводить дело также и до того, чтобы социальная активность позволила миссионерам забыть, что не в этом их главная задача:

«Члены группы ясно видели, что социальная активность — не более как скорая помощь, не затрагивающая самих корней жизни. Ведь Евангелие требовало не только залечивания общественных ран, оно должно было обуздать волю людей, которые нанесли эти раны и могли наносить их и впредь. Евангелие должно было проникнуть до самого сердца людей и обновить жизнь у ее истоков, там, где начинается общество. А это означало, что нужно было проводить евангелизацию, что требовало безотлагательной необходимости проповедовать, ибо, как говорил Уэббер: «...мы начинали понимать, что, если мы проповедуем Евангелие в Восточном Гарлеме, наша первейшая задача — двигаться не в горизонтальном направлении, но по вертикали. Горизонтальный план — это отношения между людьми. Вертикальный план — это отношения между Богом и людьми. Нужно одновременно оставаться в обоих планах, так как в конечном счете невозможно удалить раковую опухоль, оставаясь на горизонтали, без дара благодати Божией, идущей по вертикали» (с. 55).

Короче говоря, нужно, засучив рукава, оздоравливать общество, ни под каким видом не забывая, что самым

СОБРАТЬ ВОЕДИНО ЧАД БОЖИИХ

мощным фактором в этом оздоровлении является верующий человек, несущий Благоую Весть.

Но как добиться установления контактов между жителями Гарлема и Иисусом Христом? Для наших миссионеров хороши все средства. Они не боятся броских предприятий. Так, для ликвидации скоплений отбросов они организуют коллективную уборку улиц, устраивают праздничную процессию со свечами, как это было, например, на Рождество 1950 года. Они прибегают даже к танцам, музыке, но очень скоро убеждаются в опасности театра. Главное же — их деятельность выражается в бесчисленных посещениях церквей, посещениях, совершаемых с терпением и дружбой, которая завязывается в повседневном соприкосновении. Нередко такие посещения заканчиваются приходом благодатного дня, совместным чтением Слова Божия, трапезой, а иногда и принятием Святого Причастия. И они так преуспели, что однажды один человек им сказал: «С тех пор, как я узнал вас, мне кажется, что я начинаю узнавать Бога».

Рождение Церкви

Заинтересованность мирян возрастала, и они проявляли все большую инициативу. Начался переход от миссионерской группы к Церкви. Когда у пасторов спрашивали, что они сделали, они отвечали: «Ничего! Зато Церковь сделала очень много». Вот так Тело Христово стало для мирян ощутимой реальностью.

«Церковь — это общность людей; они объединили различные таланты, дарованные им Господом, для того чтобы в общинной жизни выразить, сколь по-разному осуществляется Любовь Божия, и вместе трудиться в мире как Тело Христово, как Его представители» (с. 86).

Те, кто хотел во всем стать членом Церкви, давали шесть обещаний:

- принимать Христа как Господа и Спасителя;
- регулярно советоваться с пастором;
- быть активным членом общины, не являющейся официальной церковной организацией;
- ежемесячно сотрудничать с Церковью в общинных делах;
- ежедневно молиться и читать Библию;
- проникшись любовью к Богу и ближнему, идти вперед (с. 89).

Четыре человека из мирян составили «комитет жизни», который решал вопросы приема новых членов. Теперь речь шла не о том, чтобы «прийти в Церковь», но о том, чтобы «стать Церковью», то есть претвориться в Тело Христово, в котором Он — Глава, а мы — члены.

Однако все это стало возможным лишь в результате возникновения пастырской группы, того исходного ядра, которое обеспечило сохранение общины и постоянную близость к Евангелию.

«Община не разваливалась, и это вселяло в прихожан чувство защищенности, которого раньше у них не было. Они видели, как проповеданное Евангелие постоянно преломлялось в служении, совершавшемся на их глазах, и это вызывало у каждого человека глубокое доверие. Люди узнали, что Церковь, занятая их жизнью во всех ее проявлениях, по-настоящему обитает среди них. По застенчивому свидетельству 12-летнего мальчика, было так, “словно у тебя появился друг и ты знаешь, что он тебя не оставит”».

Семь лет спустя эта Церковь была живой и действенной. С отчетливой ясностью ее члены отмечали ряд слабых мест, подлежащих исправлению. Так, например, отмечалась замкнутость некоторых групп; указывалось, что пасторы не были в достаточной мере слиты с мирянами

и с Богом; что касается новоприбывавших пасторов, то их находили недостаточно зрелыми. Поэтому миряне сделали соответствующее заключение:

«Пастырские группы, которые должны становиться церковной пуповиной новых христианских общин, в действительности могут погубить новорожденных, то есть задушить инициативу мирян, если они предоставят профессиональной деятельности первенство над пастырством» (с. 139).

Подчеркивалось и другое слабое место: теологические разногласия между восемью имевшимися протестантскими группами. Чтобы продолжать общее дело, невольно шли на то, чтобы хоронить теоретические разногласия. Отсюда — необходимость постоянного вдумчивого возврата к Слову Божию...

Но, как бы там ни было, именно миссионерская группа, опирающаяся на Слово Божие, как мы видели, была закваской Гарлемской общины.

ГЛАВА 8. ОБЩНОСТЬ СУДЬБЫ

Общность судьбы. Вот великое апостольское прозрение священника Лебре: доминиканца, основателя журнала *Economie et Humanisme* («Экономика и гуманизм»), ставшего в конце своей жизни инициатором энциклики папы Павла VI *Populorum Progressio* («Прогресс народов»). Прежде чем начать рассуждения о природе общности судьбы и возможностях апостольства, я снова предложу вам опыт самого о. Лебре и тех, кому вместе с ним открылось миссионерское и христианское (а это нераздельно) богатство этой реальности⁵⁰.

I. РОЖДЕНИЕ ВЕЛИКОГО ПРОЗРЕНИЯ

Все началось с социологической анкеты. Епископы Франции были обеспокоены таким вопросом: почему бретонцы, в своих деревнях истинные католики и искренне практикующие прихожане, легко отказываются от церковности, как только покидают родные места в поисках работы в Париже и других больших городах? Такой вопрос был поставлен перед о. Лебре, который и решил досконально в нем разобраться.

Первая его констатация: было бы ошибкой рассчитывать, что уход бретонцев в города прекратится в ближайшее время. Если рассматривать жизнь морских рыбаков,

то, напротив, следует предвидеть новое усиление этого процесса. «Если так пойдет дальше, — указывал доминиканец, — то Франции будет достаточно и 30 тыс. рыбаков вместо 85 тысяч, имеющихся сегодня. И будет ли благом для нации, когда 55 тысяч ее сынов-поморов умножат число ее служащих или рабочих в предместьях?»⁵¹

Итак, проблема весьма серьезна. О. Лебре решил обратиться в ней не иначе, как только путем глубокого изучения фактов, путем систематического наблюдения. Именно так он и подошел к изучению положения морских рыбаков на всем побережье Франции. Его подход к делу потребовал много больше, чем способно дать хладнокровное наблюдение ученого. Необходимо «выработать привычку замечать все, что имеет отношение к человеку, для того чтобы поддерживать хорошее и устранять плохое... Необходимо фиксировать все либо в момент наблюдения, либо в конце дня»⁵².

Так, живя в состоянии пристального внимания к рыбакам, видя их жизнь во всей ее полноте глазами веры, о. Лебре пришел к идее общности судьбы (*communauté de destin*). В самой глубине и истоках его деятельности лежало евангельское милосердие. Главное — сотворить в себе «внутреннюю силу милосердия», а для этого — жить в единении с этими людьми, стать одним из них, принять в сердце всю их нищету.

«Тот, кого коснулась жалость, — писал он, — становится уже не тем человеком, каким он был раньше. Ожог человеческих несчастий, одного за другим, одной группы людей за другой, страны за страной, континента за континентом, каждый раз бросают человека во все более ожесточенную борьбу, во все более трудные мероприятия. Чем больше совершает милосердный человек, тем больше убеждается, как это мало в сравнении с тем, что следовало бы сделать»⁵³.

Кроме того, необходимо исходить из фактов, превращать их в факты собственного опыта. Ничто не может заменить прямого наблюдения. Чтобы обрести реальное знание людей и их жизни, обязательно нужно испытать на себе ее условия в течение длительного времени»⁵⁴

Такое исследование, строго научное и в то же время сердечное, привело к пониманию роли общности судьбы. Апостол Иаков сказал: *«А я покажу тебе веру мою из дел моих»*. Как осуществить это в современной жизни, работая с той или иной социальной группой? О. Лебре встречал слишком много людей, которые так и не вышли за пределы чувств, эмоций, интеллектуализма: так бывает, когда в социальной группе исчезает вера, а люди проливают слезы, строят прекрасные теории, уносятся в абстракции. Встречал он и дилетантов, которые тешатся тем, что ловко жонглируют фактами из жизни, засыпают людей вопросами только ради удовлетворения собственного любопытства.

Он считал все это не только бесплодным, но и вредным. Апостольская задача идет гораздо дальше: только «взяв на себя ответственность за людей, полностью погрузившись в их трудности, можно убедить в истинности своей жизни и самоотдачи» (обратите внимание на транспонирование слов апостола Иакова на современность).

Что означает «взять на себя ответственность»? Вот что пишет о. Лебре:

«Это акт твердой воли и решительной любви, в котором борющийся принимает на себя ответственность за конкретную группу людей перед своей совестью и перед Богом. Борющийся связывает себя с этой группой: он включается в нее, делает ее своей и как милости ожидает, что чудом любви члены этой группы примут его и будут считать своим. Это происходит без деклараций, без трескотни. Это дело души, которое выразится в слиянии без заметных внешних проявлений»⁵⁵.

СОБРАТЬ ВОЕДИНО ЧАД БОЖИИХ

Вспомните, ведь уже апостол Павел говорил: «Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими». А для этого нужно до основания изучить среду, профессию, группу людей и проанализировать факты. Нужно связать себя с людьми для того, чтобы вместе с ними попытаться найти средство преодоления их бед. Именно так связал о. Лебре свою жизнь с рыбаками Атлантики. И только тогда он постиг, что же означала на деле общность судьбы для этих океанских рыбаков.

Общность судьбы возникает тогда, когда люди разделяют единство жизненного опыта, когда они подвергаются одинаковому риску, преследуют одинаковые цели. Было ли их пять в лодке или тридцать на большом рыболовецком катере — никто из них жалованья не получал. Они делили между собой улов по кооперативному принципу. Каждому — судовладельцу и всему экипажу, от капитана до юнги, — полагалась определенная часть. Все вместе радовались, если ловля была удачной, и все зависели от превратностей моря. Между людьми, получающими заработную плату, и теми, кто связан описанной общностью судьбы, существует огромная разница.

В то время как о. Лебре делал свои наблюдения, Густав Тибон, философ и сельский житель, подметил подобную общность судьбы у крестьян его деревни в долине Роны. Если случалась гроза с градом, то урожай страдал как у богатого, так и у бедного. Даже мелкие торговцы, как, например, башмачники, оказывались солидарны с крестьянами — если погода не благоприятствовала и урожай был низким, то и с деньгами становилось плохо, и торговля не шла. В то же время и почтальон, и преподаватель, и служащий системы социального обеспечения, и даже священник — то есть все получавшие твердое жалованье — автоматически оказывались исключенными из сферы общности судьбы.

Существует ли общность судьбы на заводах? Александр Дюбуа, металлург и директор завода специальных сталей, рассказывает, что в шесть часов вечера инженер на заводе замечает про себя: «Уже! Как быстро летит время!». А в это время рабочий уже давно мечтает лишь о том, как бы поскорее уйти домой. Поэтому на заводах рабочие и инженерно-технические кадры не связаны общностью судьбы.

Именно в такой перспективе следует понимать жизнь Симоны Вейль, которую я встретил в то время в Марселе⁵⁶. Она считала крайне важным понять отношения между трудом и тружеником изнутри. Она тоже увидела, что узнать это невозможно, пока не станешь таким же тружеником. Вот почему она, преподаватель с ученой степенью, решила стать рабочей. И, стремясь до конца понять проблемы жизни рабочих и профсоюзной деятельности, она обнаружила необходимость общности судьбы. Позднее это стремление к общности, которое как бы сливалось со всем ее существом, привело ее к смерти от истощения в Лондоне во время войны. Знавшие ее шахтеры Сен-Этьена говорили о ней: «Она была не жилец, она была слишком образованна и ничего не ела!».

Итак, я думаю, что жизнь того или иного общества, будь то маленькие группы или целые нации, подчинена определенным незыблемым законам. И первым из этих законов является общность судьбы: быть счастливыми вместе или быть несчастными вместе — вот что это означает. И если исчезает общность судьбы, то человеческая группа либо теряет жизнеспособность, либо впадает в анархию.

Докер среди докеров

Как вам известно, я и сам в свое время прошел через опыт общности судьбы. Я был тогда секретарем в журнале «Экономика и гуманизм», а следовательно, и непосредственным сотрудником о. Лебре.

О. Лебре решил опираться на конкретные факты, чтобы его забота о судьбах людей была настоящей, и я очень быстро смог убедиться в следующем: что такое общность судьбы, познается не из книг, но из совместной жизни с людьми. И тогда, силою обстоятельств, я пришел к выводу: в мире докеров, по крайней мере в Марселе, нет никаких черт общности судьбы. Действительно, у тружеников Марсея не замечалось никакой солидарности. Найм рабочих происходил каждое утро. Мастер отбирал несколько рабочих на текущий день, оставляя всех остальных в ожидании какого-то другого заработка. Тем более не было ничего общего у докеров и с организациями порта. И докеры чувствовали себя отрезанными, выброшенными из той цивилизации, которая их эксплуатировала. И поэтому, если им удавалось украсть какие-то товары, они не испытывали ни малейших угрызений совести, ни какой-либо неловкости.

Вот так я смог осознать, пережить на собственном опыте, что представляет собой либеральный капитализм в его наихудшем виде. Оставаясь нередко без работы, я спрашивал себя, всегда ли и прежде так было в Марселе, и это побудило меня немного поинтересоваться историей. И я пришел к важному открытию⁵⁷.

В 1860 году марсельские «носильщики» были организованы в настоящее сообщество, ассоциацию под покровительством свв. Петра и Павла, которая имела самоуправление и насчитывала три тысячи человек. Стоимость разгрузки каждого корабля делили на определенное количество частей и распределяли в соответствии с точными правилами между руководством и рабочим. Как и у бретонских моряков, у всех у них была общая выгода.

В ассоциации, организованной марсельцами для марсельцев, сами члены и устанавливали распорядок. Те, которые не посещали общие собрания, подвергались штрафу.

Носильщик, «который позволял себе припрятывать какой бы то ни было товар, исключался из ассоциации навсегда».

В то время грузчики составляли элиту марсельских рабочих. При найме рабочих патрон не имел свободы поступать как ему вздумается. Он мог по своему усмотрению выбрать половину рабочих, но другую половину он должен был занести по порядку в список ожидающих, чтобы каждый имел возможность заработка. Перед призывом на военную службу молодые рабочие пользовались преимущественными правами подряда, причем это распространялось и на вернувшихся из армии.

Кроме того, отдавая в общий фонд 2% своего заработка, грузчики пользовались правом на бесплатную медицинскую и фармацевтическую помощь, на пенсию в старости; в случае же смерти — семья получала 300 франков, для организации приличных похорон. И все это в 1860 году!

Однако в один прекрасный день в Марсельском порту обосновалась некая парижская компания. Она приняла решение обходиться без ассоциации грузчиков и нанимать рабочих по своему выбору. Ее лозунг был такой: «Свободная работа на свободном причале!» В 1865 году грузчики возбудили судебный процесс против компании. Но суд признал ее правой.

С тех пор ситуация лишь ухудшалась. Приток рабочей силы извне. Мизерные заработки. Забастовки. Так этот маленький мир, который в 1860 году жил подлинной общностью судьбы, скатился до уровня люмпен-пролетариата.

Этот пример с очевидностью доказал мне одну истину, которую мы, католики, слишком часто недооцениваем: социальные структуры могут калечить человека, но могут, напротив, способствовать его расцвету. Какими же средствами можно было преодолеть нищету марсельских докеров? Только по-настоящему разделяя жизнь этих людей и их семей и проводя одновременно углубленное экономическое и техническое исследование.

Мы можем говорить о жизни какой-либо группы людей только в той мере, в какой сами эту жизнь разделяем. Нам часто кажется, что мы преисполнены пророческой миссии, и мы стремимся высказать свои суждения. Однако начинать надо с того, чтобы полностью разделить жизнь данной группы людей. Иначе мы будем выдавать одни лишь отвлеченные идеи.

Что касается специального изучения вопроса, то в книге «Марсельские докеры» я писал следующее:

«Открываются две возможности реформы, прямо противоположные друг другу, — либо мы ищем глубинную причину разлада, его корень, и действуем на этой глубине, как хирурги, иссекающие опухоль, либо мы продолжаем видеть лишь поверхностные симптомы зла, многочисленные и непостижимые, пытаясь облегчить их добрыми средствами старушек...

Частичные реформы не восстановят суть и справедливость. Суть решения проблемы не в том, чтобы улучшить участь докеров в том-то и том-то, но в новой организации экономико-социального комплекса, каковым является порт, то есть в воссоздании из разрозненных обломков живого организма, в котором, если одна из частей вышла из строя, все другие части начинают действовать сообща, чтобы выправить положение дел»⁵⁸.

В результате этого исследования, успешно проведенного журналом «Экономика и гуманизм», в 1947 году был принят закон, обеспечивающий докерам гарантированный заработок. И с тех пор можно было видеть, как постепенно эти субпролетарии снова становились полноценными людьми. И снова работа докера стала рассматриваться как хорошая профессия. Была установлена структура экономических отношений, дающая этим людям возможность жить настоящей жизнью.

В те же годы я услышал голос папы Пия XII:

«Разве позволительно Церкви, Матери столь любящей и озабоченной благом своих сынов, оставаться безразличной к их трудностям, приспособляться или делать вид, что она не замечает и не понимает тех социальных условий, которые, вольно или невольно, делают нелегким и практически невозможным христианское поведение в соответствии с заповедями Высшего Законодателя?»

(Выступление в праздник Пятидесятницы, 1941 год)

II. ПРИНЯТИЕ ОБЩНОСТИ СУДЬБЫ СОПРОВОЖДАЕТСЯ «ШОКОМ»

Судьба каждого отдельного человека — это совокупность событий, глубоко затрагивающих его жизнь. Общность судьбы возникает тогда, когда люди разделяют духовно и материально одни и те же условия существования, когда они подвергаются одним и тем же опасностям и преследуют одинаковые цели. Чтобы понять и узнать друг друга, нужно «жить вместе». Еще Аристотель говорил о *sunémêrein* — умении «повседневно жить вместе», а апостол Павел — о *sunzên* — «разделять жизнь». Но когда мы начинаем разделять жизнь других людей, когда мы переходим из положения человека, наблюдающего извне, в положение человека, погруженного в жизнь других, мы испытываем *шок*. Это слово нужно понимать в его медицинском значении, как травматический шок, как глубокую депрессию всего организма, сопровождающуюся падением кровяного давления, отсутствием рефлексов и пр. Ведь именно такое ощущение испытываешь, когда действительно погружаешься в мир рабочих. То же самое бывает с людьми, отправляющимися в низы третьего мира, или с сельскими жителями, оказавшимися в гуще города.

СОБРАТЬ ВОЕДИНО ЧАД БОЖИИХ

Действительно, прежде церковные люди смотрели на рабочую среду извне, а Церковь видели изнутри. И вот теперь мы открываем всю несправедливость по отношению к рабочим, тайные сговоры, грехи пренебрежения. Мы осознаем, и не теоретически, а на собственной шкуре, что очень уважаемые люди, живущие в свойственной им среде, не подозревают о поте и слезах других людей. Теперь мы видим мир рабочих изнутри, а Церковь — снаружи, как могут ее видеть неверующие. От этого мы страдаем, мы чуть ли не готовы устроить революцию и отправить Евангелие на все четыре стороны. Поистине благородное искушение, подобное тому, которое испытал Спаситель, когда после умножения хлебов иудеи искали Его, чтобы сделать «царем».

Мы испытали подобный шок при переходе из одного мира в другой и при этом открыли, что не только между Церковью и пролетариями была воздвигнута стена, но что за этой стеной лежал иной мир.

Встреча с людьми счастливыми в атеистическом мире — нелегкое испытание для христианина. Нужно понимать, что «вера есть состояние нормальной неистовости», как писала Мадлен Дельбрель. Ведь мир как таковой противоречит вере, он построен на другом склоне. Чтобы схематически представить себе современное положение миссионера, вообразите гору. На одном ее склоне — мир, утверждающий: «Никому не хочу служить!». На другом — Бог Спаситель. А на вершине стоит миссионер, и положение его между двумя безднами не слишком комфортно. Видение им Бога Спасающего должно быть достаточно ярким и сильным, чтобы он мог удержаться на вершине.

Духовная драма начинается, как только мы начинаем видеть в Евангелии тексты, относящиеся не более, как только к нашему присутствию в мире. В 1940-х — 1950-х годах, искушаемая соблазном вступить в коммунистическую

партию, перед окончательным решением Мадлен снова перечитала Евангелие. Она перечитала также и марксистскую доктрину и поняла, что предписание «возненавидеть каждого, кто принадлежит к другому классу», несовместимо с истинно христианской любовью. Да, коммунисты были бедны и великодушны, но в конце концов они стремились только к материальному благополучию. Во имя Евангелия, взятого во всей его полноте, Мадлен не имела права объединяться с ними в одну партию. Перечитывая Ленина, она поняла, до какой степени отдавала предпочтение одним текстам в ущерб другим.

Итак, христианский миссионер подобен человеку, идущему по гребню хребта. Только одна вещь может удержать его от падения в бездну мира — это постоянное видение Слова Божия в его всеобъемлющей полноте.

Сталкиваясь с новым для нас миром, мы никогда не должны забывать, что он произведет на нас ужасное шоковое воздействие, как на космонавтов, организм которых при переходе в состояние невесомости неспособен адекватно реагировать. Если вы действительно полностью погружаетесь в человеческую среду без оружия и без брони, если вы погружаетесь, к примеру, в современную научную среду или в среду атеистического материализма, вы испытываете такой же шок. Вы должны знать об этом и быть готовыми противостоять.

Случается, что люди погружаются на дно морское и не приходят при этом в соприкосновение с водой, например, в подводной лодке. Но если вы отправились в море в утлой лодке, вода заливает вас со всех сторон. Нередко наша жизнь, религиозная и церковная, бывала для нас такой же подводной лодкой, но лишь до того дня, пока мы не погрузились в общность судьбы с теми, кого мы были призваны евангелизировать.

Избежать ловушки уподобления

Итак, если мы разделяем жизнь людей, общность судьбы вовсе не состоит в том, чтобы подражать им во всем. Чтобы спасти утопающего, разумеется, недостаточно кричать ему с берега «делай то-то и то-то!». Нужно броситься в воду вместе с ним, но *при этом необходимо уметь плавать лучше, чем он сам.*

Следовательно, общность судьбы состоит в том, чтобы броситься в воду к людям, которые там барахтаются, но, повторяю, необходимо уметь плавать лучше, чем они. Иначе мы никого не спасем, но зато станет одним утопленником больше.

И вот, когда мы испытали шок от того, что разделили общность судьбы с другими людьми, когда убедились, к чему это приводит, а именно увидели, что немало наших товарищей не перенесли этого шока, потеряли контакт с Церковью и в конце концов отделились от нее, — тогда мы сумели осознать одну фундаментальную истину: никогда нельзя смешивать общность по сходству с истинной общностью, в солидарности и взаимозависимости.

Общность по сходству возникает у людей одной и той же профессии, которые ведут одинаковый образ жизни, происходят из одного и того же социального класса. Моряки всех стран похожи друг на друга, все крестьяне также имеют сходство, французским и африканским крестьянам свойственны сходные жесты. Такое сходство может порождать социальные движения и идеологии. Однако хотя судьбы и сходны, но они не имеют истинной общности. И несчастья одних могут быть безразличны другим. Есть сходство, но солидарности может и не быть.

Не такова истинная общность в *солидарности и взаимосвязанности*. Два инженера, основавшие небольшое предприятие, или два моряка, совместно владеющие рыболовецкой лодкой, не просто живут сходными судьбами, но солидарны.

Они живут один с помощью другого. И это совсем другое, чем простое сходство.

Беда для миссионера, если он, живя среди людей, будет смешивать простое сходство с истинной общностью судьбы. Последняя может присутствовать даже тогда, когда никакого сходства нет.

Те, кто в первую очередь стремится к схожести, находятся под угрозой большого риска оказаться загнанными в тупик, подобно молодой девушке, мечтающей походить на самую несчастную женщину своего квартала, или миссионеру в Азии и Африке, желающему непременно уподобиться населению данной страны. Похожесть — истинная ловушка для тех, кто стремится пережить общность судьбы. Вспомните о тех сравнениях, которые Спаситель применял по отношению к апостолам: закваска в тесте, соль земли, свет во тьме — так где же здесь сходство?

Закваска замешивается в тесто, она как бы солидарна с ним, но вовсе не похожа на него, иначе она не смогла бы выполнить свою роль. И вместе с тем, если тесто выбросить на помойку, она пойдет туда вместе с ним, ибо уже неотделима от теста, солидарна с ним. Для нас главная цель состоит в том, чтобы достигнуть глубокой солидарности. В конечном счете подлинная милосердная любовь — это и есть самая глубокая солидарность.

Но, разумеется, требуется и известное сходство. Если я не работаю на заводе, я никогда не пойму языка рабочих, и совсем другое дело — стремиться во всем походить на них, даже если я сам происхожу из их среды.

Пережив опыт общности судьбы, мы должны испытать свою совесть в этом отношении. Стремились ли мы лишь к простому сходству? Действительно ли мы осознаем, что главное заключено в солидарности и взаимозависимости? Не говоря уже о других, более или менее шатких мотивах, которые могли примешиваться к нашему желанию

СОБРАТЬ ВОЕДИНО ЧАД БОЖИИХ

разделять жизнь других людей. Именно так, одна весьма незаурядная канадская монахиня объясняла отъезд некоторых монахинь неосознанным побуждением стать «почетными людьми»... Прежде, когда народ почитал монашество, к монахиням относились как к существам особым. Поскольку такое почитание теперь ослабело, упомянутые женщины хотели его восстановить иным способом — стать «лидерами».

Короче говоря, только общность и взаимозависимость составляют силу и единство человеческих объединений. Силу и славу Ммиссионерской группы и целой нации составляет не схожесть ее членов, а вклад каждого из членов под знаком взаимозависимости. Это единство связывает существа различные, но солидарные. Вспомните об органической взаимозависимости между столь несхожими органами одного тела — мозгом и сердцем. Так же обстоит дело и во всякой подлинной общности судьбы.

Именем Евангелия должны мы признать несхожесть. Разве был кто-нибудь ближе людям, нежели Иисус? Он уподобился нам во всем, кроме греха, но этого достаточно, чтобы он был совершенно отличен от нас, и только поэтому мы и получаем от Него все.

Таким образом, жизненно необходимо, чтобы, разделяя общность судьбы с другими людьми, мы принимали бы и несхожесть. Нужно уметь принять ее и одновременно поглотить, чтобы найти истинные и глубокие точки сходства, которые помогут нам прийти к солидарности. Когда люди чувствуют, что мы действительно связаны с ними общностью судьбы, всегда наступает момент, когда они ставят нас перед трудным выбором. И часто бывает, что нужно уметь отказать. Так было с одним малым братом Иисуса, фабричным рабочим, который понял, что его друзья рассчитывают на него в забастовке, и отказался в ней участвовать. Так было и с Иисусом, когда Ему предложили стать царем, но Он удалился на гору, молиться.

Надлежит делать радикальный выбор — для чего мы разделяем общность судьбы с другими людьми? Чтобы заниматься политикой? Или во имя Спасителя?

Входя в общность судьбы, мы стремимся не к количеству, а к качеству. Есть вещи, которые не измеришь, и это прежде всего — любовь и вера. Самое важное в человеке не измеряется. Бывают моменты, когда нужно иметь мужество отсечь себя от людей, оставаясь при этом солидарным с ними.

Вспомним знаменательную историю Товита. В то время, как все братья из колена Неффалима поклонялись золотому тельцу, воздвигнутому Иеровоамом, царем Израильским, он один ходил в Иерусалим поклоняться Господу в Его Храме. В Ниневии во время плена, когда все питались языческой пищей, он один хранил себя в чистоте. Итак, налицо несхожесть. Товит не колеблясь отсекает себя от всех прочих, чтобы сохранить преданность вере. Но он проявляет также и глубокую солидарность, ибо, как нам рассказывает Библия, каждый день раздает своим братьям и всем из народа своего, которые, как и он, были в плену, раздает все, чем располагает.

Мальро сказал: «Есть два способа оставаться человеком среди людей: первый состоит в том, чтобы культивировать различия. Второй — чтобы углублять общность». Однако Сесброн сделал уточнение: «Мальро забыл добавить, что великий секрет состоит в том, чтобы оба способа действовали бок о бок, ни в чем не сталкиваясь». Действительно, то, что мне дало Евангелие, отличает меня от прочих людей, и я должен это осуществлять и возвращать как основное средоточие своей собственной жизни.

В заключение еще раз процитируем Мадлен Дельбрель. Вот как описывает она опасности полного сходства:

«И тогда оказывается, что нормальную христианскую жизнь подавляет неадекватное развитие апостольского служения:

СОБРАТЬ ВОЕДИНО ЧАД БОЖИИХ

апостольская жизнь как целое подчиняется какому-либо частному служению, а миссионерская жизнь выхолащивается в стремлении слиться с миром. Апостольское служение в мире подчиняется деятельности, направляемой светскими видами призвания»⁵⁹.

И она напоминает:

«Наш первейший долг *здесь и сейчас* состоит в том, чтобы максимально познавать Бога, максимально воздавать Ему хвалу, максимально преодолевать неведение Бога у наших ближних. Если мы осознали это как первейший долг, то, мне думается, мы сможем приступить к выполнению также и других обязательств, не нарушая при этом собственного духовного равновесия, ибо все прочие обязательства будут полностью охвачены двумя первыми заповедями Господними...»⁶⁰

«Когда мы будем плакать с теми, кто плачет о ребенке, который умер, хотя мог бы и не умереть; об искалеченном человеке, который мог бы таким и не стать; о человеке, который провел двадцать лет в тюрьме, хотя мог бы прожить их иначе, — вот тогда-то, вероятно, мы и сможем реально надеяться на то, что сердце наше будет становиться таким же, как у Иисуса Христа»⁶¹.

III. ПЛОДЫ ОБЩНОСТИ СУДЬБЫ

Первым результатом общности судьбы является то, что *голос малых и бедных евангелизирует нас самих*. Разумеется, не кто иной, как мы, несем им Евангелие. Но именно они, эти малые и бедные, помогают нам понять всю действенность Слова, все его содержание.

Проникнуться духом Евангелия нам помогут либо учителя (я имею в виду хороших учителей), либо бедные — в тех условиях жизни, которые позволяют им совершенно конкретно переживать Евангелие. Я понял, что такое реальный

человек по плоти и крови, лишь с того момента, как отправился жить среди докеров. И точно так же в Бразилии я понял, что для того, чтобы мой взгляд изменился, я должен стать на одну ступень с бедными, оказаться бедным в отношениях с ними. И тогда именно голос бедных начинает нас евангелизировать. Лишь они одни лишь могут ввести меня в первое из Блаженств, и в этом они навсегда останутся моими учителями.

Вслед за этим мы открываем *потребность в человеческом уважении*. Первое, в чем нуждается человек, есть уважение. «Первейший педагогический принцип воспитания состоит в том, чтобы поднять воспитанника в его собственных глазах» (Симона Вейль). Но чтобы поднять кого-то в его собственных глазах, нужно прежде всего самому стать ниже него. «Для того чтобы человек мог перейти от субординации к кооперированию, нужно согласиться, чтобы он для начала поднял голову», — говорит Симона Вейль. Только живя в подлинной близости к людям, мы сможем открыть подлинную иерархию человеческих потребностей. Человек нуждается не только в хлебе и вине, но и в уважении, нежности, любви.

А вот еще открытие: *группы должны быть «соразмерны» человеку*. Разумеется, создание различных социальных структур необходимо, но последние должны предусматривать существование малых групп с известной стабильностью во времени и пространстве. Каковы бы ни были общественные формы, люди так или иначе солидарны друг с другом, но группа общности судьбы принесет плоды лишь в том случае, если сможет выражать себя в форме «мы». Переход от «я» к «мы» предполагает ограниченные размеры группы.

Чувство общности судьбы требует вынашивания, развития. Оно — плод долгой привычки, оно должно пустить корни, которые переплелись бы друг с другом. Итак, *для возникновения общности судьбы необходимо время*.

СОБРАТЬ ВОЕДИНО ЧАД БОЖИИХ

Далее, необходимо, чтобы руководители малых групп, соразмерных человеку, стали бы вдохновителями «изнутри», а не вели их «извне». Преобразование общин, в которых люди могли бы жить «со своей меркой», жить в единстве друг с другом, становиться самими собой и не быть подавленными многочисленностью массы, — такова наша актуальная задача в Церкви.

Все это, разумеется, должно осуществляться при условии соблюдения *вертикального измерения нашей миссии*. Обдумывая свое отношение к марксизму, Мадлен Дельбрель ввела весьма ценное разграничение:

«Есть два вида стремлений (*tendance*) в наших сердцах, определяющих наши отношения с марксизмом: *стремление к союзу и стремление к спасению*. Для миссионерского призвания принципиально важно именно стремление к спасению. Стремление к союзу опасно для Миссии.

Соседство цели и опасности в деятельности Миссии требует сверхчеловеческого дерзновения, потому что обычно люди отказываются либо от одного, либо от другого.

Стремление к союзу означает, что мы поддаемся своему восхищению марксистом, выходцем из отчаявшихся пролетариев, прототипом и носителем грядущего социального исцеления...

Напротив, стремление к спасению позволяет нам увидеть как бы с позиции Бога, что марксисты — несчастнейшие из людей, самые больные. Они нуждаются во врачевании... Мы приходим к ним как здоровые...».⁶²

Два тысячелетия христианства учат нас тому, что только Церковь способна жить по Евангелию. Реально жить по Евангелию возможно не в абстрактной Церкви, но в Церкви живой, состоящей из наших современников.

«Только Церковь достаточно сильна, чтобы не оступаясь нести Евангелие», — пишет Дельбрель.

Далее она указывает:

«Мы должны осознать, что, безоглядно разделяя понятия и мироощущение рабочей среды, ее надежды и разочарования, даже когда мы пытаемся их исправить и очистить, мы рискуем превратить свидетельство о нашей Миссии в контрсвидетельство, если у нас нет ничего, кроме только такой общности. Мы никогда не должны позволить себе усомниться в том, что только Бог для нас — абсолютное Благо и что все другие блага хороши для нас только через Него и постольку, поскольку исходят от Него.

Но Бог — именно в качестве того Блага, о котором мы говорим, что оно абсолютно, — станет для нас совершенно несомненным лишь в том случае, если мы всерьез будем воспринимать исходящими именно от Него как приход любого земного блага, желаемого людьми, так и его лишение, которое воспринимается ими как зло.

Наше свидетельство, если мы не относим его к Богу, станет контрсвидетельством, если нет реальной доброты, безграничной как подлинное милосердие. Свидетельство как бы исчезает, ибо оно не будет восприниматься ни глазами, ни ушами, ни руками, ни сердцем человеческим»⁶³

Абрам Хешел сказал:

«Секрет Библии в том, чтобы научить нас, что каждый человек свят».

И Брюс Кенрик в книге «Исход из Пустыни» высказывает следующее:

«Р. Ж. был для них не “случаем” среди прочих, но тем, кому они по-настоящему сострадали, другом, с которым их связывало нечто общее, с жизнью которого были переплетены их собственные жизни. Поэтому постигшая его катастрофа в равной мере затрагивала и их. Боль их была подобна боли отца, присутствующего при долгой агонии своего ребенка, умирающего от неизлечимой болезни. Это было как боль Марии, взиравшей на Своего Распятого Сына».

Наш друг Поль Ксардель заключает эту тему так:

«Героизм миссионерской жизни начинается не на фабрике (такими героями могут стать миллионы), а после фабрики и состоит в умении правильно возрождать нашу собственную жизнь и жизнь наших товарищей под знаком Тайны Божией»⁶⁴.

По примеру Господа нашего Иисуса Христа

Итак, мы должны разделить общность судьбы. Часто мы окажемся не в состоянии разрешать проблемы других людей, жизнь которых разделяем, и лишимся нашей прекрасной уверенности в себе (вспомните, как апостол Павел писал коринфянам о своей «немощи»), но это будет благом потому, что тогда у нас останется лишь уверенность в помощи, исходящей от Бога. К тому же главное состоит вовсе не в том, чтобы знать все решения, а в том, чтобы быть солидарными. Мы видим это на примере Ганди. Решения, которые он предлагал, бывали спорными, подчас ошибочными, иногда его непротивление приводило к хаосу и мятежам. Но весь неисчислимый и несчастный народ Индии чувствовал, что его любит этот человек, пришедший издалека и слившийся с ним.

Умея охранять свое отличие, мы все больше будем соответствовать высочайшему образцу общности судьбы — примеру Господа Иисуса Христа.

Тайна Иисуса — в Его единении с Отцом и Святым Духом. Его Человечество как бы соторжествует с Его Божеством. В Нем Человечество и Божество пришли к единению. Поэтому Он разделяет общность судьбы с человеком вплоть до самой смерти, смерти на Кресте, как подчеркивал апостол Павел. Но если Он принял общность судьбы с нами, то только для того, чтобы мы

приняли общность с Богом. Иисус приходил к нам не для того, чтобы на земле стало одним человеком больше, но чтобы сделать нас участниками Его Тайны.

Можно сказать, что Иисус воплощает предназначение Израиля. Он вобрал в себя все — время, пределы, все пространство, где действует человек, где осуществляется цивилизация, эпоха, страна. Он по-настоящему принял общность судьбы с апостолами: *«зная, что пришел час Его перейти от мира сего к Отцу, явил делом, что, возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их»*. Мы находим у апостола Павла такие удивительные слова: *«Ибо не знавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех»* (2 Кор 5, 21). *«Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою»* (Гал 3, 13).

Но в то же время мы видим в Иисусе глубочайший отрыв, непохожесть на нас. Он, как и мы, испытал все — кроме греха. И потому он являет нам абсолютный образец общности судьбы со всем человечеством и одновременно несхожести с ним.

«И Слово стало Плотию и обитало с нами...»

«И мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца.»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ

*...что мы видели и слышали, возвещаем
вам, чтобы и вы имели общение с нами:
а наше общение – с Отцом и Сыном
Его, Иисусом Христом. И сие пишем
вам, чтобы радость ваша была
совершенна. (1 Ин 1, 3-4)*

ГЛАВА 9. МИССИОНЕРСКАЯ ГРУППА КАК ИНСТРУМЕНТ АПОСТОЛЬСТВА

I. МИССИОНЕРСКАЯ ГРУППА — ЧАСТИЦА ЦАРСТВА БОЖИЯ

Миссионерская группа — не «вещь в себе». Она — для общения Народа Божия. Как мы уже говорили, она подобна песчинке, которая, попав в раковину, становится центром жемчужины.

Как поступать, чтобы явить людям присутствие Христа? Такое свидетельство не принесут ни чудеса, ни рассуждения о долговечности Церкви, ни то, что мы можем сказать современному человеку о нем самом. Миссионерская группа — вот великий путь реализации присутствия Христа среди людей: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». Чтобы жить согласно этой заповеди, несколько человек должны объединиться и иметь перед глазами братьев, которых они будут любить.

Христос пришел, чтобы сокрушить стену ненависти, упразднить те разделения, которые разобщают людей. Вот почему общность судьбы принимается миссионерской группой (за редкими исключениями) как основа апостольского служения.

НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ

Естественно, что подлинная миссионерская группа не рождается без мук. Для этого нет определенного метода, и не следует думать, что ее члены непрерывно купаются в радости и веселии. Недопустимо также, чтобы жизнь в такой группе уподобилась бегству от больших церковных общин. Миссионерская группа прежде всего осуществляет *апостольское служение*, но не она одна. Она разделяет его с самой первой и основной частицей мистического Тела, каковой является семья: муж, жена, дети.

Вспомните призвание Двенадцати: Иисус призывает первых учеников, «*чтобы с Ним были*», — говорит евангелист Марк. Это была первая группа. Апостол Иоанн, уточняя сроки, пользуется выражением из Книги Бытия: «*на другой день*»... «*в третий день*». Намек очевиден: св. Иоанн имеет в виду шесть дней творения. С призванием Апостолов начинается новая эра, новое творение.

Как определить миссионерскую группу (фр. *l'équipe*)? Само это слово происходит от старого скандинавского слова *skipa* или немецкого слова *Schiff* (небольшое судно *esquif*), и его этимология дает нам богатое содержание: здесь важны небольшое число членов экипажа и их глубокая солидарность — ведь все они «в одной упряжке». Я предлагаю следующее определение миссионерской группы: «Немногочисленная ассоциация равных, объединившихся для одной цели, в которой один из участников берет на себя ответственность за общее благо».

Группа предполагает стабильность. Она объединяет людей, связанных одной общей целью, при достижении которой могут появляться различные задачи.

Отсюда вытекают два следствия:

- общая цель определяет характер и смысл группы;
- чем больше будет подлинно возвышенного, великого, постоянного и объединяющего на путях к такой цели, тем больше у миссионерской группы шансов стать настоящей.

Главная цель — укоренение Царства Божия. Именно это и служит сплочению членов группы. Вспомните первую отправку апостолов «по двое» для возвещения Благой Вести. И сегодня мы объединяемся в группы, чтобы помочь нашим братьям встретить Иисуса Христа в Церкви.

Брюс Кенрик рассуждал об этом так: «Чтобы вернуть разобщенным людям единство, нужно, прежде всего, засвидетельствовать это единство в собственной жизни». Иисус молился об апостолах: *«чтобы они были едино, как и Мы. Как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир. да будут едино, как Мы едино. Я в них, и Ты во Мне»*. В этом и заключен весь смысл группы.

Миссионерская группа несет в себе ядро апостольского единства, которое позволит изменить человеческую среду, будет содействовать развитию Церкви и приведет Спасителя. Это как бы таинство апостольства, видимый знак присутствия Иисуса, Миссия, которую Он вручил Своим посланным...

Способствовать развитию Церкви... Но что такое Церковь? Сообщество верных, объединенное по примеру семейного очага, — это дом и семья Бога Живого. В своих наставлениях по организации и распорядку христианских общин апостол Павел пишет Тимофею: *«чтобы ...ты знал, как должно поступать в доме Божием, который есть Церковь Бога живаго»* (1 Тим 3, 15).

В этой Церкви, в этой семье Бог является Отцом и Главой. У каждого члена есть свое обозначенное место и свои определенные обязанности. Он непосредственно общается как с Главой семьи, так и со всеми другими членами. Все христиане породнились друг с другом и с Богом: *«вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу»* (Еф 2, 19).

Что такое Церковь? Это — «люди дома Веры», или, иначе, — «люди дома Божия».

НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ

«Постоянное место божественного присутствия — это и есть Его дом. Он получается сам собой, когда верные собираются для священных служб в каком-либо помещении, будь то временное, как Ковчег Завета в древние времена, или окончательно, каким стал каменный храм в Иерусалиме».

Однако апостол Павел имеет в виду не только святилище, созданное руками человеческими. Он говорит об обществе верующих: «...вы храм Бога живаго» (2 Кор 6, 16).

Именно опираясь на то, что Церковь — это семья Божия, и следует понимать, какой должна стать миссионерская группа. Это маленький очаг, семья, где братья совместно переживают действие Божественной любви; здесь ядро милосердной любви, вокруг которой должна образоваться Церковь.

Мадлен Дельбрель так говорила о миссионерской группе: «Это мужчины и женщины, согласившиеся осуществлять вместе взятую на себя задачу и идти бок о бок так далеко, как этого захочет Спаситель». Миссионерская группа станет средством и путем апостольства только в том случае, если она станет школой милосердной любви. Она заставляет нас сбросить любую маску: попробуйте, например, перечитать знаменитый текст апостола Павла о любви (1 Кор 13), заменяя слово «любовь» словом «группа». Такой опыт должен вас удивить. Сам Господь, пребывающий в подобной группе, является ее движущей силой и первопричиной. В миссионерской группе мы ищем Бога, чтобы Он пребывал среди нас, и чтобы мы, благовествуя и живя по законам Его любви, помогали другим людям открыть Его. Через Божественную любовь мы получаем общение и с Самим Богом, и друг с другом.

Наконец, миссионерская группа есть средство достижения единства: ради него мы должны проявить всю необходимую настойчивость и смиренное отношение ко внешним препятствиям и ограниченности своих возможностей.

Уроки Писания

Если мы перечитаем Писание, то с очевидностью убедимся в одном: Замысел Божий есть всегда замысел коллективного спасения, реализуемый, однако, через призвание ограниченной группы людей. Так, например, Господь последовательно избирает Авраама и его род, Израиля, колено Иудино, род Давидов. Точно так же, во времена пленения, Господь избирает «малый остаток», а затем — пророков. Приближается время Нового Завета, и теперь призыв обращен к Марии и ее обручнику Иосифу, а затем происходит призвание Двенадцати.

Так же и с нами. Если у нас нет глубокого чувства призвания, мы не сможем переносить то чувство глубочайшего изнеможения, которое время от времени испытывает миссионерская группа.

В своей глубине христианское видение мира не индивидуалистично (человек — одинок перед Богом), а соотносит нас со всеми: все человечество призвано разделить Божественную жизнь. *«И Слово стало плотью и обитало с нами»*. Благодать Воплощения обращена ко всему человечеству, всему творению в целом. С приходом Слова, ставшего плотью, человечество объединяется. «Спасаться нужно вместе», — писал Шарль Пегги. Иисус дал нам Духа Святого, единого для всех. Его Мать — Мать всем нам; Он отдал за нас Тело Свое, Хлеб, один и тот же для всех. Из среды всех народов Он собрал членов для одного Тела — Его Собственного. Он создал одну Церковь, в которой каждый из нас — камень живой, дивно и неповторимо устроенный. Все овцы стада имеют одного Пастыря и возлагают надежду на единый Отчий дом. И, наконец, Иисус умер, «чтобы рассеянных чад Божиих собрать воедино». Через Христа мы обрели путь единения, хотя нам еще предстоит его пройти.

НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ

Тереза Младенца Иисуса писала:

«Подлинная любовь состоит в том, чтобы переносить все недостатки ближнего, не удивляться его слабостям и принимать урок от его малейших добродетелей... Я никогда не смогла бы любить моих сестер так, как любите их вы, если бы вы не любили их во мне».

Монсиньор Барон⁶⁵ сказал:

«Жизнь миссионерской группы — это школа любви, подобной любви Бога, бескорыстной, свободной, полностью исходящей от Него».

Если миссионерская группа является школой любви, то она также и школа терпения, включая оба смысла этого слова: умение ждать и умение страдать. Зов Божий соединяет судьбы, сближает жизни, связывает сердца; но он не изменяет характеров — они остаются такими же, как прежде. Мы так хорошо видим, когда и в чем кто-то должен нам, и плохо видим свои долги другим. У нас так много снисходительности к себе и так мало ее к другим.

Морис Блондель очень точно заметил:

«Строгость наших суждений в отношении других людей обычно проистекает от того, что про себя мы считаем, что осуществляем свой идеал на практике, а практику других признаем за их идеал». Никогда не следует забывать слова апостола Иоанна: «Кто говорит: “я люблю Бога”, а брата своего ненавидит,— тот лжец».

Короче говоря, если мы действительно считаем миссионерскую группу основным инструментом апостольства и частицей Царства Божия, мы должны вооружиться двояким пониманием.

Мы должны иметь самое высокое представление о той роли, которую миссионерская группа призвана (пусть крайне несовершенно) исполнить в Замысле Божиим. О миссионерской группе скажем то же, что апостол Павел

писал о браке: *«Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви»* (Еф 5, 32). Но вместе с тем мы должны обладать тем смирением, без которого невозможно осуществлять идеал миссионерской группы конкретно и повседневно. Следовательно, нам нужно одновременно обладать и великим кругозором любви, и добродетелями смиренных.

Миссионерская группа как образ Троицы

Что мы можем сказать о Святой Троице? — Это три Ипостаси в полном единении. Это общение, которое ничем не ограничено и которое, однако, не стирает различий и личного значения каждой из Них: Отец не есть Сын, а Сын не есть Святой Дух. Это в своем роде «семейная жизнь», не имеющая себе равной, которая, разделяясь на лучи, изливается вовне.

Так же и с миссионерской группой. Она живет как очаг, как семья. Не замыкаясь в себе, она умеет открывать себя каждому, приглашая разделить свою радость. Впрочем, свою ли? Скорее, радость Христа. В этом смысле миссионерская группа — это первичная «ячейка» мистического Тела. Ибо Троица — не только совершенный образ: изливая в нас силу Духа, Она позволяет нам жить по Ее подобию в общине.

Мы постигаем тайну миссионерской группы лишь в той мере, в какой входим в тайну соединения с людьми Самого Христа.

Здесь уместно полностью привести замечательный текст св. Августина о «Теле Христовом»⁶⁶:

«Что есть Церковь? Это Тело Христово. Добавьте к Нему Главу, и Оно станет целым человеком. Тело и Глава — это единый человек. Кто же Глава? Тот, Кто был рожден Девой

НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ

Марией. Кто же есть Его Тело? Его Невеста, то есть Церковь, и Отец пожелал, чтобы и то, и другое составляло бы вместе одного единого человека: Христос Бог и Церковь.

Во Христе все люди — как один человек, и единство христиан — это единый человек.

Такой человек — это все люди, и все люди — этот человек; ибо все вместе они составляют одно, потому что Христос — един. О, Тело Христово, святая Церковь; о, народ Христов, Тело Христово, о Святой Пришелец, Ты не от земли, Ты от небес.

О, Тело Христово, в чем твоя надежда? О, Христос, восшедший на небеса, но членами своими еще страдающий на земле...

О вы, о ты, о все вы, составляющие одно!

О человек, о единство, что делаешь ты на земле, и каких только добрых дел не совершаешь ты в Церкви?

Когда Христос верою обитает во внутреннем человеке, когда через молитву Он вступает в обладание человеком, Он становится одним Христом в полноте, Глава и Тело в единстве, и во всех Он пребывает один.

Ибо Господь наш Иисус Христос как Человек целостный и совершенный есть Глава и Тело. Тело Его — это Церковь. Не только Церковь, которая здесь, но Церковь, которая по всей земле; и не только Церковь, которая живет теперь, но та, которая началась с Авеля и завершится вместе с теми, что родятся до конца света и будут веровать во Христа, — весь народ святых, который составляет единый град. И град этот — Тело Христово... Вот это и есть Христос, в полноте и универсальности, Единый с Церковью...

Возрадуемся и возблагодарим: мы не только стали христианами, мы стали Самим Христом. Понимаете ли вы, братья мои, постигаете ли, какой благодатью Господь осеняет нас? Дивитесь и радуйтесь, все мы — Христос. Если Он — Глава, то мы — члены, а целый человек — это Он и мы.

Это можно было бы принять за безумие гордыни, если бы то не был дар Его доброты. Но Он Сам заповедал устами

Апостола: “..вы — тело Христово, а порознь — члены” (1 Кор 12, 27)».

Св. Августин в своей «Исповеди» дает описание миссионерской группы, которое могло бы показаться идиллическим, если бы единство Тела Христова не наделило его реальной осуществленностью:

«...общая беседа и веселье, взаимная благожелательная услужливость; совместное чтение сладкоречивых книг, совместные забавы и взаимное уважение; порою дружеские разговоры, какие бывают у человека с самим собой, — самая редкость разногласий как бы приправляет согласие длительное, — взаимное обучение, когда один учит другого и, в свою очередь, у него учится; тоскливое ожидание отсутствующих; радостная встреча прибывших. Все такие проявления любящих и любимых сердец — в лице, в словах, в глазах и тысяче милых выражений — как на огне сплавляют между собой души, образуя из многих одну»⁶⁷.

Итак, жизнь в миссионерской группе имеет двойной аспект. Прежде всего, как и всякое призвание, она есть ответ на призыв Бога. *«Не вы Меня избрали, но Я вас избрал»*, — сказал Иисус. Стало быть, участие в миссионерской группе не может зависеть ни от нашего настроения, ни от степени нашего удовольствия. Господь, Который никому не предлагает изоляцию, даже отшельнику, призвал нас вместе трудиться и жить группой, когда каждый растит свое понимание и любовь и осуществляет личное участие.

Вместе с тем, жизнь в миссионерской группе — это свободный и сознательный дар себя другим ради общей цели и общих задач. Общей целью является Царство Божие. Все, что разрушает единство группы, идет вразрез с Царством Божиим. Тертуллиан приводит следующие слова, которые ранее Предание приписывало Христу:

«Если ты встретил брата, то встретил и Бога;
Ибо если вас двое, то Бог посреди вас».

II. АКТУАЛЬНОСТЬ И ВАЖНОСТЬ МИССИОНЕРСКОЙ ГРУППЫ

Миссионерская группа является реальным и осуществимым путем разрешения того противоречия, которое подтачивает современное человечество.

Действительно, его разрывают два противоположные стремления, оно пытается найти баланс между ними и не находит равновесия. С одной стороны — это утверждение своего «я», стремление к личному расцвету, независимости и свободе, а с другой — это тяготение к коллективизму, с его все более гнетущим обезличиванием, которое поглощает жизнь больших масс людей. Драма современного человечества состоит в том, и мы на этом настаиваем, что оно разрывается между отстаиванием своего «я» и растворением в анонимном «они».

Однако каждый человек индивидуализирован. Человек есть свободная и автономная личность — он не может быть средством достижения обезличенных целей; у него есть свое «я», которое он отстаивает. Для себя я самоцель: в этом утверждении есть доля истины. Но верно также и то, что стремление к самоутверждению нередко переходит в отрицание личности другого. Самоутверждение часто оборачивается желанием господствовать. Здесь и начинается индивидуализм.

Правильно также и то, что для человеческой природы характерна коллективность. Каждый из нас всем своим существом укоренен в человечестве. Нам нужны все другие люди. Откуда берется шерсть, из которой сотканы наши одеяла? Из Австралии. А кофе, который мы пьем? Его выращивают в Бразилии или Африке. Я уже не говорю о работе ученых, о прессе и пр. Человеческая личность является ею только в условиях общества.

Таким образом, две противоположные силы претендуют на всю человеческую жизнь. Как должны они сопрягаться?

Нейтрализуя друг друга, наподобие двух паровозов, которые тянут состав в разные стороны? Нет, я уверен, что мы должны предложить людям нечто лучшее.

Сравним человечество с большим лесом. Деревья растут из земли, а корни переплетены так, что их не разъединишь: это и есть коллективный аспект. И вместе с тем, каждое дерево верхушкой и ветвями тянется к небу и не срастается с соседними деревьями — это аспект индивидуальный. Но ведь прорастание корней и вытягивание ветвей являются результатами одного и того же жизненного импульса. Как же человек, с его социальностью и индивидуальностью, должен конкретно поступать, чтобы сохранить и свои социальные корни, и индивидуальные ветви?

Убедительный ответ на это дал только Иисус: *«Вы — дети Божии»*. И нет жизни личности более глубокой, чем в качестве усыновленных Отцом. Источник своей собственной жизни и ее образец каждый человек находит в жизни Самой Троицы. *«мы теперь дети Божии; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему»* (1 Ин 3, 2). В этом и состоит подлинно личное призвание: когда каждый из нас преобразится, то станет подобен Богу.

Об этом нужно почаще размышлять, особенно в те грустные дни, когда говоришь себе: «Ну и странный же ты тип... бедняга». И это правда, потому что я — бедное и неудачное создание. Но я призван к обожению, и только в этом мое «я» приобретает чрезвычайное значение и абсолютную автономию. Да, я — независимое существо: я укореняюсь прямо в Боге, без посредников.

Но вместе с тем все люди едины со Христом. Мы не только «подобны» братьям, мы и есть братья. В этом — тайна мистического Тела. Все мы — одно Тело. Я соединился со Христом и поэтому вошел в глубочайшее единство со всеми людьми.

НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ

Иисус не говорит подобно Марксу: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Он говорит гораздо больше: «Вы все — одно, Божественное единство». Эта истина должна стать для нас жизненной реальностью. Только тогда миссионерская группа обретет всю полноту значимости. Внутренняя жизнь христианина углубляется сверхъестественным путем от того, что он — часть Христа; и его жизнь связана и спаяна с жизнью других именно потому, что он — часть Христа. И только эта мистическая реальность может объединить и удовлетворить великие искания и великие надежды современного человечества.

Настоящая миссионерская группа — это и есть то место, где без фанфар и барабанного боя, без вспышек и мечтаний, повседневно сосуществуют индивидуальное своеобразие и солидарность во Христе...

Агапе изо дня в день

Агапе, или милосердная любовь, учит нас одновременно видеть и Бога, и ближнего. Углубленное чувство Бога и единения с Ним является тем обязательным ферментом, в котором нуждается всякая совместная жизнь. Одиночество и общение устремляются друг к другу ради того, чтобы мы согласились жить для других. Как член миссионерской группы, я соглашаюсь жить в интересах другого, причем этот другой зовется то Богом, то Пьером, Жаном или Полем. В обоих случаях необходимо, чтобы я отказался от абсолютной автономии и согласился допустить в мою жизнь другое существо: Бога или ближнего. При этом, однако, каждый член группы сохраняет свою индивидуальность.

Вот как рассказывает о своем долголетнем опыте «жизни в группе» Жак Маритен. Группу образовала его семья вместе с Верой — сестрой его жены Раисы (обе из России. — *Ред.*).

Эту часть его воспоминаний можно назвать «Одиночество и общение»:

«Я думаю, что люди всегда заблуждаются, полагая, что единство христианской жизни устраняет из жизни все сокровенное, некоммуникабельное и что оно должно мыслиться как некий благочестивый “общий котел”, когда изливания, в которых каждый, по-видимому, должен вниче, дымящейся горячими парами семейной радости.

Наш опыт был совсем иным!

Не думаю, чтобы между тремя человеческими существами возможно было более тесное и глубокое единение, чем то, которое сложилось у нас. Каждый из нас с предельной искренностью был открыт к двум другим. Каждый из нас был исключительно восприимчив к двум другим и был готов ради них на все. Наша жизнь держалась как бы единым дыханием.

При этом, однако, не только оберегалась личная индивидуальность каждого, не только каждый питал священное уважение к свободе другого, но в лоне этого удивительного союза любви, созданного милостью Божией, каждый из нас сохранял неприкосновенное одиночество.

Что за тайна! Чем больше мы сближались, тем самостоятельнее продвигался каждый из нас; чем больше мы брали на себя бремя другого, тем больше сами несли каждый собственное бремя. Итак, если единство нашего маленького стада с годами непрерывно возрастало, то одиночество каждого из нас только углублялось и бывало, по правде говоря, порой жестоким. Но это уже зависело от Бога.

Отмечу только, что обе сестры были очень замкнуты. Раиса скрывала свои духовные сокровища и горести в блеске ума и очаровательной легкости речей, а Вера хранила их в особой молчаливости, таившей в себе доброту, царственно-свободную живость, дух чистосердечия и риска. Одиночество Раисы было одиночеством поэта с восприятием невероятно тонким и деликатным, поклонником всех

красот мира, одновременно изведавшим и глубины Креста, целиком отдавшимся созерцательной жизни и жертвенной любви.

Жизнь Веры была жизнью существа созерцательного, облеченного в одежды сестры милосердия, существа на редкость сильного, сострадательного к скорбям других, желанного участника трапезы Спасителя.

А мое собственное одиночество? Сдается мне, что оно было одиночеством некоего неумелого водолаза, который продвигается как придется в подводном царстве коварных истин и призраков времени. Никто никогда не узнает, какие темные печали и отчаяние могут искушать философа по мере того, как он погружается в познание себя и проникается чувством великой жалости к этому миру. Здесь, на земле, его может успокоить лишь ночь, если в этой ночи, которая ближе к Богу, чем день, невидимая и любящая рука будет вести его, как слепого». ⁶⁸

В 1963 году состоялся Синод протестантских церквей Франции, собравшихся с целью изыскания путей к единению. Пастор Шарль Вестфал обратился к участникам Синода с некоторыми соображениями о Тайне Церкви и об искушениях, подстерегающих стремление к единству:

«Ибо какого единства мы желаем? И в чем должна заключаться роль Федерации в этих поисках? Нас подстерегают три искушения:

- стремление к единству, которое обеспечивалось бы строгой унификацией и авторитарностью церковного администрирования, — это можно назвать “римским искушением” до II Ватиканского Собора;
- стремление к единству, которое обеспечивалось бы буквальным подчинением жестко фиксированному исповеданию Веры или некоторым отдельно взятым положением Писания, — стремление, которое я позволил бы себе назвать “сектантским искушением”;

- стремление к федеративному единству, которое не связывало бы нас слишком строгими обязательствами и, в случае необходимости, защищало бы друг от друга; это искушение добросовестного протестантизма.

Задача нашей Ассамблеи — найти понятный ответ на вопрос: может ли Церковь в мире преодолеть все эти искушения?

Не будем забывать, что единство Церкви есть Тайна, Тайна Тела Христова, членами Которого мы все являемся. Эта Тайна открывается нам только в Вере, и только в Вере она и может переживаться. Единство создается и поддерживается не силой организации, какие бы формы она ни принимала, но свободным приятием верующими велений Духа и братским послушанием своему призванию, которое они признают своим общим призванием. На этом пути все структуры, необходимые для выражения единства, будут нам даны Господом, когда Он Сам этого захочет. Эти структуры всегда будут относительными, вторичными и временными, ибо окончательная структура может быть только в Царстве Божием. Но Богу угодно, чтобы в активном, трепетном и радостном ожидании грядущего Царства мы все вместе несли бы окружающему нас миру не только Слово Примирения, но и явные пророческие знаки такого Примирения».

III. ДОБРОДЕТЕЛИ, НЕОБХОДИМЫЕ В МИССИОНЕРСКОЙ ГРУППЕ

В размышлениях о добродетелях, необходимых для совместной жизни в миссионерской группе, нет лучшего руководителя, чем св. Франциск Сальский («Руководство к благочестивой жизни», часть 3). Для него важнее всего добродетель смирения:

«Каждый стремится иметь добродетели сверкающие и заметные, находящиеся на самой вершине Креста, чтобы их видели

НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ

издалека и чтобы все ими восхищались. И мало кто спешит развить добродетели, которые, подобно тмину и богородичной травке, растут у самого подножья и в глубокой тени этого Древа Жизни. А между тем, именно они, самые выносливые и душистые, были окрашены Кровью Спасителя, преподавшего христианам Свой первый урок: “научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем”».

Для женевского епископа смирение и любовь идут бок о бок:

«Итак, терпеливо продолжайте подчинять ваше мужество смирению и воспламенять его любовью... Хорошо вникайте в это, ибо здесь главный урок нашего Высочайшего Учителя: “...научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем”».

Для упражнения в добродетели нет нужды помнить обо всех добродетелях сразу. Смирение и любовь — вот ведущие поводы; все другие добродетели к ним привязаны.

Кротость и смирение — основа святости.

Видя вздорность, ребячливость и несовершенство сестер, приучайте ваш живой дух к терпению, кротости, смирению и приветливости.

Будем совершенствовать наши малые добродетели, на которые способно наше ничтожество. Не будем браться за великое, если сами малы.

Советую вам соблюдать кротость и искреннюю любезность, которая никого не обидит и каждого обяжет, которая ищет любви, а не почета, которая никогда не посмеется в ущерб другому...

Но ведь иногда приходится делать и замечания:

Тот, кто делает предупреждение своему ближнему с “благословения благодати”, будет наилучшим подражателем Господу нашему. Делайте всегда ваши замечания от доброго сердца и с добрыми словами.

Так как врата пересоздания сердца узки и неудобны для прохождения, умоляю вас неустанно трудиться и терпеливо вести через них ваших сестер, одну за другой; ибо если захотите провести

их быстро и целой толпой, не думаю, чтобы это хорошо получилось. Ведь одни идут быстрее, другие — медленнее. Со старыми нужно обращаться бережно; они менее гибки, ибо нервам их души, как и тела, уже труднее все переносить».

Мы уверены, что смирение абсолютно необходимо для жизни миссионерской группы. На практике оно требует непрестанных усилий. Солидарная жизнь в миссионерской группе — не такая уж легкая вещь! Так, например, следует одновременно опасаться и недостаточности в действиях, и чрезмерности, и действий, направленных в сторону от основной цели. Другими словами, настоящий член миссионерской группы не должен быть ни пассивным, ни суматошным, ни независимым. Он должен «познать» других в самом глубоком, библейском смысле этого слова. Нужно научиться работать вместе, ценить друг друга, в каждом открыть его дарование, чтобы ни один талант не остался забытым. Наконец, нужно стремиться во всем достигнуть радости и счастья.

Тяжким заблуждением было бы дать ход мыслям о том, что «миссионерская группа совсем не такая, какой она должна бы быть», и что нам самим нельзя быть не теми, какими мы должны быть. Чтобы отдаться делу полностью, не нужно ожидать того времени, когда наша миссионерская группа станет совершенной и законченной.

Группа отдает только то, что получает. Закон миссионерской группы — это закон Евангелия: *«потерявший душу свою ради Меня сбережет ее»; «если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя»*.

Умейте не быть тем «одиноким всадником», который уходит и приходит, делает то, что захочет и когда захочет, никого не спрашивая и ничему не подчиняясь. Умейте не быть «недотрогой», к которой нельзя прикоснуться, не вызвав целую драму; умейте не быть резонером, который словно бы получает удовольствие от споров и всегда рад

НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ

возразить; тем упрямым, который неустанно возвращается к одной и той же излюбленной теме.

И никогда не забывайте о сигнале тревоги: тот, кто перестал говорить «мы» и начинает говорить «они» или «группа», ставит себя вне миссионерской группы.

Какие трудности? Конечно же, их полно, и самых разных. Когда они возникают, следует прежде всего помнить о «кумушках». В миссионерской группе, как и в семье, трудности должны разрешаться внутри и не становиться достоянием других, как бы эти другие ни были доброжелательны. А еще нужно иметь достаточно благоразумия, чтобы не драматизировать ситуацию и понимать истинную цену вещам. И, наконец, никогда не следует забывать о советах Писания:

«Любовь покрывает множество грехов...»;

«Солнце да не зайдет во гневе вашем».

Наконец, прибавим последнее предостережение, которое касается всей миссионерской группы в целом: по отношению к другим группам, к приходу, к Конгрегации, к Церкви миссионерская группа должна всегда оставаться закваской. Она не должна становиться «комком» в тесте. Подобное искушение подстерегает как раз наиболее благополучные миссионерские группы. Достигнуто большое единство, все думают одинаково, всем хорошо... и все начинают думать, что этого достаточно, что достигли истины. И вместо того, чтобы поднимать тесто Церкви, становятся «комком». Подобно крови, которая сохраняет в теле свою текучесть, миссионерская группа не должна стать тромбом в мистическом Теле Церкви.

Миссионерская группа не может быть самоцелью: она только средство, инструмент апостольства. Никогда нельзя терять из виду созидание Царства Божия. Миссионерская группа должна быть столь же готовой к действию, проявлять такое же самоотречение, как и каждый ее член. И это далеко не самое легкое!

Притча о плодах

Заклячая свои размышления о миссионерской группе, я предложу вам одну притчу.

Все мы подобны плодам. Но даже для плодов есть несколько способов быть вместе.

Плоды могут быть на дереве. Каждый получает свою долю солнца: «Каждый — себе, а Бог — всем», — гласит пословица. Это — рассеянное состояние без всякого единства. Иисус говорил: *«Если зерно не умрет, останется одно»*.

Плоды могут быть уложены в корзине. Но каждый плод остается самим собой и противопоставлен другим. Это — сосуществование, где единственная общность — вместилище.

Иногда плоды пропускают через миксер, чтобы выжать сок. В этом случае каждый плод теряет свою собственную индивидуальность. Это — полное единство без сохранения своеобразия. Все отдают себя всем, но в виде раствора. Все существа слились и утратили личные качества.

Наконец, бывает салат из фруктов. В этом случае имеется и единство, и сосуществование. Каждый остается самим собой и не утрачивает личных качеств, но с одним условием: фрукты должны дать согласие, чтобы их разрезали на кусочки, и только самые маленькие (например, вишни), то есть самые смиренные, могут оставаться целиком. Гармоничность, запах и вкус такого салата определяются этим добровольным смешением.

Эта притча может нам помочь лучше понять слова Иисуса. Действительно, Иисус не удовлетворяется тем, что видит нас вместе, Он хочет видеть нас как «едино». Недостаточно признания личных особенностей и уважения. Чтобы стать действительно единой группой, нужно согласиться быть преображенными рукою Божией.

Мы воссоединены, то есть соединены по-новому, объединены новым сердцем. Миссионерская группа — *соединение*

заново во имя Иисуса. Даже ценой того, что мы будем разрезаны на части...

«...вы были в то время без Христа, отчуждены от общества Израильского, чужды заветов обетования, не имели надежды и были безбожники в мире. А теперь во Христе Иисусе вы, бывшие некогда далеко, стали близки Кровию Христовою. Ибо Он есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду, упразднив вражду Плотию Своею, а закон заповедей учением, дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека...» (Еф 2, 12-15).

ГЛАВА 10. ОБЗОР ЖИЗНИ

Обзор собственной жизни составляет краеугольный камень жизни миссионерской группы. Он является одновременно и делом сугубо личным, и общинным. Он способствует осуществлению общего блага миссионерской группы, ее освящению. Время от времени обзоревая свою жизнь, каждый из членов группы, как и вся группа в целом, шаг за шагом осваивают новую жизнь в близости ко Христу и Его Слову.

На каком уровне происходит обзор жизни?

Обзор жизни совершается не на психологическом уровне и не на уровне личного стремления к совершенству: это не терапевтическое средство освобождения сознания и тем более — не проверка совести, позволяющая определить, что хорошо, а что дурно. Обзор жизни происходит на уровне Веры. Значение такой ревизии в том, что она позволяет нам подняться от моральных понятий к религиозным. И действительно, в результате этой ревизии мы должны осознать нашу постоянную неверность Богу, нашу «жестоковость». Благодаря такой ревизии мы стремимся воспламенить в себе дух Веры, Надежды и Любви и научиться видеть друг в друге — принявших Господа.

Обзор жизни есть совместное предстояние перед Богом, ибо знаем, что жизнь наша обретает значение только

НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ

под взором Божиим, охватывающим ее с милосердием и любовью. Так при прохождении через пустыню евреи постигли смысл жизни, увидев, что только Бог может их спасти.

Обзор жизни — это усилие, позволяющее нам перешагнуть через поверхностное человеческое видение и предстать перед Богом, помогающее нам стать тем, к чему призвал нас Господь.

Обзор жизни в миссионерской группе или в семье есть акт литургический, призывание Духа Святого, состояние созерцания всего того, что составляет наше существование, требующее обращения к Богу и изменения жизни.

От Сеятеля до Эммаусских путников

Отправную точку предлагает нам притча о Сеятеле (Мф 13, 3-8). Семя, говорит нам Иисус, — Слово Божие, а почва, на которую падает семя, — это мы. Эта притча в равной мере может быть отнесена как к нашей личной жизни, так и к жизни миссионерской группы, представляющей то поле, на котором Слово Божие должно пустить корни и принести плоды.

В связи с этим обзор жизни может рассматриваться как усилие, совершаемое всеми для того, чтобы в любых условиях семена Слова падали на почву, где они могли бы принести плоды. Поэтому, пересматривая свою жизнь, мы задаемся вопросом: какой почвой являюсь я для Слова Божия? И какую — мы все вместе? Обратите внимание, что эти вопросы заданы в настоящем времени. Совершенно недостаточно спрашивать себя, каков я был вчера или позавчера, речь идет о дне сегодняшнем. Ведь вчера я мог быть хорошо удобренной и плодотворной почвой, а сегодня меня завалило камнями... И наоборот, вчера я мог быть полон сорняков, а сегодня огонь спалил их...

В Евангелии содержится живой и конкретный пример обзора жизни — встреча Иисуса с путниками на дороге в Эммаус (Лк 24).

Путники были захвачены событиями, прямо к ним относившимися: встречей с Иисусом Назарянином, «пророком, сильным в деле и слове». Но иудеи предали Его смерти, и это привело путников в большое смятение.

И вот они встречаются Спасителя и, не узнав Его, пересказывают Ему все события. И Иисус понуждает их к обзору жизни.

Прежде всего, Он упрекает путников в маловерии: «О, *несмысленные и медлительные сердцем...*». Так вот, приступая к обзору своей жизни, лучше не бросать такой упрек своему брату, а сказать самому себе: *«Несмысленный и медлительный сердцем, чтобы верить всему, что сказали пророки!»* Действительно, мы видим события, которые нас гнетут, но не умеем видеть их в свете Евангелия: *«Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою?»*.

Далее Иисус напоминает им обо всех вмешательствах Бога в прошлое, о чудесах, которые Он творил ради Своего народа, и помогает осознать, почему Он, Иисус, является конечным смыслом, верховной целью всех событий.

Каков же результат такого обзора жизни? Послушаем самих путников: *«не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание?»*. И сразу же они возвратились в Иерусалим, чтобы рассказать остальным ученикам обо всем, что видели и слышали.

Итак, уже само Евангелие учит нас *элементам* обзора жизни. В приведенном повествовании мы находим:

- событие;
- прочтение его в свете пророчества и Писания;
- переход от состояния краха и растерянности к уяснению смысла данной ситуации;
- возобновление активности.

НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ

Обзор жизни — это освещение той или иной ситуации нашей жизни светом Евангелия. Это перенесение нашей жизни в план Божественного Замысла не в целях улаживания сложившегося положения и не для того, чтобы придумать программу действий в связи с теми или иными трудностями, или собрать людей в такую или иную группу, но для того, чтобы осветить нашу жизнь светом, который Господь дал нам в Евангелии Иисуса Христа. Таким образом, обзор жизни не может быть обменом мнений, пусть самых новых; это — обновление внутреннего взора, чтобы *«просветленными очами сердца»*, как говорит апостол Павел, познали мы, *«в чем состоит надежда призвания Его, и какое богатство славного наследия Его для святых»* (Еф 1, 18-19).

Настоящий и ненастоящий обзор жизни

Слово «ревизия» происходит от латинского слова «revisere» — «пересматривать», или, точнее, «возвратиться посмотреть». Таким образом, речь идет о том, чтобы «возвратиться и посмотреть» снова на вещи и события. И не для того, чтобы взглянуть на них просто так. Но посмотреть на них заново, по-новому, обновленным взором. Именно это имел в виду Иисус, когда говорил: *«...слышали вы, что сказано древним. ... А Я говорю вам...»* Настоящий обзор жизни начинается в тот момент, когда мы слышим голос Иисуса: *«А Я говорю вам...»*.

Новое видение касается и меня лично, и всех, кто входит в нашу группу, и не касается вещей отвлеченных и преходящих. Вспомните историю с наследством:

«Некто из народа сказал Ему: Учитель! скажи брату моему, чтобы он разделил со мною наследство. Он же сказал человеку тому: кто поставил Меня судить или делить вас? При этом сказал им: смотрите, берегитесь любостыжания» (Лк 12, 13-15).

Видите, Иисус не дает себя вовлечь во временную ситуацию и, разъясняя ситуации личные, возвращает слушателей к подлинным перспективам. Иисус обращает Свой взор на самих людей!

Это различие чрезвычайно важно. Забывая о нем, мы подвергаем себя риску наихудших ошибок и полностью извращаем обзор жизни.

Послушайте, к примеру, историю, рассказанную о Марешалем, который был одним из основателей Католического рабочего движения. Он говорит с большим знанием дела. Тяжело раненный человек умирал в больнице. Товарищам, которые пришли его навестить, он пожаловался, что ему больше не меняют повязки. Один из навещавших обратился к медицинской сестре с выговором, а эта последняя, будучи перегружена работой, резко ответила: «А зачем? Ведь он все равно не выживет».

Инцидент обсуждался на собрании Католического движения в порядке пересмотра отношения к жизни. Принимают решение поговорить с главным врачом. Однако этот шаг не приносит успеха. Новый пересмотр — и новое решение: пожаловаться священнику. Тот отказывается вмешиваться. Во время еще одного обзора жизни один из членов группы делает такое заявление: «Раз так, я больше не буду ходить на Мессу!»⁶⁹.

Поистине прекрасный результат!

Чего же не хватало во всех этих обзорах жизни? Дело в том, что реальный жизненный факт рассматривался во внешнем аспекте. Не пытаясь взглянуть на него «внутренним взором» Евангелия, члены группы немедленно приступили к действию. А в результате вступали в отношения с людьми только для того, чтобы «утрясти дело», вместо того, чтобы попытаться преобразовать сердце медицинской сестры, врача, священника, а в первую очередь — свое собственное.

НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ

Посмотрите, как Христос действовал в эпизоде с самарянкой. Она пришла к колодцу всего лишь набрать воды, а Иисус побудил ее к полному пересмотру своей жизни. *«Если бы ты знала дар Божий и Кто говорит тебе...»*. Он касается самого сокровенного в ее сердце и в Своем Собственном. Но ведь это совсем другой уровень!

Нельзя с излишней поспешностью переходить к действиям. Наш взгляд на людей — вот что важнее всего. Именно этого мы должны добиваться в своем обзоре жизни, если хотим, чтобы евангельская истина проникла в сердца людей.

В этом плане полезно перечитать ряд новозаветных текстов, например, Послание апостола Иакова (1, 19-26) или молитву апостола Павла за Ефесян (Еф 3, 14сл).

Нельзя забывать об общинном характере обзора жизни. Мы решили составить группу, чтобы вместе пережить встречу с Богом. Поэтому только в результате переоценки жизни миссионерская группа станет единым телом:

«Братская общинная жизнь, в самой строгой или более свободной ее форме, необходима Малым Братьям. Однако никогда нельзя забывать, что подобная жизнь складывается из тела и души. Телом является общность жизни, более или менее тесная, в отношении жилища, пропитания, совместной молитвы. Душу же образует духовная дружба, объединяющая братьев в их желании принять помощь друг от друга и заботиться о каждом. Без этой взаимопомощи и дружбы совместная жизнь уподобляется мертвому телу, и ничто не компенсирует ее несостоятельности.

Обзор жизни является как бы местом включения души в тело: обзор жизни как упражнение в совместной жизни может занимать первое место, в то время как братская дружба незаметно может стремиться упразднить такой обзор под предлогом, что необходимый обмен мнениями уже происходил в течение дня. Нужно и то, и другое: рамки братских отношений не должны быть слишком жесткими, но вместе

с тем необходимо, чтобы община сохраняла всех своих членов, связанных друг с другом в видимое тело, хотя всегда желательно, чтобы братья более опытные настолько деликатно создавали тело общины, чтобы оно не стесняло ее душу» (Рене Вуайом).

Осуществление обзора жизни на практике⁷⁰

Обзор жизни предполагает постоянное усилие, направленное на реализацию фундаментальных ценностей.

Необходимо:

- всегда стремиться ко все большей правде и подлинности, к правде в словах, которые мы произносим; к подлинности нашей жизни, которая должна соответствовать тому, на что мы сами претендуем походить;
- относиться к каждому человеку как к личности, достойной внимания и уважения;
- стремиться, чтобы наша бедность (в евангельском значении слова. — *Прим. перев.*) была подлинной; человек может жить в бараке, но это не значит, что он беден;
- стремиться к тому, чтобы наша молитва была постоянным внутренним поиском Бога, молимся ли мы дома или в церкви;
- стремиться к тому, чтобы наша любовь и нравственная чистота были подлинными.

При проверке нашей жизни мы смотрим на себя с позиции евангельских правил. К ним приложимы и слова: «*Приидите ко Мне... и Я успокою вас*», и притча о строителе башни. Мы присаживаемся вместе, чтобы прикинуть, сможем ли мы построить башню. И коль скоро речь идет о том, чтобы строить Царство Божие, вывод наш будет один: «*всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником*» (Лк 14, 33).

НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ

Часто задают вопрос: в связи с чем должен проводиться обзор жизни? Вопрос этот, в сущности, маловажный, ибо каков бы ни был повод (событие, или евангельское поучение, или случай из жизни), важно, чтобы при этом обзоре жизни мы переносили внимание на себя, на свою собственную жизнь. При этом должны присутствовать два дополнительных момента:

Прежде всего, мы должны все честно признавать. Мы связали себя узами миссионерской группы, мы решили совместно проводить религиозную и апостольскую работу, как, например, молитва, Евхаристия, посещение людей и пр. Во всех этих областях мы обязаны нашим участием Богу и миссионерской группе, поскольку мы приняли решение жить для других. Если по той или иной причине мы потерпели неудачу, нужно правдиво довести это до сознания группы. Это наша взаимная обязанность. И если мне не удастся исполнять взятые на себя обязательства, нужно уметь приспособиться к изменившимся условиям.

Во-вторых, должно быть творчество, созидание, должна быть любовь. Это намного глубже первого. *«Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный»*, — сказал Иисус, и мы всегда должны быть устремлены на совершенствование. *«Да будут едино, как Мы едино»*, — мы должны начать жить по этой заповеди, без всяких скидок. В единстве с Отцом и Сыном и Святым Духом, и со всеми людьми вообще, и особенно в единстве со своей миссионерской группой. Большое заблуждение думать, что я могу быть «едино» со всеми людьми, если я не прилагаю усилий быть в единстве со своей миссионерской группой.

В этом вопросе обзор жизни должен быть особенно требовательным. Мы пытаемся «видеть, судить, действовать», исходя из наших отношений с Богом. Мы никогда не должны терять из виду свою цель — быть до конца открытыми друг к другу, как бы прозрачными друг для друга. Весьма нелегкая задача...

Условия плодотворного обзора жизни

- Первое условие плодотворности обзора жизни состоит в тщательной подготовке. Импровизация неуместна.

- Никогда не следует забывать, что дело идет о религиозном акте: *«где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них...»* Проверка собственной жизни — это сердце духовной жизни миссионерской группы, сердце, принимающее в себя действие святости. Если мы честны перед Богом, мы честны и перед нашими братьями. Если мы честны перед нашими братьями, мы честны перед Богом. В этом церковность нашего христианского призвания: мы должны идти к Богу не в одиночку, но вместе с Церковью, с общиной, с миссионерской группой.

- Обзор жизни предполагает атмосферу дружбы и любви, дружбы, укорененной во взаимной любви. Мы должны на деле осуществлять нашу взаимную ответственность.

- Соблюдать ежедневные «пятиминутки», на которых каждый делится тем, что его поразило за день как с хорошей стороны, так и с плохой. Наилучший способ обзора жизни — такой, когда отпадает нужда делать взаимные замечания, поскольку все уже было высказано своевременно, и когда все участники готовы выслушать друг друга — и помочь.

- Обзор жизни должен сопровождаться полным сохранением тайны. Все, чем я поделился в обстановке интимности, касается только моей группы. Никогда не следует шутить над тем, что было сказано.

- Проводить обзор жизни в атмосфере покоя и расслабления, когда есть уверенность, что никто не помешает.

- Рассказывать друг другу все, что следует, спокойно и без спешки, ибо спешка не способствует личным доверительным беседам, но в то же время и не затягивая разговора, ибо затягивание затрудняет контакт.

- Уметь излагать серьезные ситуации, не впадая в психоанализ и психологию. Когда мы замечаем, что кто-либо

НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ

из членов утрачивает совершенную открытость с братьями, это всегда является сигналом, что что-то не так... И нередко случается, что до причины добираются слишком поздно, потому что вовремя постеснялись о ней сказать.

Короче говоря, обзор жизни подобен пирамиде, общие контуры которой мы всегда должны держать в голове при любых обстоятельствах. Цель — достигнуть верхушки. Но разве можно это сделать, если основа колеблется? Потому и важно никогда не забывать о том, что вершина может быть достигнута лишь постольку, поскольку мы постоянно будем проводить перепроверку того, что составляет основу нашего существования.

«Прибыль» в результате обзора жизни

Мы уже говорили, что обзор жизни — акт преимущественно религиозным. Вместе с тем, он оборачивается пользой и в чисто человеческом плане, принося как бы «прибыль», которая столь немаловажна и о которой следует сказать пару слов, прежде чем закончить этот раздел: благодаря регулярному обзору жизни члены группы постепенно становятся зрелыми, настоящими людьми.

Быть настоящим человеком — дело очень трудное, ведь для этого нужно в гармоничной полноте найти необходимое равновесие между всеми сферами жизни. Чтобы перестать быть дикарем и стать человеком, необходимо культивировать в себе определенные стороны, как культивируют поле. Поэтому побочная «прибыль» от систематического обзора жизни состоит в том, что мы научаемся смотреть на себя со стороны. И не в том дело, чтобы, в соответствии с классическим требованием проверки совести, спрашивать себя: «Хорошо или плохо я поступил?». Скорее, следует спрашивать себя: «Поступил ли я как зрелый человек или как ребенок?». Действовать как зрелый человек —

это действовать «напрямую». Это помогает нам осознать некоторые слабости, на которые мы предпочитаем не обращать внимания.

Регулярный обзор собственной жизни делает нас зрелыми. Что такое зрелый человек? Вовсе не тот, кто при первой возможности громко возмущается, что его не считают зрелым (именно это и есть признак незрелости). Зрелый человек — это человек цельный, достигший единства своей собственной личности. Для такого человека характерна стабильность, его жизнь направлена по строго намеченному пути. На него можно положиться, и друзья знают, что он не меняет своих взглядов каждую минуту.

Ему свойственна ответственность, он умеет преодолевать горячность, чтобы не войти в противоречие со своими убеждениями, он умеет противостоять времени, он осознает ответственность за всю свою жизнь целиком, за свое призвание. Это человек общественный, не просто не замкнутый на себя, но активно открытый, способный разделить, взять на себя тяжесть тех или иных социальных условий, обстоятельств, к которым оказывается причастен. Он добросовестно оценивает результаты своего опыта и пределы своих возможностей, включая и собственные погрешности и неуравновешенность. Он принимает свое положение человека грешного и помилованного.

Итак, привычка к обзору своей жизни делает нас людьми. Людьми, которые благодаря ей и благодаря совместной жизни в миссионерской группе сумеют до конца дней своих не принимать себя слишком всерьез...

Глава 11. ПЕРВИЧНАЯ ОБЩИНА

Жизнь Иисуса — и это было самое главное в моих миссионерских открытиях за 13 лет жизни среди докеров Марселя — разворачивалась тремя этапами очень разной продолжительности. Иисус прожил 30 лет в молчании и неизвестности. Затем в течение трех лет Он вел общественную жизнь и осуществлял свое проповедническое служение. И, наконец, три дня, всего три дня, были посвящены Тайнам: от Тайной Вечери и Креста до Воскресения — Пасхи.

Вот эту простую истину очень важно помнить, когда мы говорим о первичных общинах. Если кто-либо пожелает принять участие в одной из них, он должен заранее примириться с перспективой длительного периода скрытой жизни. Первичная община не может возникнуть без предварительного периода дружбы, основанной на длительной совместной жизни в смирении, бедности и однообразном повседневном общении.

I. БРАЗИЛЬСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Первичные общины — это что-то вроде летающих тарелок, как нередко говорили в нашей миссионерской группе лет десять назад. О них много говорят, и будто бы даже некоторые их видели... Что же до меня, то мне выпала

радость участвовать в рождении и первых шагах одной из таких общин в Бразилии⁷¹.

Нас было трое, приехавших в Бразилию в июле 1964 года. Очень скоро, 17 августа, один из нас, Поль Ксардель, был сбит грузовиком при выходе с завода, когда направлялся в ближайшую церковь служить Мессе⁷². Это была одна из самых банальных смертей, ибо дорожные аварии часто случаются в этом квартале. Вот так с самого начала мы узнали, что дружба, связывающая нашу маленькую общину, может привести и к смерти.

Вскоре другой брат, бразилец, прибыл на смену Полю. Итак, мы стали жить вместе, работая на заводе и разделяя жизнь нашего квартала: тот же транспорт, те же перебои с электричеством, те же радости, те же огорчения.

Наша цель на первый год была проста — искать Бога. Искать Его вместе, ради Него Самого, среди людей этого квартала и среди христиан.

В 1965 году мы решили приступить к первым попыткам евангелизации среди практикующих христиан, то есть среди тех людей, которые собирались в нашей маленькой церкви по воскресеньям. Для проведения евангелизации мы наметили ряд тем. Начало ознаменовалось большим энтузиазмом. На наши встречи приходило человек шестьдесят. Но многим это вскоре наскучило: приходиться стали по тридцать человек, потом по двадцать, по десять и, наконец, пришли всего пятеро... Через какое-то время собрания пришлось прекратить.

Но в один прекрасный день те же самые практикующие христиане пришли просить нас предпринять что-нибудь. На этот раз мы поставили условие: «Если вы все станете миссионерами, мы согласны работать». И задали вопрос: «Хотите ли вы узнать Иисуса Христа для того, чтобы показать Его другим?»

Все должно быть предельно ясно. Если мы снова решаем объединиться, то для того, чтобы составить Церковь,

НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ

чтобы собраться вокруг Христа, умершего, *«чтобы рассеянных чад Божиих собрать воедино»*. Для этого необходимы три вещи: слушать Слово Божие, преобразовать в соответствии с ним свои взгляды и образ жизни, распространять Слово Божие, чтобы соединиться с теми, кто Его воспринимает.

«Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас» (Ин 20, 21). Такова отправная точка всякой подлинно миссионерской жизни. Есть огромная, фундаментальная разница между «библейским кружком», который собирается для слушания и пополнения знаний, и объединением, при котором уже с самого начала полагают себя ответственными за распространение Благой Вести.

Так в становлении этой общины начался *новый этап*. Двадцать недель кряду по воскресеньям собиралось около тридцати человек. Такие собрания всегда включали три части: слушание Слова, импровизированная молитва и обсуждение текущих дел.

Мне вспоминается тема нашего первого собрания (чтобы еще сильнее подчеркнуть нашу цель): Иисус призывает нас следовать за Ним. В конце собрания мы показали несколько фотографий бразильской деревни. Кто-то спросил: «Думаете ли вы, что для этих людей возможна жизнь в Боге?». Последовал общий положительный ответ. Немедленно вслед за этим мы показали фотографию одной из фабрик: «А здесь возможна жизнь в Боге?» — «Ну, нет! Тут это невозможно», — был ответ. Мы же просто возразили: «Однако Иисус повелел проповедовать Евангелие по всему миру всякой твари. Стало быть, нет в мире такого уголка, где невозможно обращение к Богу».

На следующих собраниях мы открывали Иисуса Человека, Иисуса — Сына Божия и Иисуса — Господа нашего. Затем — то, как Иисус разделяет с нами Свои богатства: Слово, Свое Тело, Своих братьев, Мать. Наконец, последний этап — Иисус разделяет с нами Отца, Святого Духа, собирает нас в Своей Церкви.

И так постепенно люди, которые поначалу были лишь пассивными слушателями, стали вестниками Слова. Так перешли они от религии Христа Умершего к религии Христа Воскресшего. Эти тридцать человек остались верными до конца, и дивно было наблюдать, как, по выражению апостола Павла, «слово Божие действует в верующих».

Через двадцать недель пришло время сделать следующий шаг. Это был трудный момент! Перед каждым мы поставили такой вопрос: «Кто из вас согласится взять на себя ответственность за маленькую группу, которая будет собираться не здесь, а в каком-нибудь доме? Кто согласен стать подлинным миссионером?».

Всеобщий испуг: «Мы не сумеем! — Я не хочу, чтобы собрания проходили у меня! — Нам так хорошо у вас!».

Это решающая минута — минута истины, когда происходит рождение общины.

Наконец, четверо или пятеро согласились возглавить новые общины, а кое-кто взялся им помогать. Рождение первых миссионерских групп состоялось.

С этой минуты все стало происходить, как в Евангелии: Иисус встретил Андрея, Андрей встретил Симона, Иисус встречает Филиппа, Филипп находит Нафанаила. Так же поступает Самарянка по отношению к односельчанам. Это призыв по цепочке, поистине цепная реакция высвобождения скрытой энергии.

И вот мы увидели, как наш Ренато, мечтавший стать проповедником, ходит из одного дома в другой с проекционным аппаратом. А если дом не вмещал собравшихся, он показывал свои картинки на наружной стене дома. И, комментируя Евангелие, всегда находил нужное слово. Слово, продиктованное жизнью.

А вот еще более удивительный пример: три женщины, которые никогда в жизни не проявляли инициативы. Одна из них около проектора, другая — возле экрана поясняет

НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ

картины, а третья — дополняет эти объяснения. И когда слушаешь их рассказ о Вере на их собственном, им одним свойственном языке, том сочном языке, что обретает человек, вновь открывший для себя всю свежесть евангельской истины, чувствуешь себя свидетелем подлинного распространения Слова Божия.

Постепенно мы все лучше и лучше постигали одну истину: по мере того, как человека начинают слушать другие люди, он осознает, что его слушает и Сам Бог.

Руководители общин

Такие общины нуждаются в руководителях, в людях, которые бы их вдохновляли. Какие же качества необходимы для будущего руководителя общины? Как сможет он сделать то, что он должен сделать, и прежде всего — в самом себе?

Мы долго думали над этим, пока не поняли, что советы, которые апостол Павел давал Титу и Тимофею, удивительным образом подходят к нашему случаю:

«...епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен, честен, страннолюбив, учителен, не пьяница, не убийца, не сварлив, не корыстолюбив, но тих, миролюбив, не сребролюбив, хорошо управляющий домом своим» (1 Тим 3, 2-4)⁷³.

Нет ничего более конкретного. Это распространяется на каждого с самых конкретных сторон, включая напитки и посещения домов терпимости, и обязывает к борьбе с самим собой во имя Спасителя.

Апостол добавляет и следующие условия, отнюдь не менее важные. Епископ должен быть:

«не ... из новообращенных, чтобы не возгордился и не подпал осуждению с дьяволом. Надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних, чтобы не впасть в нареkanie и сеть дьявольскую» (1 Тим 3, 6-7).

Только после этого возможно удостоиться высшего качества борца, чтобы он «*воинствовал ...как добрый воин, имея веру и добрую совесть*» (1 Тим 1, 18-19).

Когда все это говорится реальным людям, Вольдемару или Франциску, эти тексты перестают казаться банальными. Они в точности выражают то, что люди должны были услышать. И действительно, люди сами станут поститься несколько дней перед тем, как приступить к делу. И тогда теми же путями восстают для нас из-под пыли привычных слов понятия «служение, дар, действие», то есть те *харизмы*, которые и ведут к построению общины.

И здесь опять следует перечитывать апостола Павла. Он очень много говорит о духовных дарах и служениях (2 Кор 3, 6; 1 Кор 12, 1сл). Все харизмы, говорит он там, — это дары для всех. И все они служат построению сообщества. Производит же их Дух.

В нашей маленькой общине мы видели все эти дары в действии: один умеет распутывать неразрешимые ситуации, другой — утешать, третий — взбадривать общину, когда она впадает в дрему, еще кто-то — руководить. Не забывая при этом о даре, который апостол считал наиважнейшим, — о братской любви.

Во всяком случае, только благодаря этим дарам наша община продолжала свое существование на протяжении ряда лет. Она даже смогла стойко перенести временное возвращение нашей миссионерской группы во Францию. В период ее отсутствия все руководители совместно взяли на себя проведение проповедей, воскресных собраний и крещений.

Разумеется, община пережила и отход некоторых ее отдельных членов. Но всегда сохранялся «малый остаток», который оставался верным Слову Божию и на котором был Дух Святой.

У молодых членов общины зарождались новые начинания. Так, например, как-то раз они обратились к старшим

НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ

и просили Мишеля Куэно помочь им организовать Рождественскую проповедь. Мишель сделал комментарий на икону Рождества и предложил несколько библейских текстов. Вооруженные таким образом, они отправились в некоторые семьи, чтобы тронуть их тайной Вифлеема и приобщить к молитве.

Другая группа молодежи регулярно собиралась с одним из миссионеров для подготовки к Божественной Литургии. Еще в одном случае группа молодых семей собиралась для совместного обсуждения своих семейных проблем.

Все переживали глубокую привязанность к Личности Спасителя. И из такой встречи со Христом рождалась Церковь, соединение учеников Христовых.

Конечно же, не обходилось дело и без искушений, проблем. Так, радость личной встречи со Христом и совместное переживание этого открытия приводили некоторых к убежденности в собственной принадлежности к «чистым», к обладателям истины. Великое искушение таких открытий состоит в полном пренебрежении ко всем предшествующим. Люди склонны отбрасывать все прошлое, полагая, что именно теперь и вершится история. Происходит возвеличение одного аспекта при исключении всех прочих... и Церковь Христова оказывается искаженной.

Поэтому надлежало действовать. И община решила приступить к освоению более сложной программы, путем возобновления народной Школы Веры. Еженедельно около сотни участников собирались на двухчасовые занятия по слушанию Слова с попыткой богословского его понимания и «переоценкой собственной Веры». Миссионерские группы снова отправлялись в путь.

Как видите, миссионерский труд состоит в том, чтобы каждый раз начинать сначала.

Я обратился к опыту Осаско не потому, что недооцениваю опыт других общин. Просто именно здесь на моих

глазах зарождалась, возрастала, страдала эта община, и я видел, как, можно сказать, умирала и воскресала эта сотня людей, мужчин и женщин, открывая для себя Воскресение Христово.

С ужасом понимали мы, что этот народ, издавна пользовавшийся Таинствами Веры — Крещением, Конфирмацией, Евхаристией, — вовсе не получал живого материала этой Веры, то есть Слова Божия. И тогда взор наш обратился к Африке, о которой мы судили лишь по книгам и статьям, посвященным катехизаторам и руководителям общин. Из Азии, Лаоса, Вьетнама до нас также доходили известия о том, как целые деревни находили организационные формы, позволявшие жить Верой и даже «практиковать» при отсутствии священников.

Лет пять-шесть спустя, отправившись в Того, я увидел таких катехизаторов. Для меня, священника-рабочего, эти люди, которые не были ни священниками, ни рабочими, явили тот идеал жизни, к которому мы стремились с самого начала: в течение всего дня разделять жизнь и работу людей, а вечерами нести им же Благоую Весть Господа нашего Иисуса Христа.

В Южной Америке первый мяч был заброшен в Меделлин:

«Христианская первичная община представляется самым начальным и основным звеном Церкви, она берет на себя ответственность за сокровища Веры и за их распространение и даже осуществляет культ, служение и литургическое выражение Веры. Маленькая община возникает как первоначальная ячейка церковной структуры, как центр евангелизации, но в наше время она становится фактором человеческого развития и прогресса» (Меделлин 15, 10).

В Бразилии сейчас насчитывается до 40 тысяч маленьких общин, преимущественно в сельской местности. С 23 июля по 1 августа в Виттории проходила встреча

НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ

руководителей с представителями первичных общин, среди которых многие проехали более 3500 километров на автобусах⁷⁴. На встрече присутствовали 12 епископов.

II. В АФРИКЕ

Африка, континент, к которому, еще находясь в Бразилии, мы обращали взоры, показала себя лучшей наставницей общинной жизни. Из обширной деятельности, которая здесь осуществлялась, я приведу несколько фактов. Это опыт Камеруна и Танзании.

А. — В Камеруне епископ Маунды Зоя, в связи с приданием ведущего значения «местным общинам», сформулировал для них четкие и требовательные директивы:

«1. Создавать местные общины не слишком большими по числу членов, чтобы люди могли непосредственно знать друг друга, создавать подлинно солидарные объединения и исполнять свои обязательства на благо общего спасения. Эти общины должны иметь центральный пост, объединяющий вокруг задачи участия местной общины в личном спасении каждого. Это означает намного более обширную пастырскую деятельность, чем только практика культа, облегчающего приобщение к Таинствам все большего числа людей.

2. Важно выявлять и воспитывать *аниматоров (вдохновителей) таких общин*. Мы привыкли работать с массами. Теперь же надлежит выявить вдохновителей, которые станут руководителями своих общин. Христос проповедал толпам, но для служения выбрал 72 ученика, из которых затем избрал группу из 12 апостолов, среди которых трое — Петр, Иоанн и Андрей — были самыми близкими. И сказал им: «*Будьте Моими учениками*». Все, кто хотел изменить мир, следовали по этому пути, находили людей и побуждали к самостоятельной активности для продолжения начатого дела. Будем содействовать поискам таких вдохновителей, не ограничиваясь

только уже практикующими христианами, и научимся выявлять тех, которые уже показали себя активными в работе, даже если их семейное положение канонически небезупречно. Не будем утверждать, что никто из них к этому не способен, ибо всегда такие люди находятся. Но если уровень недостаточен, то наш долг прийти к ним, чтобы затем подниматься вместе.

3. Изыскание лучших форм *апостольской и евангельской педагогики*. Речь идет о совершенно новой работе. До сих пор воспитание верующих было скорее «отеческим» и приводило к пассивности прихожан и известной дистанции между Верой и жизнью. Провозглашая с кафедры: «Ты можешь идти к Причастию, а ты — нет!», священник становился как бы совестью верующих и всей общины, верховным арбитром добра и зла. Откровение Божие было как бы вкладом, заключенным в нескораемый шкаф, около которого мы несли вахту. Но ведь не можем же мы заменить людям совесть, как будто мы только что прибыли от Самого Господа Бога и знаем, кому какое место Он уготовал.

А потому приоритет предоставляется Слову Божию: нельзя ограничиваться обучением катехизису и каноническими возможностями. Необходимо побуждать к духовному опыту и евангельской жизни, отсылая каждого к собственной совести и свободе по отношению к авторитетам.

В частности, мы должны углублять связь между Таинствами и Словом Божиим, восстанавливать значение Слова, придающего смысл всему.

Призванные возвещать Евангелие, мы должны на собраниях наших приходов и диоцезов решать, каким образом лучше концентрировать наши возможности в отношении людей, финансов и времени, а также на самом главном: на создании местных общин и подготовке их вдохновителей.

Главная цель нашей паствы состоит в том, чтобы помочь Церкви укорениться, натурализоваться, настолько слиться с местными особенностями, чтобы быть в состоянии развиваться на местах, исходя из наших потребностей и наших

НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ

возможностей. Если такая «африканизация» еще не станет количественной, то она, во всяком случае, должна стать стратегической. Стремясь помогать первичным общинам и определяя цели миссионерской стратегии в нашем диоцезе, мы должны исходить из реальных условий той или иной местности».

В этой связи в 1975—1977 годах были проведены три «Месячника Веры», на которых изучался Исход Народа Божия — Исход с Моисеем, но также и пророчество об Исходе, исход в Иисусе и наш собственный исход. И тогда были освоены основы общинной жизни.

Б. — Но самого большого размаха движение по созданию общин достигло в Танзании. Темой первой пленарной ассамблеей Танзании, состоявшейся в Дар-эс-Саламе под председательством епископа Сангу, было «Апостольство мирян в Танзании в наши дни». Монсиньор Калиломбе, епископ Малави, высказал убеждение, что «жизнь Церкви полностью основывается на первичных общинах, без которых не было бы никакой возможности сделать местные церкви автономными, набрать собственных служителей и обеспечить расцвет собственным силам».

В статье Бернарда Жуано в журнале «*Spiritus*»⁷⁵ читаем:

«На границе между Танзанией и Кенией возникли столь многочисленные группы католических диссидентов, что миссионеры предприняли опрос для выявления причин этого внецерковного движения. Выяснилось, что люди искали в независимых церковных объединениях замену традиционной семейной жизни, которая приходила к развалу в результате потрясений технической культуры. Это заставило задуматься над богословием христиан как Народа Божия и Церкви как семьи Божией и общины служения.

И тогда в двух группах катехуменов была предпринята попытка не разъяснения учения, а создания живой общины. Постепенно обе группы слились в единую общину. Когда

же община выросла до 100 человек, она разделилась на две. Так за три года появились 26 общин. Их официальное приобщение к Церкви, Народу Божию и конкретному приходу произошло после Евхаристии и торжественной церемонии. Такие общины объединяют от 30 до 200 человек, и численность их от 50 до 200 является идеальной.

Формы деятельности:

- собрания с целью углубления библейских знаний и увязывания Писания с местными традициями. Вся община молится с песнопениями и хлопаньем в ладоши. За Литургией Слова следует обсуждение текущих дел;
- Литургия и Евхаристия, которые выражают единство со всеми другими общинами, рассеянными по всему свету. Богослужение происходит по всем правилам Вселенской Церкви;
- социальные службы.

Самые простые формы служения (постройка домов для слепых и пр.) стали ведущими для этих общин, призванных Христом, чтобы явить людям знаки Божественной любви. Постепенно они начали осознавать, что наилучший способ служения человеческому обществу — содействие осуществлению правительственных проектов развития страны.

Ведущие члены таких общин могут быть отнесены к трем типам:

- пророки, или те, кто обладает даром предвидения и может направлять своих братьев в нужную сторону;
- посредники, или те, кто помогает сохранить в группах единство и разрешают конфликты между их членами;
- администраторы, или те, кто сосредоточен на задаче руководства и обладает организаторскими способностями.

Опыт показывает, что члены общины всегда обнаруживают тенденцию к посредничеству, однако для правильного функционирования общины необходимы одновременно и посредники, и хранители единства, и харизматики, воспламененные Словом Божиим, и администраторы, обеспечивающие переход от слов к делам.

НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ

Духовенство и катехизаторы исполняют роль советников и служителей единства как внутри данной общины, так и по отношению к другим общинам, которые они регулярно посещают.

Движение малых общин совершило неожиданный скачок, когда более 9 миллионов крестьян объединились в общинные хозяйства, в «хозяйства успешного развития».

Действительно, раньше Центральная равнина, имеющая в поперечнике около 600 километров, была заселена очень редко, с плотностью населения 1-2 человека на квадратный километр. Поскольку специалистами было доказано, что успешное развитие хозяйства возможно лишь при минимальной плотности населения в 25 жителей на квадратный километр, Партия Танзании приступила к формированию равноправного общества тремя последовательными этапами:

- 1) происходит свободное объединение жителей;
- 2) отдельные семьи объединяются для работы;
- 3) убедившись в преимуществах коллективного труда, вся деревня переходит к нему и становится общинным хозяйством.

Первый опыт, однако, не принес уверенности; тогда правительство решило перегруппировать население, и в 1976 году таким образом было перемещено 9 миллионов крестьян. Права купли—продажи были переданы кооперативам в обязательном порядке.

Развалились старые христианские общины. Плохо подготовленное переселение людей, оставлявших свои дома, своих соседей, причиняло большие страдания. В этих испытаниях священники, монахи и катехизаторы сопровождали население. Все это переживалось как настоящий Исход, и Библия стала источником всех надежд. Хотя порушились все церковные структуры и не стало приходов, христианские общины имелись во всех деревнях. Постепенно стали возникать «Евангельские группы», в которые по собственному почину объединялись христиане для изучения Библии, для молитвы и обсуждения.

Изменилось отношение к духовенству. Недавно один епископ сказал: «Христиане способны сами организовать и вести общину. Не должно быть зависимости от священника или монахини. Должна быть преемственность, а отсюда — необходимость руководителей и соруководителей». Это означает, что священник находится на службе у общин. Если он переживает общность судьбы с жителями данной деревни, он станет часто посещать и другие деревни. Он будет пользоваться доверием лишь в той мере, в какой разделяет трудности, страдания и радости жителей.

Встает и еще один вопрос: взаимоотношения христианской общины и общины деревни. Острота этого вопроса пока еще невелика, ибо христианские общины только начинают постепенно складываться, но в некоторых старых деревнях возникли столкновения».

III. ПАПА ПАВЕЛ VI И ПЕРВИЧНЫЕ ОБЩИНЫ

Когда в 1964—1969 годах мы переживали богатый приключением опыт Осаско на практике первичных общин, было еще далеко до широкой известности. Доминик Барбе озаглавил свою книгу так: «Первичные общины — наше завтра» (*Demain, les communautés de base*). Последующие 10 лет подтвердили реальность этой формы христианской жизни и определили границы ее возможностей.

И то, и другое, то есть и жизненность, и границы первичных общин, нашли свое формальное закрепление в большом документе папы Павла VI «Евангелизация в современном мире».

Жизненность первичных общин подтвердилась опытом Латинской Америки и Африки. Разумеется, и в Европе, и, особенно, в Квебеке слово это часто приходилось слышать, но — я здесь вовсе не склонен полемизировать — что же за ним кроется? По-моему, редко встречаются

НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ

общины, сложившиеся в Церкви вокруг Слова Божия. Гораздо чаще встречаются группы, объединившиеся по социальному или политическому признаку, в поисках новых путей, в поисках диалога с неверующими. Особенно примечательно, что группы эти, с их акцентом на взаимоотношения между людьми, зарождаются на обочине того, что они сами называют «официальной Церковью», «институтом» или даже «аппаратом». И действительно, многие из них называют себя «неофициальными», «подпольными», «параллельными», «дикими», «спонтанными», и продолжительность жизни таких групп ограничивается двумя-тремя годами.

Напротив, в Латинской Америке, как и в Африке, наличие важнейшей связи между зарождающейся общиной и епископом позволило правильно определить истинное место и истинный облик первичной общины. Зарождение таких общин в гуще жизни проявилось во всей Вселенской Церкви.

Позднее мы рассмотрим революционные решения, принятые II Ватиканским Собором, которому, в свою очередь, предшествовал ряд предпосылок. Здесь же я ограничусь ссылкой на некоторые документы, которыми ознаменовалось это десятилетие и которые касаются непосредственно первичных общин. Поначалу робкие (сдержанные, скажут некоторые, но не закрытые, добавляют другие), они все больше набирали силу.

2 июня 1970 года на общей аудиенции папа Павел VI сказал⁷⁶, что Собор считает желательным восстановить общинный дух в Народе Божиим, восстановить ту «необходимую для верующих духовную среду», которая позволяет Народу Божию дышать «атмосферой общения». Так богословски была обоснована отправная точка.

В ходе XXI недели «Пастырского аджорнаменто» (3 октября 1971 года) папа говорил по поводу первичных общин:

«Опасность связана с тенденцией отсечения себя от Церкви как института и противопоставления себя ее внешним структурам во имя Евангелия. Но мы считаем, что следует прилагать все усилия для помощи таким группам, для понимания их движущих сил и тех положительных факторов, которые в этих группах существуют, чтобы вписать их в церковное общение, даваемое поместной Церковью».

Папа Павел VI перечисляет такие факторы:

- «оживление склонности объединяться»;
- «восстановление чувства церковной причастности, к которой призывает Собор»,

и напоминает далее о «доме церковных собраний» — первоначальной форме собрания верных (Doc. Cath., 3.10 1971, р. 858).

Можно указать и на другие документы, в частности, на статью Конгрегации монашеских орденов и институтов от декабря 1975 года и на о. Аррупе, одного из руководителей Общества Иисуса (Doc. Cath., 6.06 1976, с. 529—531).

Особенно же следует подчеркнуть роль энциклики «*Evangelii Nuntiandi*», где проведено четкое разграничение первичных общин, «солидарных с Церковью», и «критикующих общин», отрицающих Церковь. Весь ее 58-й параграф может и должен служить хартией для «церковных первичных общин» не для того, чтобы заморозить последние, но для того, чтобы они могли отличать пшеницу от плевел. Павел VI с большой ясностью повторяет, при каких условиях церковные первичные общины будут соответствовать своему основному назначению: став слушателями Евангелия, став избранными для евангелизации, они сами незамедлительно станут вестниками Евангелия.

ГЛАВА 12. ХРИСТИАНСКАЯ ОБЩИНА В НОВОМ ЗАВЕТЕ

«Мы хотим видеть Иисуса»

В современных дискуссиях, заполняющих газетные столбцы, многие часто сетуют на то, что Церковь больше не говорит о Боге. Вряд ли все эти люди — завсегдатаи Церкви. И тем не менее, в самой жалобе слышится что-то значительное, пусть она и плохо сформулирована. Она похожа на ту просьбу, с которой сочувствующие греки обратились к Филиппу: *«Господин! нам хочется видеть Иисуса»* (Ин 12, 21). И это ориентирует нас на Блаженства: *«Блаженны чистые сердцем: ибо они Бога узрят»* (Мф 5, 8).

В наше время у священника спрашивают что угодно: «Какие таблетки принимать?» или «Какие политические или профсоюзные обязанности предпочтительнее?». Правда, иной раз спросят и такое: «Нужно ли участвовать в христианском хвостовстве?» И слишком редко просят: «Покажите нам Иисуса». Если бы такая просьба раздавалась почаще, несомненно, многие наши священники и люди, преданные Богу, тверже ощущали бы свою принадлежность к христианству.

Здесь, как и всегда, нужно вернуться к примеру первых христианских общин. Что бросается в глаза? Люди,

которые совершенно спонтанно, охотно и естественно давали другим «увидеть Иисуса». Они не были особенно озабочены «вербовкой» новых членов: эта роль принадлежит Богу. Вспомните заключение 2-й главы *Деяний*: «Господь же ежедневно прилагал спасаемых к Церкви». Никогда не будет лишним вновь и вновь подчеркнуть, что призвание в Церковь всегда в большей мере дело Бога, нежели людей. От людей же требуется уметь показать Бога. Ведь и в Евангелии сперва происходит то, что можно увидеть, а происходит оно лишь потому, что о нем следует услышать.

Чтобы уметь показать Бога, нужно, прежде всего, видеть Его самому. Видение Бога достигается не путем высоких аскетических усилий и подвигов, и не через них мы обретем ту простоту души, через которую детям открывается вход в Царство Божие. Но как нам научиться этим удивительным путям детства? Как принимать дар Божий по примеру детей, воспринимающих все, что исходит от родителей? Как научиться нам быть ласковыми?

«Возьму из плоти их сердце каменное и дам им сердце плотяное», — обещал Господь. Беда в том, что такая замена не совершается одним махом. Она не имеет никакого отношения к тем пересадкам сердца, когда извлекают старое, никуда не годное и заменяют его новым. Это было бы идеально, если бы всегда удавалось. Но Господь не занимается подобной хирургией. В груди каждого христианина всегда остается кусочек каменного сердца, наряду с новым — «плотным». И требуется повседневная борьба за то, чтобы сердце «плотное» одерживало верх над каменным.

Итак, Божественный план, в двух положениях, таков:

- *Иисус, Сын Божий, открывает миру любовь Отца.* Бог есть любовь. Бог есть нежность. Иисус, Сын Божий, полностью обращенный к Отцу, открывает миру Любовь Отца. Христос придал облик нежной любви Бога Отца.

- *Мы, христиане, призваны продолжать это проявление любви Бога,* продлевать видимую явственность Его любви:

НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ

«Ибо кого Он предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братьями» (Рим 8, 29).

Сотворенные по образу и подобию Божию, мы должны стать образами Его Воплощенного Сына. Наше призвание — быть образами, иконами Христа, чтобы Он стал первенцем для всего множества братьев.

Иерусалимская община

«И они постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах. Был же страх на всякой душе; и много чудес и знамений совершилось через Апостолов в Иерусалиме. Все же верующие были вместе и имели все общее.

И продавали имущества и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого. И каждый день единодушно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога и находясь в любви у всего народа. Господь же ежедневно прилагал спасаемых к Церкви» (Деян 2, 42-47).

Этот короткий отрывок из *Деяний Апостольских* представляет собой один из самых актуальных текстов Писания, такой текст, о котором можно сказать, что он давал Церкви силы продвигаться вперед во все прошедшие века и на каждом повороте истории. Вплоть до XIV века, если заходила речь о *Vita Apostolica*, то есть об апостольской жизни, то вспоминали именно этот идеал первой христианской общины в Иерусалиме. На протяжении более чем тысячи лет монахи и послушники всех орденов, которые сменялись в Церкви, в сущности, не имели иной цели, как жить по этому идеалу, следовать этому примеру.

И сегодня эти несколько строк Нового Завета остаются столь же для нас живыми. На Всемирной конференции

сторонников мира в Риме в 1975 году о. Лионне напомнил, что эти строки являются одним из библейских текстов, наиболее часто цитируемых последним Ватиканским Собором.

Собор действительно увидел здесь «пример религиозной жизни (*Perfecta Caritatis*, 15, 1) не только для священников (*Presbyterorum Ordinis*, 17, 4 и 21, 1) и миссионеров (*Ad Gentes*, 25, 1), но и для всего народа святых (*Lumen Gentium*, 13, 1; *Dei Verbum*, 10, 1)».

Вслед за о. Лионне необходимо подчеркнуть два существенных положения:

- Во-первых, не следует рассматривать этот отрывок из *Деяний* как изолированное описание. Напротив, он является заключением к тому, что ему предшествовало, а именно, к Пятидесятнице и крещению первых христиан: оба события получают завершение и как бы конвергируют в этом тексте. Послушаем о. Лионне:

«Все сходится на нем: сошествие Духа Святого, чудо “говoreния на иных языках”, как бы оно ни интерпретировалось, крещение — все сходится на этом чуде, хотя и отличным по своему характеру, но ничуть не менее удивительном чуде, выразившемся в той жизни, которую люди стали вести. Повествование о Пятидесятнице завершается не крещением, как этого следовало бы ожидать, а описанием жизни уверовавших...».

Далее о. Лионне отмечает одну композиционную деталь, весьма удивительную. Если я упоминаю здесь об этом, то вовсе не для того, чтобы показать свою ученость, но лишь в связи с тем, что ни в одном из основных изданий Библии об этом не сказано и что это действительно очень важно.

Вот что говорит о. Лионне:

«Имеется трехкратное повторение, явно преднамеренное, сравнительно редкого оборота *epi tô autô*, означающего “вместе”, а дословно — “образующие единство”. Во всяком случае,

это единственное место в Новом Завете, где этот оборот так повторяется. Мы находим его в начале повествования, в стихе *«При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе»* (*epi tō autō*). Но этот же оборот повторяется дважды в конце главы, в описании жизни общины, благодаря чему это описание тесно связывается с повествованием в целом, и в частности, с самим его началом. Мы видим этот повтор в стихе 44: *«Все же верующие были вместе и имели все общее»*. И во второй раз — в конце последнего стиха, дословный перевод которого гласит: *«Из дня в день Господь умножал число тех, кто будет спасен, и все составляли единство»* (*epi tō autō*).

• Во-вторых, о. Лионне подчеркивает, с какой настойчивостью применяется слово «день» в этом повествовании. Перечитайте вторую главу Деяний — это бросается в глаза. В стихе 1: *«При наступлении дня Пятидесятницы»*; в стихе 15: *«ибо теперь третий час дня»*; в стихе 41: *«в тот день»*. Затем следует описание апостольской жизни. Мы узнаем, что они *«каждый день единодушно пребывали в храме»* (стих 46), и после того, как *«Господь же ежедневно прилагал спасаемых к Церкви»* (стих 47).

Нам уже приходилось указывать на настойчивое повторение слова «день» в повествовании апостола Иоанна о призвании первых учеников: *«в первый день»*, *«на второй день»*, *«на другой день»*... и т. д. Евангелист явно напоминает о днях творения. Можно сказать, что здесь, где речь идет об основании Церкви, происходит то же самое.

Теперь перечтем стих 42, в котором все как бы чудесно сконденсировано: *«И они постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах»*.

«Постоянно пребывали в учении Апостолов» — вся жизнь христианина проникнута Писанием, в котором он ищет смысла вещей и назначения человека, в котором ему открывается великое видение Божественного замысла мира.

Не забывайте о том, что учение Апостолов состояло, прежде всего, в разъяснении Писания, то есть для них — Ветхого Завета. Самое первое возвешение Иисуса, то есть то, что называют керигмой, состояло в том, чтобы показать, как в Нем исполнилось Писание, в особенности Пророчества. Вспомните речи, сказанные Самим Иисусом путникам на дороге в Эммаус: *«И, начав от Моисея, из всех пророков изъяснял им сказанное о Нем во всем Писании»* (Лк 24, 27). Это, заметим, лишний раз напоминает нам о значении Ветхого Завета для понимания Веры.

«В общении» (*«верных братскому общению»*) — духовное согласие верующих братьев, а также разделение жизни, трудностей, усилий самых бедных братьев, бедных в материальном отношении, но также и «бедняков Ягве».

«В преломлении хлеба» — то есть в Литургии, в молчаливом поклонении Личности Христа, отдающего нам Себя в Евхаристии, соединяющего нас в Себе, преображающего нас в Его же образ: *«от славы в славу, как от Господня Духа»* (см. 2 Кор 3, 18).

«В молитве» — внутренний духовный опыт, предание себя власти Божией. Только с молитвой наша жизнь во Христе приобретает истинную полноту и перспективу.

Итак, мы имеем здесь все четыре составляющих христианской общины. Но вот что очень важно и на чем всячески настаивает о. Лионне: центром притяжения для всех этих составляющих является *братское общение*, по-гречески — койнония (*Koinonia*). И действительно, все подробности, которые далее сообщает нам св. Лука, а именно: преломление хлеба по домам, общность имущества, отказ от личного обладания благами, — все это только рельефнее подчеркивает братское общение. К тому же, немного далее в *Деяниях Апостольских* Лука снова возвращается к этой мысли: *«У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего*

НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ

не называл своим, но все у них было общее» (Деян 4, 32). Мы видим, что это совпадает с заповедью Самого Иисуса, сказавшего: «...если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, ...прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой». Мы хорошо знаем, что если совершение Евхаристии невозможно без такого братского общения, то именно она глубочайшим образом и спаивает это единение.

Итак, мы видим, что подлинно братское общение не возникает первично на основе чувств: как дом, построенный на камне, это общение строится на Иисусе и Слове Божиим. Не значит ли это, что чувство появляется, как цветы и плоды на дереве? Но к корням оно не относится. Если мы основали группу или общину на радости «ощущения», если в наших разговорах слишком часто произносятся такие выражения, как «быть понятым», «с доверием», «признавать», «не судить», — такая группа всегда будет в неустойчивом равновесии. И забота о сохранении этого равновесия поглотит нас настолько, что у нас не останется никакого времени и никаких возможностей заниматься чем-либо другим. И наоборот, если община основана на общем желании присутствия Христа в ней, то все остальное получается само собой. В этом случае приложима другая евангельская истина: *«Сберегший душу свою потеряет ее»*. То же самое говорит и Жак Дюпон в Заключении к своей прекрасной книге о Деяниях Апостольских:

«Лука тщательно избегает называть первохристиан друзьями, хотя в других контекстах это слово охотно употребляет. Не называет он их и братьями, а обозначает просто верующими. Такая манера как бы дает понять, что поведение христиан определялось исключительно верой, которая объединяла их в общей привязанности ко Христу: на этой вере и основывается койнония».

Итак, община основана на вере. Прежде всего это — не друзья, не братья, но — верующие.

Как выглядели первичные общины

Часто подчеркивают, что если Лука и начинает с идеальной картины первой христианской общины, то достаточно продолжить чтение *Деяний*, чтобы убедиться, что совсем не всегда все обстояло так прекрасно.

Так, например, уже с первых дней христианства возник конфликт между эллинистами, которые жили за пределами страны и читали Библию по-гречески, и палестинскими евреями. Эллинисты были недовольны тем, что их вдовами пренебрегали при ежедневной раздаче нужного им для жизни. Конечно, Господь всегда умеет обратить зло в добро: этот первый конфликт послужил поводом для учреждения института диаконов. Однако избавиться от многочисленных трудностей не удалось. Вспомните обо всем том, с чем пришлось иметь дело апостолу Павлу в Коринфе (1 Кор 12-13).

«Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте в степи стези Богу нашему; всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся и неровные пути сделаются гладкими; и явится слава Господня, и узрит всякая плоть [спасение Божие]; ибо уста Господни изрекли это» (Ис 40, 3-5).

В этих предсказаниях Пророка вы узнаете тему Иоанна Крестителя, когда он возвещал Пришествие Спасителя. В свою очередь, и апостол Павел говорит о «пути превосходнейшем» (любви). Приближение Царства Божия не освобождает нас от необходимости каждому начинать заново труд *«приготовления пути Господу»*: пути, который должен быть выровнен перед Господом, пути подражания Ему и следования за Господом; каждый человек должен пройти этот путь, чтобы стать членом единого Тела...

НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ

Так какой же представляется нам христианская община в Иерусалиме? Если смотреть на нее только с исторической точки зрения, а не глазами веры, то эта первая Церковь выглядит следующим образом:

- религиозная община, полностью отдавшаяся молитве и культу и объединенная Словом Божиим;

- братство, у членов которого — одно сердце и одна душа.

«У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа» (Деян 4, 32). Подобное соединение слов «сердце» и «душа» мы находим только в заповеди: *« возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя»*. И нигде больше подобное сочетание в Библии не встречается.

Община и братство представляют две неразделимые реальности. Опасность возникает, когда одно преобладает над другим. Сколько-то лет назад Церковь определяла себя как религиозную общину, посвятившую себя молитве и культу Евхаристии, однако при этом слишком часто умалчивался аспект братства: жили дружно лишь потому, что каждый замыкался в своей клетушке. Сегодня же, напротив, очень хорошо говорят о братстве, о всеобщей любви, но религиозная общность остается в стороне. Между тем как Церковь есть одновременно и нераздельно и то, и другое. Именно это и составляет великое чудо и признак подлинного христианства. Сегодня это единственный путь реализовать присутствие Бога в мире.

«Да будут все едино» (Ин 17, 21). В чем это единство выражается? В причастности к общей вере, во-первых, и жизни в душе всеми разделяемой любви, во-вторых. Верующие, как рассказывают нам Деяния, имели одно сердце и одну душу: они были едины. Не следует думать, что верующим того времени это давалось с легкостью, — нет, ничуть не легче, чем нам сегодня. Более того, если мы присмотримся к первым христианским общинам, то увидим, что они

представляли такое разнообразие по составу, которое превосходит все наши предположения.

Какая разнородная толпа! В ней были и рабы, и богатые, молодые и старики, люди свободные и вольноотпущенные, представители самых разных профессий. Но это были, к тому же, люди с разной психологией и разными вкусами, чтобы не сказать — разной культуры: стоики и гностики, пускавшие в туманные теории, чтобы усовершенствовать Евангелие, пифагорейцы, отказывавшиеся есть рыбу, ортодоксальные иудеи, не прикасавшиеся к идоложертвенному мясу, и пр. И все это, однако, растворялось в братской общине, основанной на тех четырех признаках, которые мы описали выше. Вот где было чудо — истинное знамение.

Три ключевых слова

Но продвинемся дальше в понимании жизни этой общины. Воспользуемся для этого тремя ключевыми словами, которые с большой глубиной разъясняет о. Спик в своем обширном труде о нравственном богословии Нового Завета. Эти три греческих слова, почти не переводимые, характеризуют в Новом Завете христианскую жизнь.

• *Согласие (гармония) с ближним даже во второстепенном (to auto fronein)*

Быть в согласии в главном, в законе, повторять вместе Символ Веры — это неудивительно. Но прийти к согласию в вещах второстепенных! Разумеется, это не означает, что у всех должны быть одинаковые мысли; речь идет о том, чтобы в наших мыслях, чувствах, оценках мы умели покоряться и тем обеспечивать известное единство с мыслями, словами, вкусами и чувствами других. Если у нашего разума и сердца есть глубокое стремление к согласию, то отпадают все препятствия. Разумеется, расхождения всегда останутся, но они будут лишь служить обогащению общины: они не будут отрицательными и бесплодными.

НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ

«Будьте единомышленны и единомысленны» (Флп 2, 2), *« в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе»* (Флп 2, 5), — говорит апостол Павел. Речь идет о любви, которая сглаживает острые грани и всякого рода крайности. Разумеется, экстремисты подчас и приносят пользу в той мере, в какой они способны расшевелить, заставить задуматься других; но берегитесь эксцессов! Всего важнее атмосфера симпатии, которая по смыслу слова означает совместное переживание тех или иных событий.

Говорят, нужно любить друг друга как братья. В действительности же требуется нечто гораздо большее, ибо мы не просто братья, но братья в Отце Небесном. Слово *«брат»* следует понимать во всем богатстве его семитического значения. Братом является тот, кто принадлежит к Народу Божию (даже если он по национальности не иудей). Это может быть также и ученик, то есть тот, кто внимает учителю. И, наконец, в Евангелии — это брат по вере, сын Отца Небесного.

Именно этому учит апостол Петр: *«Послушанием истине чрез Духа, очистив души ваши к нелицемерному братолюбию, постоянно любите друг друга от чистого сердца, как возрожденные не от тленного семени, но от нетленного, от слова Божия, живаго и пребывающего вовек»* (1 Пет 1, 22-23).

• *«Филадельфия» (philadelphie)*

Этимологически это слово происходит от *«philein»* — «любить» и *«adelphos»* — «брат». О христианине говорят, что он — «филадельф», потому что он любит брата своего. В Послании к Евреям сказано: *«Ибо и освящающий [Иисус] и освящаемые [мы], все — от Единого»* (2, 11). Это происходит через новое рождение, каковое мы получили. *«Будьте братолюбивы друг к другу с нежностью; в почтительности друг друга предупреждайте»*, — пишет апостол Павел Римлянам (12, 10). Это значит, что в силу братской любви мы оказываем друг другу знаки предупредительности и уважения.

Нет ничего более мучительного, когда в семье или в группе люди постоянно учиняют друг другу «маленькие пакости». Нужно уметь относиться друг к другу с большой деликатностью, оказывать знаки «почтительности».

Ведь в нас любит сама нежность Христова. Она лежит в основе тех «лобзаний любви», которые уже с первых евхаристических агап стали выражением этой братской нежности. Апостол Павел призывает римлян «приветствовать друг друга с целованием святым» для того, чтобы выразить единство, братское согласие. «Целование святое» — это прежде всего поцелуй любви, как это понимал Петр, апостол «филадельфии»: *«Приветствуйте друг друга лобзанием любви»* (1 Пет 5, 14).

• «Филосторгия» (*philostorgia*)

Этим словом пользовался апостол Павел, например, в Послании к Римлянам: *«Пусть братская любовь связывает вас нежностью»*, — так переведено это место в Иерусалимской Библии (12, 10). «Филосторгия» предполагает любовь к любви: община — это место, где люди рады любить. Апостол Павел видит в этом семейную любовь, привязанность, сознательное уважение, взаимную нежность.

В Послании к Филимону Павел рекомендует раба Онисима следующим образом: *«брат возлюбленныйи по плоти и в Господе»*. Апостол любит Онисима по плоти, у него привязанность к Онисиму не только в Господе, но и по-человечески, по плоти.

Христианин — это человек, который умеет любить людей одновременно и по плоти, и в Господе. Речь идет не о том, чтобы любить только по плоти, в этом случае мы бы быстро скатились неизвестно куда... Но и не только в Господе, ибо в такой любви может иногда не хватать тепла.

Удивительно то, что все достойные требования человеческой любви вмещает в себе христианская община. Все, что есть правда и добро, — христианское. Оттого апостол

НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ

Павел и мог говорить: «*Братство любите*». Он говорил не просто «братьев любите», но — «братство любите».

Дело здесь вовсе не в расплывчатой гуманности. Один из русских революционеров XIX века писал: «Не найдя никого, достойного моей любви, — ни среди мужчин, ни среди женщин, — я посвятил себя любви к человечеству». Вот где антихристианское заявление! Христианин любит одновременно и каждого из братьев, и все братство.

Более того, эта братская любовь не ограничивается членами общины. Община — это как бы лаборатория, в которой производится любовь, и любовь эта должна изливаться затем на других. «*Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда?*». Ограничивать свою любовь членами своей общины — значит впадать в эгоизм нескольких.

Отсюда вытекает одна важная истина: как только христианская община перестает быть открытой к другим общинам, как только она замыкается в самой себе, и как бы ни была велика братская любовь, связывающая ее членов, подлинной христианской жизни приходит конец. Мы всячески должны остерегаться такой замкнутости, как сгустков в крови. Христианская жизнь должна оставаться текущей во всем.

Истинность этого утверждения находит очень четкое и конкретное доказательство в Новом Завете. Вспомните, какое большое значение придавал апостол Павел денежным сборам в пользу Иерусалимской Церкви. Эта последняя состояла из иудействующих христиан, которые хотели любой ценой сохранять преданность обрезанию, иудейской вере и обычаям. Другие общины критиковали их позицию «непреклонности», обвиняя иерусалимских братьев в том, что они препятствуют развитию Церкви. Однако апостол Павел прилагал все усилия к тому, чтобы улучшить контакты между Церквями и взаимопомощь и тем самым избежать замкнутости и индивидуализма.

В его глазах поощрение сборов среди Церквей в пользу Иерусалимской Церкви было лучшим средством избежать замыкания на себя, превращения в сгусток...

Заключение

Итак, наши маленькие группы должны стремиться к следующему: к укоренению в Самом Господе, а не во взаимных симпатиях. Если это произойдет, появятся и самые прекрасные добродетели, а вместе с ними и сладость христианского радования.

Повторим еще раз, что община верующих никогда не достигнет на земле полного совершенства. К добрым семенам всегда будут примешаны плевелы. Так было и во времена апостола Павла, в Посланиях которого упоминаются и блудники, и любостяжатели, и идолопоклонники, и обидчики, наносившие вред христианским общинам.

Осуществление на практике нашего идеала, идеала Христа и Церкви, непрестанно сталкивается с жестокостью и закрытостью человеческих сердец. Конечно же, *«как хорошо и как приятно жить братьям вместе!»* — поется в Псалме. Но черные образы Апокалипсиса относятся не только к последним временам, а и ко дню сегодняшнему. Однако тот же *Апокалипсис* обещает нам торжество Царства уже сегодня... От нас зависит уметь переживать этот триумф и в повседневном смиренном борении, и в ожидании конечной победы, когда братство осуществится во всей своей полноте.

В одной из прежних своих книг, «Как бы видя Невидимого»⁷⁷, я писал:

«Чем больше мы как апостолы смешиваемся с этим миром, чем больше захвачены этой землей, ее грядущим завершением, короче говоря, чем больше мы увлечены человеческим

восхождением, тем сильнее должны сиять для нас Царство Божие и Святая Троица как единственное наше благо и единственная наша родина: Ибо “все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался”. Должно воссиять то, что важнее всего в нашем существовании: что Бог есть Бог и что Он нас любит...».

Сегодня я добавил бы к этому: чем сильнее Церковь жаждет обращаться не только к сыновьям Церкви, но и ко всем людям вообще, чем больше она хочет идти в мир, чем больше она хочет быть миссионерской, тем нагляднее должно быть явлено подлинное христианское братство.

Я имею в виду не то братство, которое предлагает туманный гуманизм, но любовь, данную Богом, нисшедшую с небес и сплывающую горстку людей, мужчин и женщин, посвященных Богу через Крещение, дабы любить друг друга, как Иисус Христос любит нас.

«Братство любите», — говорит апостол Павел. Это не совсем то же самое, что *«братьев любите»*. Здесь особенно важна любовь верующих в лоне общины. Это должно стать нашей исходной позицией, иначе мы увязнем в зыбучих песках.

Чем больше мы углубляемся в мир неверующих, тем сильнее для нас должны светиться истина и искренность той общности верных, которая нас связывает; еще раз напомним о призыве апостола Петра:

«Вы очистили себя послушанием истине, поэтому вы способны теперь испытывать подлинную любовь к братьям; итак, возлюбите же друг друга со всей силой и от всего сердца» (1 Пет 1, 22, согласно ИБ).

Это не просто добрый совет или благочестивая мысль. Это — Церковь, построенная на камне.

ГЛАВА 13. ДИТРИХ БОНХЁФФЕР И ОБЩИННАЯ ЖИЗНЬ

Чтобы лучше понять общинную жизнь, мы вновь обратимся к одному реально пережитому опыту. Это очень известный опыт Дитриха Бонхёффера. Но действительно ли все с ним знакомы?

Немец и протестант-лютеранин, сын профессора химии, он изучал теологию в Тюбингене, Берлине и Нью-Йорке. В 1931 году он рукоположен в пасторы в Берлине.

1932 год ознаменовался поистине «театральным эффектом». Много лет занимаясь теологией, Бонхёффер все еще оставался тем, кто не прошел через истинное внутренне обращение. И вот вдруг он становится христианином! Мужу своей сестры он писал так: «Если место, где нам предстоит встретить Бога, определяет Он Сам, то место это мне не нравится, ибо это — Крест». С этого момента он укореняется в Слове Божиим, потому что Слово и сделало его христианином.

В 1933 году Бонхёффер работает ассистентом в Берлинском университете. После прихода Гитлера к власти положение протестантской Церкви становится крайне тяжелым. Поскольку официальные иерархи оказались слишком слабы для противостояния новому режиму, некоторые христиане, в том числе и Бонхёффер, формируют так называемую Церковь исповедников, избравшую верность до конца Евангелию Иисуса Христа.

НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ

Но как сохранить верность в угрожающих условиях гитлеровского режима? Идет 1935 год. Принято решение организовать «общинный семинар», руководителем которого становится Бонхёффер. Для протестантов, которые со времен Реформации, как правило, отказывались от подобного объединения в группы, это было важным новшеством. Бонхёффер в своем учении решительно настаивал на формировании земных общин, Церкви, Церкви видимой:

«Церковь не есть общение душ, как это хотят видеть сегодня, и не проповедь Евангелия и только, то есть кафедра. Она есть реальное Тело Христово на земле».

«Кто бы ни захотел стать новым человеком через самого себя, он все равно останется ветхим, как и был. Новый человек — это не тот, который оправдан и очищен, это Церковь, Тело Христово, Сам Христос»⁷⁸.

Стало быть, для Бонхёффера человек обновляется в той мере, в какой он входит в единство Церкви. В этом контексте встречаются неожиданные формулировки относительно «слабости» Слова:

«Слово слабее мысли. И свидетели Слова тоже слабее иных пропагандистов идей. Но слабость эта освобождает их от нездорового возбуждения фанатизма, со Словом вместе они и страдают».

Итак, не следует смешивать Слово Христово с безграничным и торжествующим убеждением: ведь если кто уверен в правильности своей программы, то склонен думать, что для него не существует ничего невозможного; но Воплощенное Слово принимает риск быть отвергнутым и презираемым.

Христианская жизнь не мыслится для Бонхёффера как абстрактная: братская жизнь, община приобретают первостепенное значение в жизни его семинара. И он надеется, что среди христиан повсеместно будут возникать подобные новые общины:

«Кажется, я понял, что обрету внутреннюю цельность и ясность лишь тогда, когда стану принимать всерьез Нагорную Проповедь. Это единственный источник той энергии, которая может взорвать этот балаган так, чтобы искры разлетелись во все стороны. Несомненно, что возрождение Церкви произведет монашество нового типа, которое сохранит от прежних его форм лишь полную бескомпромиссность в жизни и придет к полному согласию с Нагорной Проповедью через послушание Иисусу Христу. Я убежден, что настало время объединять людей именно вокруг этого».

Спасение Церкви принесут люди, которые соберутся вокруг Слова не только для того, чтобы его изучать, но чтобы проникнуться Им полностью. Поэтому Бонхёффер предусмотрел для общины своего семинара полчаса молчаливой медитации после первого завтрака в специальное время, отведенное для общей молитвы. Не так-то легко принимали люди эти новшества: одни начинали дремать, другие употребляли время медитации на подготовку к проповеди, третьи спрашивали, нельзя ли закурить трубку... Но Бонхёффер был непреклонен: он верил, что личная молитва жизненно необходима.

Советы, которые он дает, одновременно и просты, и конкретны, и проникнуты мощным духом веры:

«Потребность в такой молитве еще никто не отменял, даже в практикующей Церкви. Упрек в том, что время молитвы и медитации формализовано, меня не смущает. Какой формализм может быть в том, что христианин учится молиться и посвящает этому значительную часть своего времени?».

Бонхёффер идет еще дальше. Он предлагает своим «молодым богословам», членам семинара, труд исповеди. Он полагает, что общинная жизнь есть жизнь в примирении:

«Дорогие братья, тот, кто хоть однажды испытал, что Господь вырвал его из великого греха, простил и прислал

НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ

к нему в этот момент брата, которому он может рассказать о своем грехе; тот, кто узнал, какую борьбу ведет грешник против помощи, потому что не хочет, чтобы ему помогли; тот, кто тем не менее убедился, что его брат в молитве, именем Божиим объявил его освобожденным от греха, — такой человек поймет, что у него уже нет никакого желания судить и помнить обиды, и захочет лишь одного: разделить нищету своего брата, ему служить, помогать и прощать без меры, без условий и без конца».

Так Бонхёффер вновь находит основные вехи христианской жизни. В 1936 году в письме к инициаторам общинной жизни в рамках семинара «Отчий Дом» он писал:

«Во время краткого прохождения семинара братья должны усвоить две вещи: прежде всего научиться общинной жизни в суровом повседневном послушании воле Иисуса Христа, то есть реальному практическому служению, самому смиренному и самому высокому, своим братьям христианам. Они должны познать всю великую силу и освобождение, которое заключается в братском служении и совместной жизни в братской общине. Ибо это им понадобится.

Во-вторых, при изучении Писания, в своих проповедях и при обучении других они должны уметь служить одной только истине. Эту вторую задачу надлежит брать на себя лично мне. Но я один не могу исполнять первую задачу. Для этого необходимо, чтобы группа братьев включала в свою общинную жизнь других людей. Это и означает «Отчий Дом»».

В конечном счете целью семинара для Бонхёффера становится «не монашеское отшельничество, но сосредоточение внимания на служении вовне». Этот «семинар», собиравшийся в затерянных деревенских уголках, начинает все больше и больше беспокоить гестапо, и в конце концов, в 1937 году, его распускают.

Слишком кратким был этот опыт, но он принес тем не менее много важного в протестантство. Благодаря ему протестантская Церковь смогла восстановить ряд христианских

ценностей, в особенности общинную жизнь, которая так долго оставалась принадлежностью одних только немногих духовных братств и сект. Очертания подлинной общинной протестантской жизни вырисовывались благодаря новой концепции Церкви Христовой не вопреки Церкви Реформации, но в самом ее лоне.

Но вот в 1943 году Бонхёффера арестовывают. Он воспользовался этим обстоятельством для того, чтобы описать в книге результаты своего опыта. Книга эта — а мы еще вернемся к ней — озаглавлена «Об общинной жизни» (*De la vie communautaire*).⁷⁹ Год спустя положение Бонхёффера становится много тяжелее: его помещают в одиночку. Он сохраняет непреклонность.

В 1945 году, за три недели до победы союзников и смерти Гитлера, Бонхёффера переводят в другой лагерь. По распоряжению высокого начальства его подвергают суду и приговаривают к смерти через повешение.

Перед кончиной Бонхёффер написал: «Я направляюсь к свободе, которую дает смерть, а также и к радости». В то утро, когда приговор должен был быть приведен в исполнение, его застали молящимся на коленях. Он отдал себя в руки Божии. То, как он молился и принял смерть, доказывает, что он был уверен во Христе и убежден в искренности своей веры.

Община

Мы проследим теперь мысли Бонхёффера по поводу общины, которые изложены в его книге «Об общинной жизни», вышедшей в свет в Мюнхене в 1939 году и значительно позднее переведенной на французский в серии «Живая вера» (*Foi Vivante*, vol. 83).

Что такое христианская община? И каким образом ее члены могут осуществлять христианскую жизнь?

НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ

Чтобы ответить на эти вопросы, Бонхёффер прибегает к парадоксу. С одной стороны, говорит он, нас воодушевляет 132-й Псалом: *«Как хорошо и как приятно быть братьям вместе!»*. Однако ведь Сам Иисус жил среди врагов. И был покинут друзьями. И на Кресте Он тоже был Один. И точно так же обычными условиями жизни христиан является вовсе не келейное одиночество, но «вражеское поле».

Так нужно объединяться в общины или нет?

Основная идея Бонхёффера такова: «Христианское братство — это не идеал, требующий осуществления, но сотворенная Богом через Иисуса Христа реальность, приобщиться к которой нам дозволено». Для иллюстрации он напоминает притчу о званых на брачный пир. Далее он пишет:

«Если одни христиане могут вместе с другими христианами жить видимой уже здесь, на земле, общиной, то лишь благодаря своего рода милосердному присутствию грядущего Царства. Только милость Божия позволяет осуществиться в мире такой общине, которая собирается вокруг Слова и Таинства. Не все верующие имеют доступ к такой милости. Узники, больные, христиане в рассеянии, миссионерские проповедники обречены на одиночество. Они-то знают, что видимая община есть величайшая милость, хотя и остаются одинокими, подобно семенам, которые Господу было угодно разбросать далеко друг от друга».

Христианская община — это уже и есть реальное присутствие Христа: именно через нее одинокий христианин получает недостающий осязаемый опыт. Христианская община для Бонхёффера — это община во Христе и через Христа. Это положение Бонхёффер обосновывает с неумолимой логикой. Если мы можем стать братьями, то только в Иисусе Христе и через Него. Это означает три вещи:

- *В основе нужды христиан друг в друге находится сам Иисус.*

Христианин — это человек, который ищет свое спасение, свою свободу, свою правоту не в самом себе, но

только в Иисусе Христе, ибо спасти может только Иисус Христос. Ключи к моей жизни и моей смерти я ищу не в собственном сердце, но в словах, которые приходят ко мне извне, от Самого Бога и от людей, передающих эти слова. Только они, эти люди, могут истинно и всегда по-новому освободить человека от неуверенности и разочарований. Когда человек ищет помощи в самом себе, он лишь сильнее запутывается. Я не могу пренебрегать присутствием брата, которым Сам Господь воспользовался, чтобы донести до меня слова спасения. Брат мне необходим, чтобы принять Иисуса Христа.

Таким образом, цель христианской жизни ясна: она позволяет нам найти друг друга и понести спасительную Благую Весть. Вот для чего Господь собирает нас вместе.

- *Только Иисус Христос делает возможной такую общину.*

Все люди находятся в состоянии войны друг с другом, но Иисус Христос *«есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоящую посреди преграду»* (Еф 2, 14). Разобщенное враждой человечество может обрести единство только в Иисусе Христе.

Наше «я» преграждает нам путь и к Богу, и к братьям. Но Христос упразднил эти преграды на нашем пути, и отныне те, кто Ему поверил, могут жить в мире не только с Богом, но и друг с другом. От них требуется, чтобы они любили друг друга, помогали друг другу, чтобы они стали единым Телом. Но совершиться это может только через Иисуса Христа. Только Он создает наше единение, только Он является той связью, которая нас соединяет. Он всегда остается тем единственным Посредником, Который возвращает нас Богу и братьям.

- *Через Иисуса Христа мы избраны и объединены и на это время, и в вечности.*

Община принадлежит Иисусу Христу, поскольку Он взял нас и принял наше существо, нашу природу в их

НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ

конкретной и телесной реальности. Отныне мы пребываем в Нем. Он как бы несет нашу плоть, нас самих. Он взял нас с Собой, и потому Писание называет нас Телом. Поскольку община, которую мы составляем на земле, станет когда-то общиной вечной в Его Царстве, мы должны осознать, что наше предназначение состоит в том, чтобы быть связанными с братьями по вере во Христе для вечности. Только через Иисуса Христа мы становимся друг другу братьями. Ближний становится моим братом за все то, что Иисус сделал для меня. Я же становлюсь братом моему ближнему за все то, что Иисус сделал для него.

И потому в Церкви братом мне будет не просто хороший человек, жаждущий братства, но человек, которого Иисус освободил от греха и призвал, как и меня, уверовать в Благоую Весть.

Христианская община и христианское братство не строятся на эмоциях. Отсюда и вся непреклонность Бонхёффера: так как же мы будем строить нашу общину — на наших чувствах и на нашем идеале братства или же на евангельских реальностях?

«Нет числа христианским общинам, которые потерпели крах из-за того, что жили химерическими представлениями о Церкви. Разумеется, неизбежно, что каждый серьезный христианин, впервые приходящий к общинной жизни, приносит с собой очень точный идеал того, какой она должна быть, эта община, и пытается этот идеал реализовать. Но Божия милость состоит в том, что все подобные мечты всегда разбиваются. Для того чтобы Бог смог показать нам подлинную христианскую общину, необходимо, чтобы мы разочаровались во всем, и в себе, и в других. В Своем милосердии Господь не позволяет нам прожить, пусть хоть несколько недель, в Церкви нашей мечты, в атмосфере благодушия и благочестивой экзальтации, которая опьяняет. Ибо наш Бог — это не Бог сентиментальных эмоций, но Бог истины».

Апостол Павел в Послании к Коринфянам (1 Кор 15, 44) проводит разницу между человеком «душевым» и человеком «духовным». И точно так же Бонхёффер проводит разграничение между общинами, основанными на «душевом», и общинами, основанными на «духовном». Под «духовным» Библия понимает то, что исходит от Господа и Спасителя через Духа Святого. Под «душевым» она понимает, напротив, то, что в нашей душевной и телесной жизни является выражением наших желаний, наших свойств и естественных возможностей.

Любая реальность «духовного» порядка покоится на ясном и четком Слове, которое Бог передал нам через Иисуса Христа. И, напротив, источником «душевных» реальностей является вся совокупность страстей и желаний, двигающих человеком.

Попытаемся теперь применить это различие к тем реальностям, которые составляют общину. Различия между общиной, основанной на «душевом», и общиной, основанной на «духовном», огромны. Эти различия могут быть сведены в таблицу (см. ниже).

Во всякой общине нужно уметь различать объединяющее начало. Если таким началом являются цели человеческие, действия человеческие, такая община породит лишь группировки, соперничество, борьбу: Бонхёффер лишь иными словами повторяет то, что апостол Павел говорил «о плотском» (мы это для себя называем просто «человеческим») и о «духовном», то есть о плодах действия Духа Божия. С одной стороны – разделение, с другой – мир. Чтобы в этом убедиться, достаточно перечитать Послания к Коринфянам и к Галатам (1 Кор 3, 1-4; Гал 5, 16-26).

Если мы строим нашу общину не на реалиях духовного порядка, если мы строим общину на любом человеческом идеале, мы не можем не прийти к тому, что сильный станет искать восхищения слабого и его подчинения.

НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ

ОБЩИНА НА «ДУШЕВНОЙ» ОСНОВЕ

Основание:

Человек с его желаниями.

Мрак:

«Изнутри ведь, из сердца человеческого, исходят злые помыслы» (Мк 7, 21)

Этот мрак окутывает любую человеческую инициативу, включая религиозные начинания

Эрос:

Любовь более или менее сомнительная; вожделение, подчинение себе других

Отстаивание собственных взглядов:

Личное соперничество

ОБЩИНА НА «ДУХОВНОЙ» ОСНОВЕ

Основание:

Откровение истины

Свет:

«Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (1 Ин 1, 5)
Община тех, кого Христос призвал к Себе (см. Рим 8, 28-30)

Агапе:

Открытость, милосердная любовь (1 Кор 13), смирение, подчинение себя другим. Братское общение

Руководит только Слово Божие:

Господство Духа Святого: истинное единство между братьями

Но ведь апостол Павел сказал: *«Если отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы»* (1 Кор 13, 3).

В одном случае мы отталкиваемся от некой изначальной идеологии. В другом случае мы отталкиваемся от слов Христа: *«Если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари?»* (Мф 5, 43-48). Весь этот отрывок требует глубокого осмысления.

В одном случае – это выращивание цветов в оранжерее. В другом – попытки получить плоды при дуновении сильного ветра, под действием Духа Святого.

Вот так Бонхёффер выразил собственный опыт человеческого братства. И еще он сказал: *«Мы не помышляем о человеческом единении»*. Если какой-либо общине удастся стать общиной истинной, это означает, что она базируется на духовной основе, а не на чувствах или эмоциях.

Конкретная жизнь общины

Совершив «Исход из пустыни», миссионерская группа, возникшая вне привычных рамок и восстановившая самую глубокую традицию, обретает силу и свежесть. Так же случилось и с Бонхёффером: он не копировал монашеский устав тысячелетней давности; он возродил во всей новизне евангельские истины у их первоисточков. Вот почему для нас, католиков, такие примеры ценны и они вдохновляют. Подобный опыт принесли нам также Тезе и Граншан.

Жизнь общины, описанной Бонхёффером, начинается с самого утра, ибо это – время Воскресения Господня. Утро принадлежит не отдельным индивидуумам, а всей братской семейной общине христиан.

Общинная жизнь, направляемая Словом Божиим, начинается с утреннего богослужения. Все члены общины

НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ

собираются для воздаяния хвалы Богу, благодарения, чтения Библии и молитвы.

Такая практика подтверждается Писанием: каждый день первая мысль и первое слово принадлежат Богу: *«Господи! рано услышь голос мой; рано предстану пред Тобою, и буду ожидать»* (Пс 5, 4).

«Но я к тебе, Господи, взываю, и рано утром молитва моя предваряет тебя» (Пс 87, 14).

Каждым начинающимся днем правит Господь, Который его и сотворил. Только ясность Иисуса Христа и Слово Его, трубящее подъем, способны расточить мрак и смятение ночи и ночных снов.

Господь ведет также и наступающее молитвенное сосредоточение, ибо Он его творит. Совместное утреннее сосредоточение включает чтение Писания, церковные песнопения, молитву общины.

Для чтения прежде всего выбираются несколько *псалмов*. Чтение псалмов имеет первостепенную важность: через псалмы Сам Иисус Христос молится в нас. Псалтирь учит нас молиться, основываясь на молитвах Спасителя. Христианская молитва основывается на Откровении Слова, и все христиане молятся во имя Господне. Они узнают, о чем должно просить. Они научаются молиться общиной: во мне молится Тело Христово и как отдельный человек я убеждаюсь, что моя молитва есть лишь малая частица единой молитвы Церкви.

За псалмами следует *чтение Библии*. Она есть более чем «хлеб насущный». Она есть Слово Откровения для всех людей на все времена. Она складывается из отдельных стихов; она целостна и должна быть воспринята как целое.

Бонхёффер настаивает на необходимости *последовательного* чтения Библии, ибо только такое чтение позволяет христианам приблизиться к тому рубежу, где Господь раз и навсегда совершил Свой спасительный для людей акт.

Только Библия помогает человеку оказаться там, где Бог может его найти.

За Библией следует *пение*. Совместное песнопение выражает голос Церкви, которая восхваляет, благодарит или молит своего Господа. «*Славьте Господа, ибо Он благ, ибо вовек милость Его*», – повторяет псалмопевец. Совместное пение должно расширить наши духовные горизонты, должно помочь нам ощутить нашу общину как частицу христианства, распространяющегося по всей земле. Таким образом мы, свободно и радостно, идем в ногу с Церковью, поющей Бога.

И наконец, за этим следует *совместная молитва*, столь же необходимая, ибо Спаситель сказал: «...если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного» (Мф 18,19).

Так, согласно Бонхёфферу, начинается день общинной жизни. После этого отрезка времени, интенсивно прожитого вместе, каждый может заняться своим делом.

Как же протекает день верующего? Это зависит от обстоятельств. Бонхёффер напоминает о трех, важнейших в его глазах, принципах: верующий должен одновременно уметь пребывать в одиночестве, жить в общине и слушать Бога.

«Да остерегается общинной жизни тот, кто не умеет жить в одиночестве... Да остережется одиночества тот, кто не умеет жить в общине». Для Бонхёффера и одиночество, и общинная жизнь тесно связаны, как связаны для него слово и молчание. Отличительным признаком одиночества является молчание, а слово является отличительным признаком общины. Молчание и слово связаны такой же внутренней связью, как одиночество и община. Одно невозможно без другого. Чтобы говорить с достаточным основанием, нужно уметь молчать, и наоборот.

НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ

Каждый верующий на протяжении каждого дня должен находить возможность побыть в молчании: отдаться индивидуальной молитве, духовным размышлениям, представительству за других, другими словами, *медитации*. Только тогда он сможет *«слушать Бога»*.

А взаимоотношения с братьями, с другими членами общины? Ни один верующий не должен забывать о предостережении из Евангелия: *«Пришла же им мысль, кто бы из них был больше»* (Лк 9, 16). Ни одна община не может сформироваться без того, чтобы такая мысль не возникла вдруг как семя разделения. Как только люди собираются вместе, они непременно начинают наблюдать друг за другом, судить друг о друге, руководить. Из этого следует, что уже с самого начала христианская община может стать ареной борьбы, от которой зависит ее жизнь и смерть и которая, между тем, может оставаться невидимой и бессознательной. *«Пришла же им мысль: кто бы из них был больше...»*. Одного этого достаточно, чтобы разделить общину.

Так что же делать? Необходимо соблюдать несколько основных правил. Не судить (наипервейшее правило!). Не быть самолюбивым. Принимать ближнего. Помогать друг другу. Служить другим членам.

В общине не должен господствовать дух оправдания одного человека другим, а, следовательно, дух насилия. В общине должны процветать оправдание каждого человека благодатью и дух взаимного служения. Каждый, кто когда-либо в жизни ощутил милосердие Божие, может иметь лишь одно желание: служить другим людям.

Бонхёффер говорит также о той роли, которую должны играть в общине исповедь и преломление хлеба. Как мы уже писали, он полагает, что исповедь внутренне открывает человеку доступ в общину. Бонхёффер считает, что грех порождает одиночество: грех «желает быть с человеком наедине».

Что же касается преломления хлеба, то он пишет:

«День Вечери является для общины праздником. Верующие, полностью примирившись с Богом и братьями, принимают дар Тела и Крови Христовой, то есть прощение, новую жизнь и вечное блаженство. Евхаристическая община является наивысшим осуществлением христианской общины. Связь, соединяющая причастников, является связью, которая пребудет в вечности. Таким путем община и достигает своей цели. Христос и Церковь приходят к радости совершенной. Общинная жизнь христиан, руководимая Словом Божиим, обретает в Таинстве окончательную полноту».

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПУТЯМИ ОТКРЫТЫМИ

ГЛАВА 14. БЕДНОСТЬ

Есть одна вещь, о которой мне следует поведать, ибо она, при всем разнообразии своих проявлений, входит как в повседневную жизнь каждого христианина, так и в жизнь миссионерской группы, занимая в ней одно из первейших мест. Это — бедность. Бедность, в которой мы живем, может быть, в ряде стран и регионов, бедность, которая парализует жизнь большей части человечества, но также и та бедность, которую проповедует Слово Божие, в которой жил Иисус и которую мы должны бы осуществлять в своей жизни. Слово одно, но как различны его значения! Расстояние между газетами, приносящими известия о бедности в мире, и Библией огромно. Столь огромно, что в силу привычки острота его восприятия в нашем сознании притупляется. И теперь уже неизвестно, как и приступить к такой проблеме. И потому мы удовлетворимся жалкими компромиссами.

Однако этой реальности о двух гранях, каковую являет собой бедность, нужно уметь смотреть в лицо...

I. БЕДНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Глубина нищеты в современном мире чрезвычайна. Нищета не только не уменьшается, но утяжеляется с каждым годом. Она принимает новые формы и по мере того, как приходит сознание ее серьезности, становится все более

невыносимой. Бесполезно углубляться в детальное рассмотрение и накапливать статистические данные наподобие больного, для которого все определяется несколькими цифрами между 36-ю и 41-м градусами. Каждому из нас пришлось бы на протяжении дней и лет проследивать болезнь мира по трем или четырем параметрам — но лишь при том условии, что каждый показатель размягчал бы твердую скорлупу нашего сердца.

Так, например, распределение мирового дохода, совершается со скандальной неравномерностью: национальный валовой доход на душу населения составил в 1970 году в США 4000 \$, во Франции — 750 и всего 90 — в Индии.

И этот контраст только увеличивается: в 1950 году доход на душу населения в третьем мире был в 10 раз меньше, чем в развитых странах, причем максимальный разрыв между Азией и США составил 1 к 7. В 1970 году развитые страны стали в 14 раз богаче стран третьего мира при максимальном разрыве между Азией и США 1 к 42.

Итак, население индустриальных стран, составляющее 34% мирового населения, располагает 7/8 мирового богатства, в то время как все остальное население, то есть 66%, вынуждено делить между собой оставшуюся часть всех благ.

Такое же вопиющее неравенство можно обнаружить и внутри самих слаборазвитых стран. Неравенство это также продолжает усугубляться. В Индии с 1960 по 1968 год потребление в верхних слоях общества возросло на 4,8%, в то время как в бедных слоях оно понизилось на 16%. В Бразилии с 1960 по 1970 год часть национального дохода, потребляемая самыми богатыми слоями общества (5% всего населения), возросла с 29 до 38%, а доход беднейших слоев (10% населения) снизился с 10 до 8%.

Экономисты обращают внимание и на другое скандальное явление, которое они стыдливо называют «падением реальной стоимости в обмене». Для иллюстрации этого достаточно двух примеров.

В 1950 году в Малайзии для покупки «джипа» нужно было произвести 4 тонны каучука; в 1970 году для этого требуется уже 10 тонн. В Бразилии в 1954 году для покупки того же «джипа» нужно было собрать 14 мешков зернового кофе. В 1975 году для этого требуется уже более 40 мешков.

Но ведь известно, что слаборазвитые страны находятся в полной зависимости в отношении сбыта сырья, которое они добывают, и следовательно, индустриальные страны произвольно устанавливают свои цены. Так, например, 70% своего дохода Гана получает за счет экспорта какао. А Чад на 83% зависит от экспорта хлопка. Но цены на какао и хлопок поднимаются гораздо медленнее, нежели цены на индустриальные продукты, которые богатые страны продают слаборазвитым странам.

Короче говоря, пропасть между бедными и богатыми не только не преодолевается, но и продолжает углубляться. И потому нам хорошо понятны рассуждения А. Шураки: «Проблема не может быть разрешена без неимоверного нравственного подъема и мобилизации всей духовной энергии. Любое усилие по экономическому подъему третьего мира, если оно не сопровождается человеческой миссией воспитания людей и их духовного развития, будет неизбежно обречено на провал».⁸⁰

II. БЕДНОСТЬ В ВЕТХОМ ЗАВЕТЕ

Но что же по этому поводу открывает нам Слово Божие? Прежде всего, мы можем еще раз убедиться, что Откровение со временем говорило об этом все больше. Господь принимает Свой Народ таким, каков он есть, и там, где он находится.

Я воспользуюсь неопубликованными записками О. Дрейфуса по этому вопросу. Становление Израиля можно схематически разбить на три этапа:

1. *Первый этап* весьма удивителен: блаженны богатые! Именно с этого начинается Бог. Идеалом человека этого библейского периода является Иов до того, как на него посыпались несчастья: «был человек этот непорочен, справедлив и богобоязнен, и удалялся от зла». Но был он также и благословен среди всех людей: было у него семь сыновей, три дочери, семь тысяч овец, пятьсот пар волов, шестьсот ослиц, не говоря о множестве прислуги. Мы знаем, конечно, какие испытания ему пришлось претерпеть, но в конце книги мы находим его еще более богатым, чем прежде: четырнадцать тысяч овец, шесть тысяч верблюдов, тысяча пар волов, тысяча ослиц. Да, благословенны богатые, блажен человек, у которого все прекрасно! Кроме того, Иов прожил долгую жизнь, чтобы насладиться счастьем.

Сказанное относится не только к Иову, но и к большинству ветхозаветных патриархов: *«Господь весьма благословил господина моего, и он сделался великим»* (об Аврааме, Быт 24, 35). И эта концепция как бы подспудно сохраняется в традиционной вере библейских людей: как в геологическом срезе обнаруживаются пласты различных эпох, так и Ветхий Завет сохраняет этот ранний незыблемый слой — понимание богатства как блага. Да и сам Бог, разве Он не богат бесконечно? Если бы человек не был грешен, евангельская бедность не имела бы смысла.

«Как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие!» (Мк 10, 23). Ученики «ужаснулись» этим словам Иисуса, и это лишь доказывает, до какой степени была укоренена в традиционном сознании благость богатства. И Иисус скажет: *«нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня и Евангелия, и не получил бы во сто крат более»* (Мк 10, 28).

Свят тот, кто обрел все истинные блага человеческие. Отказ от благ Иисус не возводит в самодовлеющий идеал, как это практиковалось в некоторых сектах того времени,

например, в Кумране. Об этом следует всегда напоминать с большой настойчивостью. Адвокат Марио Карвало Иисуса сказал однажды группе возмущавшихся священников: «Объясните мне, что вами движет? Любовь к бедному или ненависть к богатому?». Вот глубокий вопрос, о котором нельзя забывать.

2. *Второй этап* состоит, увы, в открытии, что богатство ожесточает сердца и делает их алчными. Поверив, что «блаженны богатые», люди обнаружили вдруг, что богатство зачастую является плодом несправедливости. Библия повторяет это много раз, в частности, в сетованиях Иова и в обличениях Пророков. Как актуальны для нас эти слова Иова: *«Межи передвигают, угоняют стада и пасут у себя. У сирот уводят осла, у вдовы берут в залог вола; бедных сталкивают с дороги, все уничиженные земли принуждены скрываться. Вот они, как дикие ослы в пустыне, выходят на дело свое, вставая рано на добычу»* (Иов 24, 2-5). Разве мы не узнаем в этом свидетельстве о бедных нынешних времен? Что же касается Пророков, то их обличение неправедных богатых помнит каждый из нас.

Есть много и других текстов, о которых следует размышлять, например, пророчества Амоса, обличавшего то, о чем я говорил выше и что нынешние экономисты стыдливо называют «падением реальной стоимости в обмене»: *«Выслушайте это, алчущие поглотить бедных и погубить нищих, — вы, которые говорите: “когда-то пройдет новолуние, чтобы нам продавать хлеб, и суббота, чтобы открыть житницы, уменьшите меру, увеличите цену сикля и обманывать неверными весами, чтобы покупать неимущих за серебро и бедных за пару обуви, а высевки из хлеба продавать”.* Клялся Господь славою Иакова: *поистине во веки не забуду ни одного из дел их!»* (Ам 8, 4-7).

Перед лицом таких злоупотреблений дальнейшее развитие пойдет по двум направлениям: во-первых, на смену идеалу «блаженны богатые» приходит другой идеал: «блажен богатый, открывающий свой кошелек и свое

сердце бедняку». Именно этому идеалу воздает хвалу Иов: «...я спасал страдальца вопиющего и сироту беспомощного. ...Я был глазами слепому и ногами хромому» (Иов 29, 12, 15). Как не вспомнить аббата Пьера, который желал бы быть «гласом безгласных людей». И в Псалмах во многих местах мы встречаем подобное же назидание; сегодня оно относится не только к богатым людям. Его должны слышать богатые страны и прийти на помощь странам нуждающимся.

Во-вторых, — и это самое важное — приходит понимание того, что Бог покровительствует бедным. Еще тогда, очень давно, у Купины Неопалимой Бог говорил Моисею: «Я увидел страдание народа Моего ...и услышал вопль его» (Исх 3, 7).

Здесь следует привести еще один текст из Исхода, один из древнейших библейских текстов: «Пришельца не притесняй и не угнетай его, ибо вы сами были пришельцами в земле Египетской. Ни вдовы, ни сироты не притесняйте; если же ты притеснишь их, то, когда они возопиют ко Мне, Я услышу вопль их, и возпламенится гнев Мой, и убью вас мечом, и будут жены ваши вдовами и дети ваши сиротами... Если возьмешь в залог одежду ближнего твоего, до захождения солнца возврати ее, ибо она есть единственный покров у него, она — одеяние тела его: в чем будет он спать? итак, когда он возопиет ко Мне, Я услышу, ибо Я милосерд» (Исх 22, 21-24; 26-27). Вот слова, которые должны трогать нас до глубины сердца.

Бог также открывает Своему народу, что «кто приносит жертву от несправедливого стяжания, того приношение насмешливое, и дары незаконных неблагоприятны; не благоволит Всевышний к приношениям нечестивых и множеством жертв не умилощивляется о грехах их. Что заколающий на жертву сына пред отцом его, то приносящий жертву из имени бедных. Хлеб нуждающихся есть жизнь бедных: отнимающий его есть кровопийца» (Сир 34, 18-21). Также и Иисус настойчиво напоминал: «Милости хочу, а не жертвы...».

Наконец, третий этап. Бог открывает его нам не через катехизисы и теоретические построения и не через идеологов,

но через людей, через народ, через историю. Бог вызывает к жизни особый род, который Библия обозначает словом *анавим*. Есть очень много слов для обозначения бедности; это вполне конкретные слова, такие, как «нищий», «худой», «неимущий», «жалкий» и пр. Но Господь выделяет из всей массы Своего народа *род скромный и смиренный* (вот лучшее определение *анавим*). Род этот малочислен, но в этом и заключена постоянная особенность вмешательства Бога в мир: это Божий закон бедности. Так было всегда.

Вспомните историю Бернадетты. Если есть в мире место, привлекающее миллионные толпы, так это, конечно, Лурд. А с чего началось это движение? Начало ему положила маленькая пастушка. Господь всегда вмешивается через людей незаметных, *анавим*, подобных Бернадетте, через таких же бедных, как она. Но это всегда люди, отдавшие с полным доверием Богу, люди, как бы привязанные к Нему, люди, не имеющие, кроме Бога, иного прибежища. «...*благоволит Господь к народу Своему, прославляет смиренных спасением*», — говорит Псалмопевец (Пс 149, 4).

И вот тут мы подходим к драме сегодняшнего дня. Драма состоит в том, что нищета, осложняемая бюрократическими хитросплетениями закона, порождает не *анавим*, а бунтарей и отчаявшихся. В наше время бедняки, люди, состоящие на социальном попечении, имеют дело с аппаратом администрирования, с бумагами, с чиновниками в окошечке, а не с теми, кто готов их выслушать. И они не догадываются, что Бог-то их всегда слышит. Ведь и правда, каким чудом могут они поверить, что Бог прислушивается к ним, если никто из людей этого не делает? Бедняк — это вовсе не тот, кто «экономически слаб», но тот, кто в один прекрасный день сумеет опереться на Бога, потому что встретит людей из тела и плоти, которые его выслушают. Самое важное, что я извлек из пятилетнего опыта служения в Бразилии: бедняк — это тот человек, который всегда готов слушать, но которого слушать никто не желает.

Анавим — это пример, который нам дал Господь. Мы должны стать похожими на них, чтобы люди, которых мы выслушали, сами стали бы анавим. «Господи, сотвори мне сердце слушающее», — молил Соломон.

Среди таких нищих духом и суждено было родиться Мессии, долгожданной Личности, к Которой была устремлена вся история. Когда в Вербное воскресенье Иисус совершил Свой вход в Иерусалим на молодом осле, это вовсе не было случайностью: бедные и ездят на осле, а не на разряженном коне. Иисус, сын Марии, и есть *анавим* по преимуществу. Так Новый Завет как бы отвечает Ветхому в Иисусе, совершеннейшем цветке смиренного народа. Все, что было возведено Библией, реализовалось в Иисусе, в Его бедности: *«Вы знаете, какова благодать Господа нашего Иисуса Христа, что Он, будучи богат, обнищал ради вас, чтобы и вы обогатились Его нищетой»* (2 Кор 8, 9).

III. ИИСУС И БЕДНОСТЬ

Откроем теперь Новый Завет. Иисус дает нам два поучения о богатстве, которые часто неверно интерпретируются. Вся глава 16 Евангелия от Луки представляет собой наставление о том, как относиться к деньгам. Она начинается притчей о неверном управителе, которую часто плохо понимают, и заканчивается притчей о богаче и Лазаре. Это два как бы симметрических поучения, в которых Спаситель открывает нам глубочайшие мысли о богатстве и бедности.

Обе притчи начинаются одинаково: *«Был богатый человек...»*. В притче о Лазаре имеются уточнения: *«Некий человек был богат и одевался в порфиру и виссон...»*. Часто эту притчу понимают как притчу о дрянном богаче. Но это вовсе не так! В Библии ничего не сказано о том, что он был плохим человеком, сказано лишь, что он был просто богат, а рядом был нищий. И опять-таки очень часто мы

говорим о нем «нищий Лазарь». Но он вовсе не просил милостыни! Он был беден — и все. И ничего не просил. Так в чем же грех богача?

В данном случае речь идет не о несправедливом богатстве, но о расстоянии, которое разделяет «потребление» богача, с его тончайшими одеждами и лоснящейся кожей, и пустой желудок и язвы бедняка. И в вечности богатый убедится в этом расстоянии: *«...будучи в муках, он поднял глаза свои и увидел вдали Авраама и Лазаря на лоне его...»*. *«...между нами и вами утверждена великая пропасть...»*.

Эта «великая пропасть» и есть грех расстояния между людьми. Часто он не осознается как грех не только при разрывах отношений между людьми, но и в разделении народов. Но при такой участи возможно ли для богача искупление? Конечно, да, и ответ мы находим в притче о ловком и плутоватом управителе. Поняв, что ему грозит гибель, он приобретает себе друзей богатством несправедливым.

Иисус дает нам ключ к притче: *«И Я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством несправедливым, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители»* (Лк 16, 9).

Итак, притча говорит о совместном использовании людьми земных благ. Великая пропасть преодолевается лишь в той мере, в какой разделяются между людьми земные блага. Боссюэ, проповедуя перед богатыми и королями, мог сказать: «Для Церкви богатые — чужаки, и они могут породниться с ней только путем служения бедным».

Если для нас, богатых и принадлежащих к богатым народам, еще остается выход, то его предлагает нам приведенная притча. От богатого требуется, чтобы он восстановил известное равенство с бедным, как и говорил апостол Павел, предлагая новообращенным сбор в помощь бедным Иерусалимской Церкви: *«Не требуется, чтобы другим было облегчение, а вам тяжесть, но чтобы была равномерность. Ныне ваш избыток в восполнение их недостатка; а после их избыток в восполнение вашего недостатка, чтобы была равномерность»*.

ПУТЯМИ ОТКРЫТЫМИ

как написано: кто собрал много, не имел лишнего; и кто мало, не имел недостатка» (2 Кор 8, 13-15).

Сам Иисус для того и приходил, чтобы, избрав бедность, сравнить непреодолимую пропасть между Богом и человеком: *«Он, будучи богат, обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетою» (2 Кор 8, 9).* Евангельский призыв звучит как ответ на нищету современного мира, и два проклятия угрожают нам.

Первое: «Горе нам, богатым народам, если мы не бремся, причем эффективно, с нищетой этого мира». Горе нам, если сердце наше не отвечает на зов человечества и Церкви. Послушайте, что сказал II Ватиканский Собор:

«Одно бесспорно для всех верующих: человеческая деятельность как таковая, индивидуальная и коллективная, — все те гигантские усилия, посредством которых человек, на протяжении веков, старался улучшить условия собственного существования, — вполне соответствуют Божью замыслу. Действительно, человеку, сотворенному по образу и подобию Божью, с самого начала была вручена миссия — господствовать над землею, над всем, что есть на земле, и управлять космосом в святости и праведности (ср. Быт 1, 26-27; 9, 2-3; Прем 9, 2-3), признавая Бога Творцом всего существующего, а также помнить о том, что все принадлежит Ему — и мы сами, и весь мир, — и все это для того, чтобы имя Господне прославлялось по всей земле» (Пастырская конституция «Радость и надежда», 34).

Или иначе, используя лапидарные слова папы Павла VI:

«Развитие человечества представляет собой как бы итог выполнения нашего долга» (энциклика «Прогресс народов»).

Но мы должны избежать и другого проклятия: «Горе нам, если мы заразим бедных нашей любовью к богатству». Мартин Лютер Кинг в своей книге «Сила любить» приводит слова одного восточного писателя:

«Вы говорите, что все ваши тысячи машин сокращают вам работу, но вы, тем не менее, все время заняты. Умножая

ваши машины, сами вы становитесь все более усталыми, тревожными, нервными, неудовлетворенными. Чем бы вы ни обладали, вы всегда хотите большего; где бы вы ни находились, вы всегда хотите куда-то в другое место. У вас есть машина для подметания и удаления пыли, машина для передачи ваших посланий, машина, чтобы писать, машина, чтобы говорить, чтобы петь, машина, чтобы голосовать, машина, чтобы шить, и еще сто машин, чтобы выполнять для вас сто других дел, ...а вы остаетесь самыми нервно-озабоченными людьми в этом мире. Вас словно что-то жалит, заставляя выдумывать все новые машины и все больше работать».

Как избежать этих проклятий? Послушаем Дона Хелдера Камары: «Мы должны вырваться из состояния нечеловеческой нищеты и не впасть в нечеловеческую свехроскошь». Этот призыв звучит как призыв Иисуса: «...*смотрите, берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения*» (Лк 12, 15). Если же мы принесем богатство и не принесем Евангелия, то создадим рабов. «...*как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие! ибо удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие*» (Лк 18, 24-25), — говорит Спаситель.

Да, трудно. Но, к счастью, возможно Богу, Который хочет и может изменить наше сердце. Нужно просить у Него сердца чистого, освобожденного от желания обладать, сердца, которое через такое очищение сделает нас свободными.

Об этом и говорит Солженицын в «Круге первом»:

«Поймите одну вещь и растолкуйте ее правителям, которые в ней нуждаются: вы сильны постольку, поскольку не лишили людей всего. Ибо тот, у кого отняли все, уже вам не подвластен. Он снова полностью свободен».

Для Солженицына свобода возрастает благодаря внутренней отстраненности:

«Их ожидали тайга и тундра, холодные рекорды Оймякона, медные рудники Джезказгана. Их ожидали кирка и тачка, голодная пайка черствого хлеба, госпиталь, смерть. Ничего хуже.

Но мир царил в их сердцах.

Ими владело бесстрашие тех, которые потеряли все, бесстрашие, которое нелегко дается, но которое прочно».

Итак, чтобы не подпасть под эти два проклятья, нужно стать таким, как *анавим*. И речь идет не о тех, других, но о нас самих. Опасность состоит в том, что мы станем подражать бедному, вместо того чтобы подражать Христу. Так часто мы отдаемся человеческим начинаниям, которые слишком «видимы». Христианство — это прежде всего разрыв с привязанностями; это — переход, Пасха. Христианин должен стремиться к подражанию Христу, а не к социальной бедности. Бедность, даже так называемая евангельская бедность, может быть двусмысленной. Она может оказаться бегством, уклонением от участия, от размышления, от усилий поиска, от упорства. Она может оказаться результатом одностороннего понимания Замысла Божия, Иисуса и Его ожиданий. Бедность как самоцель не имеет смысла; нужно, чтобы она была понята как состояние верности Иисусу. Именно к этой мысли и возвращается с постоянством апостол Павел:

«Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою. Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа и найтись в Нем не со своею праведностью, которая от закона, но с тою, которая через веру во Христа, с праведностью от Бога по вере; чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его, чтобы достигнуть воскресения мертвых» (Флп 3, 7-11).

И затем уже Сам Христос приведет нас к лучшему знанию бедных, научит нас слышать их сердцем. А мы, в свою очередь, поведем их к более глубокому пониманию Блаженств. Христианин, ищущий прежде всего подражания Христу, остается открытым и в самой бедности; он вслушивается, и потому жизнь его — это разделение с истинно бедными их положения.

ГЛАВА 15. БОГ И КЕСАРЬ В МОЕЙ ЖИЗНИ

Мы подошли к весьма деликатной проблеме, и я хотел бы сразу же уточнить мои намерения. Я ни в коей мере не собираюсь читать вам лекцию о марксизме, или о левых движениях, или об отношениях Церкви и Государства, то есть на тему «вера и политика», или о вопросах насилия и непротivления.

Я бы хотел в этой небольшой главе поделиться моими соображениями и рассказать об одном из возможных апостольских решений, которое, на мой взгляд, прежде всего отражает позицию монаха и священника, но при этом может послужить темой размышления для любого верующего.

Когда несколько человек обсуждают общий жизненный план, немедленно возникают вопросы:

Как и в какой мере должна наша миссионерская группа участвовать в текущих делах и задачах окружающих нас людей? Какой линии нам следует придерживаться в отношении профсоюзного движения и общественной деятельности вообще? Как реагировать на события в Южной Африке или Азии?

Думается, что все рассуждения подобного рода должны иметь в качестве отправной точки пример Иисуса, хотя Его жизнь и протекала в совершенно иных условиях.

I. КАК ИИСУС ОТНОСИЛСЯ К РЕВОЛЮЦИОНЕРАМ СВОЕГО ВРЕМЕНИ?

Многим свойственна тенденция использовать пример Иисуса для оправдания своих собственных позиций и намерений. Поэтому очень важно представлять себе объективно, что Он говорил, как поступал, как и при каких обстоятельствах жил.

Реконструировать с точностью воззрения Иисуса... Нелегкая задача! Каждая эпоха, сознательно или нет, стремится наделить Его своими идеями. Уже в 1913 году протестантский писатель Альберт Швейцер отмечал: «Каждая новая эпоха в развитии богословия ищет и находит в образе Иисуса свои собственные, уже ранее открытые ею идеи, и нет иного способа сделать Его живым. Каждый человек воссоздает Его образ в соответствии с возможностями своей личности. Нет более личной исторической задачи, чем описание жизни Иисуса».

Сегодня «описания жизни Иисуса» составляют в русле глубинной психологии. В результате получается Иисус, подвергнутый психоанализу; а вот и заключение одного из таких авторов:

«Иисус становится символом человеческой жизни, погибшей в борьбе за достижение смысла, — символом неизбежного краха нашего существования, но также и символом оправдания этого краха».

Вот вам жизнь Иисуса, увиденная через призму психоанализа. Стоит ли удивляться, если в эпоху, когда «теология революции» вызывает энтузиазм, Его превращают в революционера. Поэтому крайне важно хорошо представлять себе, как относился Иисус к человеческим установлениям.

Прежде всего, совершенно очевидно следующее: в течение всей Своей общественной жизни Иисус должен был сталкиваться с проблемой, которую сегодня мы называем

«отношения Церкви с Государством, Веры — с правительством и властью». Да и римлянами Он был распят по политическому обвинению как революционер⁸¹. Если бы Он был осужден по иудейскому Закону на смерть за то, что называл Себя Сыном Божиим, то иудеи побиили бы Его камнями. Между тем, римляне осудили Его за имя «Царь Иудейский», и каждый раз, повторяя формулу «распятый при Понтии Пилате» в Символе Веры, мы вспоминаем именно эту причину казни Иисуса.

Как вы знаете, во времена Иисуса еврейский народ был лишен независимости, сохранив некоторую автономию в составе Римской империи. Еврейский идеал теократии, состоящий в объединении религиозно-общинного начала и государства, казалось, отодвигался в сторону с каждым днем. Перед лицом этой бедственной ситуации евреи разделились на три клана: *саддукеев*, *фарисеев* и *зилотов*.

Саддукеи были коллаборационистами того времени. Отказавшись от надежд на пришествие Царства Божия, они оправдывали римское злоупотребление властью. Фарисеи, напротив, состояли в резкой оппозиции к римлянам и ни за что не хотели отказаться от своих теократических идеалов. Что же касается зилотов, то они представляли партию вооруженного сопротивления римлянам. Они готовили священную войну и вели партизанские действия против оккупантов. Кстати, они пережили разрушение Иерусалима в 70 году, а в 132 году один из их начальников, Бар Кохба, провозгласил себя Мессией и царем Израиля.

Но ведь и Иисус был приговорен римлянами к смерти через распятие, как если бы он был зилот. Среди Его окружения и в самом деле было немало зилотов. Даже среди ближайших апостолов были Симон «Зилот», Иуда Искарот (Ин 6, 71) и Симон Петр. Несомненно, Иисус обладал большой притягательной силой для зилотов.

Можно даже сказать, что религиозно-политический идеал был настоящим искушением для Иисуса. Разве он не

был вынужден однажды оттолкнуть Своего друга Петра как Сатану? Так продолжалось до самой гефсиманской ночи, когда Он окончательно преодолел это искушение для осуществления Своего мессианского назначения: не так, как мечтали Его друзья зилоты, а как страдающий Сын Человеческий.

Некоторые евангельские тексты могут быть поняты так, что Иисус будто бы склонялся к насилию. Когда Он говорил, что *«приблизилось Царствие Божие»*, разве этот призыв не мог быть истолкован в духе зилотов? Или когда называл Ирода «лисой»? Или когда изгонял торговцев из храма? И сегодня не случайно ряд авторов без стеснения трактуют поступки Иисуса в контексте религиозно-политического движения зилотов.

Однако в равной мере Иисус может быть представлен и как антизилот, и в этом смысле объективная оценка Его действий и Его учения становится очень затруднительной. Он принимает людей, сотрудничающих с римлянами, и даже делает своим учеником одного из них. Он отнюдь не проклинает людей, которые ведут с римлянами торговлю. Он посещает одного из офицеров оккупационной армии — центуриона в Капернауме. Он объявляет, что пришел принести мир, а не меч, и учит не противиться злым. Наконец, Он категорически отвергает все политические элементы в Своем Божественном предназначении: *«Царство Мое не от мира сего»*, — отвечает Он Пилату (Ин 18, 36).

Так Кто же Он? Зилот или антизилот? Современный христианин, как в Его время и Сам Иисус, находится в сложной и двойственной ситуации. Остаться ли ему, как представители некоторых сект, равнодушным к язвам нашего времени? «Мир этот прогнил, и меня он больше не интересует». Или, напротив, вступить в борьбу? После смерти Че Гевары газеты писали: «Иисус взялся бы за автомат!».

Мы должны хорошо усвоить: станем ли мы прозиловыми или антизиловыми, мы в любом случае предадим Иисуса. В действительности проблема ставится иначе, и только так мы и должны понимать пример дани кесарю (Мф 22, 15-22). Предлагая Иисусу вопрос о дани кесарю, фарисеи хотели подстроить Ему ловушку. Действительно, если бы Он ответил, что платить дань нужно, Он стал бы соглашателем с Римом и потерял бы всякое доверие. Если бы, Он, напротив, призвал к отказу, то немедленно стал бы зилом, врагом Рима. Позиция Иисуса — вне постановки подобного вопроса: *«Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу»*. Государство имеет свою сферу, подати входят в государственные установления, и Иисус этому не противится. Но Бог тоже имеет Свою сферу: это сам человек, посвященный Богу, и культ, который он Ему воздает.

Есть еще одна евангельская сцена, которая помогает нам понять эту позицию «вне», столь фундаментальную для Иисуса: это триумфальный вход в Иерусалим. Толпа воздает Иисусу почести: для многих все надежды были связаны с этим событием, ибо они чувствовали, что теперь-то и могут разыгаться революционные действия. Но Иисус отказывается воспользоваться такой возможностью, и это явилось последним разочарованием для толпы: три дня спустя она предпочла Ему Варавву. Вот в чем состоит двусторонность суждения Иисуса о государстве: Он отказывается рассматривать государство как высшую, Богом данную ценность, но принимает его таким, какое оно есть, категорически отвергая всякую попытку его свергнуть.

Иисус всегда хотел избежать смешения, в результате которого Он оказался бы политическим вождем. Он называл Себя не Мессией, а *«Сыном Человеческим»*. Когда Петр признает в Нем *«Христа, Сына Бога Живаго»*, Иисус настрого запрещает ему говорить об этом (Мф 16, 16-20). Позднее Он разъясняет апостолам, что Сын Человеческий должен пострадать. Когда же Петр начинает Ему

прекословить. Иисус отвечает: *«Отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое»* (Мф 16, 23).

Разумеется, в движении сопротивления зилотов не все в глазах Иисуса подлежало осуждению; но была в этой деятельности граница, которую он решительно не хотел преступать, а именно — военно-политический зилотизм, направленный против Римской империи. Иисус не хотел отождествлять свою религиозную миссию с освободительным движением.

II. ПОЗИЦИЯ ХРИСТИАНИНА

Итак, позиция христианина ясна. Мы, ученики Иисуса, должны иметь определенную позицию даже в области политики, но мы не должны заносить меч.

Государство имеет право требовать от нас то, что необходимо для его функционирования, но оно никогда не станет для нас абсолютом, никогда не будет представлять для нас высшей ценности. Мы будем его уважать, но никогда не отдадим ему то, что принадлежит Богу.

Однако, могут возразить сторонники Иисуса-революционера, ведь изгонял же Спаситель торговцев из храма? Несомненно, но ведь тогда речь шла об извращении религиозного культа и роли священства, а не о свержении политического института. Изменение, которое хотел внести Иисус, было гораздо более глубоким, нежели разрушение существующих институтов.

Если христианин останется верным такой позиции, он не даст человеческим установлениям себя поглотить. Действуя в мире, он не будет к нему привязан: он останется свободным.

Короче говоря, нельзя отрицать мир, как это делают сектанты. Но нельзя и принимать мир таким, каков он

есть. Действовать в этом мире следует так, как действует свободный человек.

Сильная и действенная надежда позволяет нам всегда видеть относительность всех явлений мира и тем самым перешагнуть через ложную альтернативу между одобрением существующего порядка и революцией.

Действительно ли мы всем сердцем стремимся в грядущее Царство? Если да, то мы, оставаясь совершенно свободными, станем в этой жизни полноценными участниками и сможем предложить нашим современникам совет Премудрости. Иисус рассматривал этот мир как место, где разворачивается наша деятельность. И именно здесь мы должны бороться за справедливость. Участие в этой деятельности возможно только при условии свободы духа и сердца.

Первохристиане пребывали в напряженном ожидании конца света и поэтому ратовали за личное обращение и не стремились к реформе социальных структур. Мы же находимся в ином положении. Мы поняли важность справедливых социальных структур, которые могут способствовать обращению людей. Однако первостепенная задача христиан всегда будет состоять в преображении сердец. Всегда сохраняет силу совет апостола Павла: *«...не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия»* (Рим 12, 2).

Другими словами, христианин пристально смотрит на град нынешний, как смотрел на Иерусалим Иисус, но при этом пребывает в ожидании Града Небесного.

А каково отношение Церкви к государству? Ограничусь тем, что приведу в обобщенном виде мысль Кульмана:

«Церковь должна отдавать государству то, что ему причитается, помогать ему в том, что необходимо для его существования; кроме того, она должна пресекать в своей среде всяческий анархизм или зилотизм. Но она должна также уметь

нести службу часового по отношению к государству, сохранять критический дух. Наконец, она должна быть в состоянии сказать государству нет», если оно превышает свои полномочия, должна в своей проповеди разоблачать злоупотребления властью как противоречащие воле Божией»⁸².

И Кульман добавляет соображение, которое для каждого из нас должно быть руководством к действию:

«Церковь сумеет выполнить эту роль лишь в том случае, если сохранит верность эсхатологической перспективе Нового Завета».

III. ЛИЧНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ДЛЯ СЕГО ДНЯ

На основании объективного изучения слов и поступков Иисуса я предложу несколько личных соображений, может быть, и спорных.

Ожидание Царства Божия

Мы не должны видеть в Иисусе точку опоры для революционных движений, подрывающих основы. Сегодня, как и в раннехристианские времена, ожидание пришествия Царства Божия всегда живет в глубине мысли каждого ученика Иисуса, является его сокровищем и духовной жаждой. Мне думается, что только такое ожидание и может привлекать сегодня людей к христианству.

Ожидание пришествия Царства Божия вовсе не означает отказа от деятельности. Но оно отражает констатацию иллюзорности того мира, который хочет обойтись без Бога. По ту сторону идола современности, каковым является общество потребления, уже начинает обнаруживаться скрытая ранее пропасть, каким бы значительным ни казалось его влияние. Когда благ недостает, идол соблазняет на бунт, а когда благ в изобилии, он порождает скуку (Ж. Тибон).

Отрицание существующего миропорядка слишком часто связано с революционными иллюзиями. Как будто бы человек может построить новый мир путем «перестановок» того, что есть в старом.

Несколько лет назад о. Сертилянж⁸³ сказал «Бог или ничего» (название одной из его книг). Эжен Ионеско, современный драматург и писатель, выразил ту же мысль, хотя и не столь академично: «Между благодатью и дерьмом нет середины». Это означает: между миром, спасенным Богом, и обреченным на погибель не существует промежуточной ступени. То же самое говорил и Леон Блуа: «Казаки или Дух Святой». Для того, кто ждет пришествия Царства Божия, революционные влияния, революционные иллюзии — это тупик: всегда будет недоставать самого фундаментального. В конечном счете революции всегда приводят к замене одного угнетателя другим.

На поиски всякого рода мудрости, которыми заняты столь многие современные люди, у нас может быть только один ответ: ожидание Царства Божия. Было бы абсурдно предлагать секуляризованное и политизированное христианство людям, испытавшим жажду неведомого Бога. Мы рискуем убить всякую надежду у этих людей, если предложим им христианство, приспособленное к временным задачам, христианство не мистическое, не являющееся в первую очередь тайной.

В построении этого мира христиане отнюдь не являются единственной силой; ведь марксисты заявляют: «Мы прекрасно можем строить без них». Но христиане обладают особой Премудростью, которая, если и не противоречит человеческой общественной деятельности, все же не позволяет втянуться в марксистские инициативы.

Не будем предавать наше христианство, и пусть человеческая деятельность не затуманивает нам главные его ценности. Мы ожидаем нового неба и новой земли.

Наше всегдашнее искушение состоит в том, что явления человеческой жизни мы пытаемся втиснуть либо в правый, либо в левый клерикализм, да еще с таким усердием, что исчезает сама духовная суть дела. Ведь еще Эмманюэль Мунье писал:

«Многие уже недалеко от того, чтобы отождествлять революцию с Царством Божиим, как их предшественники в свое время смешивали монархию с теоцентризмом, а буржуазный порядок вещей — с христианским. Но нельзя допускать, чтобы люди считали себя революционерами, потому что они христиане, или демократами, потому что они христиане, или же монархистами, потому что они христиане... Всякий новый порядок потенциально есть порядок старого образца, всякое антифарисейство несет в себе зародыш нового фарисейства, всякая активность грозит переродиться в приспособленчество... Христианству нет никакого резона становиться подменой левого или правого конформизма, революционного клерикализма или клерикализма консервативного, нет никакого резона окружать нужные революционные преобразования атмосферой филантропической религиозности, которая может только возбуждать протест и ответное революционное действие и извращать религию».

Преображение сердца

Наипервейшей задачей христианина является изменение сердца, осуществление «метанойи» (*греч.* «изменение ума»). Это непрестанно продолжающееся обращение. «Ищите прежде всего Царствия Божия» (Рим 12, 12). Должно появиться поколение людей, которые, полноценно участвуя в жизни мира, были бы прежде всего искателями Царства Божия.

Смешно слушать, когда о социальности человека говорят как о новом открытии. Это было известно еще Аристотелю, который воспевал *homo politicus*, гражданина. И св. Фома

Аквинский, в свою очередь, утверждал, что самое высокое призвание человека состоит в участии в городском управлении. Но эта политическая миссия не должна мешать человеку совершать столь необходимое для него неустанное обращение сердца. Намного легче оценивать собственную жизнь со стороны того, какую деятельность и как мы ведем, чем со стороны того, как совершается личное обращение.

В цикле произведений о Церкви кардинал Джон Генри Ньюмен писал в 1840 году:

«Для мира самое важное — общество. Церковь же мыслит совершенно по-другому. Она сосредоточивает свое внимание прежде всего не на обществе в целом, а на людях, которые его образуют. В ее сердце первое место принадлежит человеку как личности, общество же занимает ее во вторую очередь. Она больше озабочена его мыслями, молитвой, намерениями, волей, чем его внешними действиями. Она знает только одно зло — грех, а грех есть нечто личное, сознательное, волевое. Она знает только одно благо — благодать, а благодать тоже совершает свое действие в самой глубине человеческой души».

То, что Александр Солженицын пишет о «долге писателя», столь же приложимо и к долгу христианина:

«Писательский долг нужно рассматривать с точки зрения его обязательств по отношению не только к обществу, но и к каждому отдельному человеку. Утверждать право первенства личности перед обществом — вот главный долг Индивидуальная жизнь не всегда согласуется с жизнью общества, и редко когда коллектив приходит на помощь отдельному человеку. Каждый человек имеет много проблем, которые не решаются в коллективе; человек — это прежде всего единство духа и души, и только потом он — член общества. По отношению к личности у писателя ничуть не меньше обязательств, чем по отношению к обществу.

В наше время, когда техника завладела всей жизнью, когда материальное благосостояние рассматривается как самое важное, когда повсеместно слабеет религиозное влияние, перед писателем стоит особая задача — он должен занять все оставленные позиции».

Впрочем, Солженицын говорит не только о писателях. В книге «Август четырнадцатого» преподаватель политэкономии держит перед своими учениками такую речь:

«Существует не просто человеческая среда, существует духовная традиция, сотни традиций. И существует духовная жизнь отдельного человека, а следовательно, вопреки среде, существует и личная ответственность каждого из нас за то, что он делает, и за то, что делают другие рядом с ним... Существует нечто более важное, чем социальный порядок, — это порядок внутренний».

Сделать град людской пригодным для жилья

Исходя из двух названных выше положений, относящихся к ожиданию пришествия Царства Божия и ко все более глубокому обновлению сердца, мы приходим к заключению, что перед человечеством возникает новая ответственная задача — сделать град человеческий пригодным для жилья. Требуется подготовить почву, на которой благодать Божия сможет дать ростки. Если я борюсь за ее улучшение, то для того, чтобы благодать могла коснуться каждого человеческого сердца. Ибо христианство невозможно привить извращенному человечеству.

Папа Пий XII сказал:

«Сегодня условия таковы, что для многих людей христианская жизнь стала практически невозможна. Во имя благодати я должен бороться за то, чтобы нравы и все человеческие институты стали доступны для действия благодати.

Разве можно христианизировать Гегеля и Маркса так же, как св. Фома Аквинский христианизировал Аристотеля?

Крестить можно человека, но не чудовище. Мир Аристотеля был языческим, но он был способен воспринять благодать. Мир с полностью атеистической идеологией Маркса не принимает крещения.

Христианство требует оздоровления человечества. Сегодня драму веры создают результаты работы мысли, свернувшей на ложный путь. Как рассказать об истине Христа современным людям, которых убедили, что человек не способен ни достигнуть, ни познать истину? Как рассказать о евангельских требованиях человеку, который привык понимать свободу как устранение всякого принуждения? И как говорить о любви Бога людям, если для них Бог стал образом "отца, которого следует убить"?».

Нам следует сегодня приложить самые серьезные усилия для того, чтобы дать новую жизнь человеческому разуму, потому что он действует в самих основах духовной жизни человека; нужно восстановить его способность постигать суть вещей. Поиск путей восстановления разума нелегок, где-то он будет идти на ощупь. Но от его успешности, на мой взгляд, зависит всякое деятельное участие христиан в окружающей жизни, если мы не хотим оказаться в числе слепых вождей слепых из Евангелия.

Корина Марион, молодая христианка, мать двоих детей, написала по этому поводу несколько глубоких и ясных страниц⁸⁴, где показала, в чем состоит исповедание веры по отношению к политике. Для нее сама жизнь христианина, каков бы ни был его политический облик, отвергает притязания политика на последнее слово, его амбиции считать себя верховным арбитром, определять смысл вещей, а, значит, и умалять его».

Итак, открыв (или переоткрыв?) необходимость, во имя самой веры, политической деятельности, христианин должен затем выявить в этой земной деятельности сверхземное измерение. Одни будут призваны уделить больше

внимания одному аспекту, другие — другому, но в любом случае образ христианина, твердого в вере, уверенного во Христе, уверенного в Церкви (а это ведь совсем не то, что уверенность в себе, своей организации, своих идеях), — явление столь редкое, что может вызвать и интерес, и вопросы по существу.

Выбор того или иного жизненного пути, как правило, имеет отклик в обществе. Так, согласно Догматической конституции II Ватиканского Собора «Свет народам», «значение религиозной жизни состоит также и в напоминании людям о том, что мир может быть спасен только духом Блаженств». Верующий призван напоминать людям, что все надежды, все подлинные упования могут найти свое осуществление лишь в том очищении, которое дает нам участие в Смерти Христовой. Для мира верующий — это живой знак нового духа.

Каждый христианин, действующий в граде мирском, должен показать, что Царство Божие начинается там, где мы находимся сегодня, но что этим оно не завершается. И особое значение христианского свидетельства состоит еще и в том, чтобы давать другим людям ясное понимание того, что чего стоит, а также понимание взаимной соотнесенности разных ценностей.

Христианин, питаемый Словом Божиим, должен уметь видеть, что самые высокие реальности не противостоят друг другу: справедливость и милосердие, свобода и власть, дисциплина и благодать, личное благо и общее благо. Собственно суть понимания — как и здоровой философии — в том, чтобы никакая из истин не использовалась для отрицания других.

Гениальный и почти неизвестный писатель, и к тому же анархист, Арман Робен, умерший безвестным в приютской больнице, оставил нам как завещание удивительный текст (обратите внимание на чередование малых и заглавных букв):

Будет упразднена Вера
Во имя Света,
Потом упразднят свет.
Будет упразднена Душа
Во имя Разума,
Потом упразднят разум.
Будет упразднено Милосердие
Во имя Справедливости,
Потом упразднят справедливость.
Будет упразднена Любовь
Во имя Братства,
Потом упразднят братство.
Будет упразднен Дух Истины
Во имя Критического Духа,
Потом упразднят критический дух.
Будет упразднен Смысл Слова
Во имя Смысла слов,
Потом упразднят смысл слов.
Будет упразднено Прекрасное
Во имя Искусства,
Потом упразднят искусство.
Будут упразднены Писания
Во имя Комментариев,
Потом упразднят комментарии.
Будет упразднена Святость
Во имя Гениальности,
Потом упразднят гениальность.
Будут упразднены Пророки
Во имя Поэтов,
Потом упразднят поэтов.
Будут упразднены люди Пламенного Духа
Во имя озаренных,
Потом упразднят озаренных.
Во имя небытия упразднят человека,
Упразднят Имя Человеческое,
Не будет вовсе имен.
К этому мы и пришли.

Современное общество, переживая величайшее в истории изменение, фатальным образом внутренне разладилось и приобрело парадоксальный облик. Оно солидарно, и в нем, однако, действуют центробежные силы, оно рационально и в то же время иррационально. Оно одновременно стремится к абсурду и к абсолюту. Оно жаждет диалога, дружбы, мира и в то же время упивается насилием.

Разве мы, христиане, ничего не можем дать этому миру отрицания, который тем не менее озабочен своим будущим? Конечно же — да, и в этом смысл величайшей мудрости. Не будем смешивать Церковь с той или иной цивилизацией. Не будем смешивать католиков с католицизмом. Недостатки и нищета одного не исчерпывают сущности другого. Католичество не есть религиозная партия. Церковь — это тайна, вершина которой уходит в небо.

Кроме того, став на путь служения, мы должны не дать захлестнуть себя волне «становления» и сохранить христианский взгляд на события. На эту тему можно прочитать прекрасную книгу Жана-Франсуа Жиретта «Я ищу справедливости» (*J.-F. Girette, Je cherche la justice*). Автор книги сначала был «большим патроном», директором Юго-Западного отделения фирмы S.N.C.F.⁸⁵; однако затем он покинул свой пост, чтобы стать простым рабочим на заводе в Лионе. Там он проработал семь лет до наступления пенсионного возраста и потому вправе сравнивать достоинства и требования этих двух миров:

«Какова моя позиция, если я состою в сердечном и духовном согласии с моими друзьями из совершенно различных миров? Простое решение здесь невозможно, а между тем я не могу одновременно хранить в сердце противоречивые убеждения, страдания и радости. Это приводит меня к поиску того, что могло бы стать основой единства, и для этого, я полагаю, необходим диалог.

...Я стремлюсь менять свою позицию в борьбе за справедливость. Главное направление моего поиска — как, сохраняя

верность евангельскому призыву, устранять трудности, препятствующие малым и бедным воспринимать Благою Весть? В первую очередь я должен воззвать к сильным мира сего, но меня должны также услышать рабочий мир и Церковь».

Жан-Франсуа Жирет тихо скончался в обители Малых Сестер в 1975 году.

Соображения, изложенные в этой главе, можно резюмировать следующим образом. Политическая активность верующего и политическая активность неверующего, например марксиста, расходятся между собой. Речь идет не о двух различных политических линиях, но о двух фундаментально различных формах гуманизма. Одна из них предполагает применение силы для изменения существующей ситуации, а это и есть утверждение несправедливости, которая господствует в обществе и его структурах. Другая — ориентирована на духовное формирование человека, освобожденного во Христе.

Революция необходима. Но она может быть осуществлена двумя различными способами:

— Путем изменения политических, экономических и культурных структур; это требует развития политического сознания народа, организации подрывной деятельности (манифестаций, забастовок, гражданской войны); и лишь затем ставится задача развития человека.

— Или же путем духовного развития человека: ему помогают познать Христа. Это познание осуществляется в первичных общинах, которые обеспечивают возможности и для развития Веры, и для мирской деятельности. Эти общины охватывают невоинствующие группы населения, молодежь и зрелых людей. Общины содействуют формированию продуманного общечеловеческого ответа на сложившееся положение дел, ответа экономического и политического как на местном, так и на общесоциальном уровне. И лишь затем преобразуются общественные структуры.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ЦЕРКОВЬ В ПУТИ

Теперь давайте поднимемся на высоту — и не для того, чтобы витать в облаках, но чтобы стать способными смело смотреть в будущее и с пристальным вниманием — в прошлое. Нужно не терять из виду будущее, потому что Церковь Божия станет тем, что мы сами из нее сделаем. Нужно хорошо продумать, как в постоянном общении с Библией формировать в человеке ту духовную зрелость, о которой писал апостол Павел:

«Все Писание вдохновлено Богом и полезно для исправления ошибок, для руководства человеческой жизнью, для наставления в праведности. Именно благодаря этому каждый, кто предан Богу, снабжается всем необходимым для того, чтобы быть полностью готовым исполнять любое доброе дело» (2 Тим 3, 16-17, согласно ИБ).

«Итак, смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем, потому что дни лукавы» (Еф 5, 15-16).

Будущее принадлежит Церкви живой — мощному многовековому дереву с его соками, ветвями, особой формой, неповторимым обликом, которые непостижимы для нас и не нами создаются. В неисчерпаемой по глубине главе 1 Книги Бытия как лейтмотив повторяются слова «по роду его»: *«Да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя по роду и по подобию ее, и дерево плодовитое, приносящее по своему роду плод, ...и зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их»*. Поэтому мы должны считаться со всем, что нам предшествовало. Как садовники или хирурги не могут вырезать и подсаживать что попало и к чему попало, так же не можем и мы. Собор и замечательные тексты, которые он провозгласил, будут служить нам путеводной нитью. Тексты эти, являясь отправной точкой для будущей Церкви, одновременно подводят итог длинной истории. И потому нам следует прежде всего начать с некоторых соображений относительно миссионерства в прошлом и ныне.

ГЛАВА 16. МИССИЯ ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

I. МИССИЯ И ИСТОРИЯ

Необходимо признать один исторический факт: люди миссионерствовали не всегда. Не во всех религиях и не во все исторические эпохи в жизни одной религии присутствовала миссионерская идея. Достаточно вспомнить индуизм. Или иудаизм, по крайней мере иудаизм до плена.

Тем не менее для большинства христиан XIX и XX веков вплоть до наших дней необходимость миссии, ее величие и красота стали очевидностью, которая не требует обсуждения. Однако сегодня нередко сомнения. Какой должна быть наша реакция на сомнения и критику? Обратимся к Евангелию. Есть предельно четкие слова Спасителя: *«Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам»* (Мф 28, 19-20). Смысл этих слов раскроется еще более, если мы рассмотрим их в единстве с другими высказываниями Иисуса: *« как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас »* (Ин 20, 21).

И это дало основание св. Фоме Аквинскому сказать: «Все мы посланы той же любовью и в той же силе, как был послан Сын».

Не нужно бояться наделять это слово «как» всей его подлинной силой. Оно совершенно однозначно по смыслу, и Иисус неоднократно употреблял его. В Евангелии от Иоанна тоже сказано: *«Как возлюбил Меня Отец, и Я возлюбил вас»* (15, 9).

В уже цитированном миссионерском тексте евангелиста Матфея есть слово «итак», которое имеет тоже важный смысл: *«Дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы»* (Мф 28, 18-19).

И потому каждый раз, как в мире совершается миссионерский акт, он означает гораздо больше, чем «поехать с миссией». Он самым непосредственным образом связан со словами: *«как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас»*. Ибо, как говорил апостол Павел, воля нашего Спасителя и Бога такова, *«чтобы все люди спаслись и достигли познания истины»* (1 Тим 2, 4). А что есть истина? Истина — это жизнь вечная, *«да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа»* (Ин 17, 3).

Иисус вовсе не обещал Своей Церкви спокойной жизни; напротив, Он возвестил блаженство гонимым и скорбящим. Но случалось и другое: что Церковь, как и Петр, Иаков и Иоанн в Гефсимании, впадала в сон.

Действительно, христианство знало времена, когда миссионерство казалось навсегда погасшим. История Церкви, рассмотренная под этим углом зрения, являет собой последовательность подъемов и спадов. Первые протестанты не были озабочены миссионерством. Так, например, Теодор де Без декларировал безо всякого смущения:

«Язычники — это грешники, которых Господь медлит наказывать и которых нужно оставить на Его суд... Долгие странствия по языческим землям нужно оставить этой саранче, исторгнутой адом и фальшиво носящей святое имя Иисуса...» (так об иезуитах!).

А сам Боссюэ писал 13 сентября 1701 года:

«Ложное милосердие и ложная мудрость внушают некоторым образованным мужам стремление распространить истинную веру на другие народы, которых Господь не выбирал... И это вместо того, чтобы восхищаться тайными и неисповедимыми намерениями Бога, попускающего все эти народы к идолопоклонству...».

Подъемы и спады миссионерства в истории

Я приведу краткое историческое описание из «Библейского атласа» Х. Роули, выпущенного издательством «Центурион» (Н. Н. Rowley, Atlas de la Bible. Centurion).

- Христианство первых веков, конечно, было сплошным миссионерством. Это — время первой и удивительной экспансии.

- С 500 по 950 год наблюдается первый спад. Это конец Римской империи и распространение ислама в Сирии, Палестине, всей Северной Африке и Испании. Однако продолжается и миссионерство: среди германцев Великобритании и северных народностей Европы. Христиане-несториане достигают Китая.

- С 950 по 1350 год идет подъем христианства. Обращение Северной Европы. Это время Крестовых походов против ислама и организации миссий в Северной Африке и Азии францисканцами и доминиканцами. Несториане приобретают большое влияние в Азии.

- 1350—1500 годы: снова спад. Церковь в Азии переживает упадок. На Среднем Востоке и юге Европы преобладает ислам. На остальной части Европы духовные силы Церкви слабеют.

- 1500—1750 годы: третья экспансия. В связи с Реформацией, разумеется, можно констатировать рождение протестантской Церкви; перевод Библии на многие европейские языки; отправку миссий в Индию, Южную Африку и Северную Америку, Гренландию и на Антильский

архипелаг. В католичестве наблюдается подъем благодаря Тридентскому Собору, и миссии отправляются в Южную Америку и Азию.

• 1750—1815 годы: третий спад, который, казалось, приведет к гибели. Рационализм крайне ослабил христианскую Церковь в Европе. Католические миссии приходят в упадок, как и их страны-покровительницы Испания и Португалия.

Что стало с миссиями к концу XIX века? Достаточно привести лишь одну цифру: «Во всем мире оставалось около 150 католических миссионеров», — пишет каноник Жозеф Коломб⁸⁶.

И вот французская революция. Каноник Коломб пишет: «Она и завершила бедствие. Она ликвидировала религиозные конгрегации. Завладев их благами, она опустошила все их запасы, а вместе с ними и последний источник субсидий для миссий. Был закрыт главный центр миссий за рубежом на улице Бак в Париже.

Затем Бонапарт захватил Рим, имущество церквей подверглось грабежу. В 1798 году французская армия пресекла религиозную пропаганду.

Для миссий наступило время тяжелых испытаний. Сохранившиеся активные деятели старели, лишенные всякой помощи, и на их призывы никто не отвечал. В Северной Америке говорить о миссиях стало невозможно, а колонисты беспощадно уничтожали туземное население (алкоголь и пр.). В Южной Америке, в Парагвае все миссии были ликвидированы. К 1800 году там насчитывалось всего около 30 тысяч христиан. Все остальные были либо убиты европейцами, либо погибли в лесах. В 1750 году в Индии было около миллиона католиков, а к 1800 году их осталось всего около полумиллиона: христиане подвергались ужасным нападениям со стороны индусов и мусульман. В Китае, где в хорошие времена У Кан-Хи насчитывалось 300 тысяч христиан, к 1800 году оставалось всего 170 тысяч. Преследования и войны сократили

количество христиан и в Индокитае. И при этом надо еще учитывать, что туземное духовенство, созданное в этих районах сосланными туда миссионерами, совершало героические усилия для поддержания веры в христианских душах. Таким был, например, священник Андрей Ли в Китае».

Но миссионерские силы не замедлят возродиться.

• 1815—1914 годы — новая и очень мощная экспансия. Это век протестантского миссионерства. Но и католические миссии также вновь обретают жизнеспособность. В этот век христианство распространяется по всему миру.

«Именно Франция, которая в XIX веке возглавляла антирелигиозное наступление, теперь заняла ведущее место в миссионерском обновлении. Книга Шатобриана “Христианское призвание” (*Le Génie du Christianisme*) позволяет ощутить всю красоту миссионерского самопожертвования. Стали широко публиковаться и распространяться рассказы и воспоминания миссионеров... В 1882 году начали выходить «Анналы распространения веры» (*Annales de la Propagation de la Foi*). Эта литература оказывала большое влияние на умы» (Коломб). Прежние ордены возобновили свою работу. Эти полтора века были периодом активной жизни и созидания. Однако период этот был слишком тесно связан с колониальной экспансией и захватом со стороны великих европейских держав: отсюда — угроза “импортированного христианства”».

К этому времени относятся мученичество за Христа в Китае и «опиумная война», объявленная европейцами.

• Начиная с 1914 года мы одновременно наблюдаем и прогресс, и отступления. Новые местные Церкви в Азии и Африке преуспевают и становятся автономными. Ширится экуменическое движение. На II Ватиканском Соборе Католическая Церковь начинает свое «Аджорнаменто». История учит нас, что за каждым Собором следует период неустойчивости, подобный только что глубоко

распаханной земле. Сегодня некоторые отрицают миссионерство как таковое. Только пусть они не мнят себя пионерами новой идеи.

Откуда идет сомнение в обоснованности миссионерства?

Случилось так, что миссионеры, намеревавшиеся действительно быть только служителями, столкнулись с двойной трудностью: их качества священников и европейцев грозили превратить их в «патронов», которые должны отвечать за всю духовную жизнь деревни, а то и целой страны. Конечно, они служили народу, к которому посланы, но вместе с тем на них была возложена важнейшая функция: формирование христианского народа, со всем арсеналом средств, которые при этом предполагаются. В результате все население при той или иной миссии оказывалось, как глина в руках горшечника, в руках миссионеров, которые придают ему свою форму и стараются сделать как можно больше не столько для этого населения, сколько вместо него.

Так возникло «фольклорное» представление о задачах миссии. Более важно то, что отношения между священниками и мирянами становились неправильными.

О. Дурн (P. Dournes) разъясняет это в приведенном ниже отрывке, который заслуживает серьезного обдумывания:

«Говоря “миссионер”, часто представляют себе человека в монашеской одежде, бороду и трубку, прямоту и простодушие жителя глухих мест. Но сегодня, когда миссии на континенте обретают свой стиль, представление о миссионере изменилось и связано теперь с просторной курткой, свитером, недокуренной сигаретой и жаргоном. Тем не менее, это всегда будет священник или монах.

В светской среде говорят об *апостольстве*, не отдавая себе отчета в тождественности этого термина миссионерству и как бы желая провести грань там, где ее как раз не должно быть. Мы страдаем терминологическим формализмом, проти-

вопоставляющим апостольство (среди себе подобных) миссионерству (в третьем мире) и замораживающим представление о «мирянах». Для сближения с миром странным образом пытаются профанировать священное, демифологизировать, лишить эстетизма, десакрализовать место и время, предметы и людей. Однако эта тенденция — куда больше дело рук священнослужителей, чем верующих, и потому служит дальнейшей клерикализации Церкви и ее миссии.

Но ведь требуется как раз обратное. В плане миссионерства нет коренного различия между любым верующим, монахом или священником: все они являются вестниками Евангелия в силу их принадлежности к Церкви и обладания духовными дарами, которые отнюдь не составляют преимущественного достояния священнослужителей. Осознание настоятельной потребности в миссионерстве и недостаток профессиональных кадров ведут, с одной стороны, к вовлечению в миссионерское служение активных мирян, что превращает миссии в движение всего Народа Божия, а с другой стороны — к «ресаκραлизации» личностей и жизни христиан, народа священнического, рода царственного» («*Spiritus*», № 33).

Эта статья о. Дурна, как и его прекрасная книга «Господь любит язычников» (*Dieu aime les païens*), заслуживает быть прочитанной полностью. Со свойственным ему пылом, подчас ядовитым, он напоминает о тех крайностях, до которых довела миссионеров жизнь в глухих местах: они становились помощниками на все случаи жизни и «добрым Боженькой» для местного населения. Впрочем, ничего фатального в этом нет. С начала XX века появились предтечи, которые наметили и подготовили новый облик миссий, что в свою очередь проложило путь Собору. Такое изменение связано с несколькими великими именами. Я ограничусь лишь упоминанием о них, ибо каждый из них должен стать для нас проводником и близким другом.

II. ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Шарль де Фуко

В течение 11 лет, проведенных в Таманрассете, он постоянно изыскивал пути контактов. Его любовь к племени туарегов становилась все более глубокой и братской. В отношении жилья, пищи, языка, обычаев он решил стать «местным человеком» и для этого на шесть месяцев лишил себя Мессы. Следуя одному из своих первых правил 1894 года, он жил только плодами рук своих, не принимая даров или милостыни.

Его идея создания «Апостольского Союза» (*Union Apostolique*) внесла нечто новое в миссионерскую деятельность. Для молитвы, действий и страданий ради спасения мира он попытался объединить людей-немиссионеров. Ему удалось сформировать Братство, члены которого почти полностью заняты апостольской деятельностью.

Кроме того, о. Фуко считал необходимым участие наряду со священниками мирян, свидетельствующих жизнь по образу Христа, живущих в одиночку или небольшими группами в оазисах Сахары. Работая мелкими торговцами, коммерсантами, чиновниками, они могут свидетельствовать о Евангелии, являть пример христианской жизни, быть апостолам и доброты, «быть знаком для всех, чтобы всех привести ко Христу». Мы имеем здесь подлинный прообраз движения «Католическое действие», возникшего в 1907 году.

Все последующие проекты были лишь переводом во множественное число того, что о. Фуко делал в одиночку: это истинно созерцательная жизнь в ее единстве с человеком и средой, когда в безмерной открытости гостеприимства другие люди начинают чувствовать присутствие Божие.

О. Перигер (1883—1957)

Этот великий миссионер, выросший в бедности, сохранил на всю жизнь подлинную страсть к справедливости и уважение к человеку.

Став священником в Аммане, в Тунисе, он открыл для себя Шарля де Фуко. В 1926 году он основывает Братство в Гардайя. В 1927 году прибывает в Марокко и на следующий год поселяется в Эль-Кебаб — берберской деревне, где лечит людей и посвящает себя их страданиям, скромно осуществляя христианское служение среди мусульман.

В письмах о. Перигера к Л. Ф. Арди, его другу по Марокко, постоянно повторяется один лейтмотив: Христос. Христос — ребенок с берберским лицом, одетый и накормленный отшельником; безмолвный Христос в Назарете, готовящийся возвестить Евангелие; Христос страдающий и покинутый в Гефсимании; Христос, озаренный солнцем Пасхального утра.

«Тот, кто однажды встретил Христа на своем жизненном пути, будет болен Им всю жизнь».

Став счастливой жертвой этой болезни, путями Сахары и горными тропами Альберт Перигер повторяет длинные марши апостола Павла. Через многие страницы книг этого проводника, уважающего свободу тех, кто спрашивает его совета, здравого критика ошибок колонизаторов, этого обветренного горожанина с лицом, которое опалило солнце и избороздили шрамы и морщины, этого горячего защитника обиженных, просвечивает немеркнувшее пламя, овладевшее всем его существом.

Находясь в гуще ислама, о. Перигер пережил жестокие трудности тех, кто осужден представлять молчащую Церковь:

«Вы догадываетесь, как трудно быть священнику осужденным никогда не говорить о Христе открыто, если все, что

Вы делаете, Вы делаете исключительно для Него. Ежесекундно нужно удерживать Его имя, всегда готовое вырваться из уст и из сердца: вот наше суровое призвание, и мы находим его прекрасным. Но молитесь Бога, чтобы это послужило на пользу, чтобы через это умалчивание люди могли прийти к Нему».

Он мечтал положить начало *всеобщему религиозному движению*, движению всей Церкви к людям. В плане миссии не существует различий среди тех, кто принял Крещение, будь они миряне, священники, монахи, мужчины или женщины. О. Перигер мечтал о новом мистическом обретении «Христа целостного», «Христа подлинного» и одновременно — об универсализации миссионерства. Весь урок его жизни в том, чтобы показать, что каждый верующий должен и может сказать о Христе: «Он меня любит, Он отдал за меня Свою жизнь».

Альберт Перигер умер в Касабланке в 1957 году.⁸⁷

О. Леббе

О. Винцент Леббе, бельгиец по происхождению и миссионер в Китае, глубоко осознал, до какой степени важна близость к людям, участие в их жизни. Несмотря на неодобрение многих людей, он тем не менее содействовал рукоположению первых семи китайских епископов.

По его прибытии в Тяньцзань в 1900 году случился знаменательный инцидент. Пассажиры высадились на берег. Кюре собора Нотр-Дам де Виктуар, встречавший Винцента на пристани, увидел, как тот легко шел по трапу с небольшим чемоданом в руке.

— Что это вы делаете? — довольно сурово спросил кюре.

— Я? Но... — замялся Винцент.

— Отдайте ваш чемодан китайцу. Миссионер не должен носить чемоданы...

О. Винцент подчинился. Он понял, что принадлежит к сословию господ.

В отношениях между христианской религией и европейской политикой царила невообразимая путаница: «Миссионеры опираются на силу Европы и возвращают ненависть, которую та порождает». Антиклерикальная в те времена Франция поддерживала миссионеров как инструмент европейской пропаганды, но возмущалась, если в евангелизации принимали участие миссионеры других стран.

«Психологическая позиция миссионеров по отношению к китайцам довольно сложна. В силу европейской гордости в китайцах видят только одно отвратительное и смешное. Смешно все, что относится к их цивилизации, а китайских язычников наделяют всеми пороками. Впрочем, подобная позиция свойственна не только миссионерам в Китае; ее можно встретить на всех континентах... Если верить тому, что они пишут, каждый обратившийся китаец приходит к Богу прямо из лап дьявола...»

О. Леббе стремится стать китайцем среди китайцев: он изучает китайский язык, одевается как китаец, живет по-китайски. Это приводит к скандалу, насилию над его привычками.

В разгар трудностей, переживаемых о. Леббе, Апостольское послание *Maximum illud* от 30 ноября 1919 года, посвященное распространению веры в современном мире, явилось словно взрывом бомбы. Говоря о туземных священниках, папа Бенедикт XV отмечал:

«Туземные священники не должны быть просто помощниками иностранных миссионеров в их служении... Они должны быть готовы взять в свои руки руководство паствой...».

В 1920 году о. Леббе понял, что епископ Гебриан вовсе не спешит с подготовкой китайских епископов. Он отправляется в Рим, и кардинал Мерсье препровождает его в Секретариат. Во всех инстанциях о. Леббе поднимает вопрос о китайских епископах. «Разумеется, это необходимо, — говорит кардинал, ответственный за распространение веры. —

Если бы в наших странах действовали, как в Китае, мы бы до сих пор были язычниками...». Но ввиду оппозиции со стороны официальных миссионеров необходимо, чтобы первые епископы были людьми выдающимися, чтобы сами их личности явили блистательную поддержку выдвинутому папой тезису, и тогда оппозиция вынуждена будет умолкнуть... Уверены ли вы, что таковые имеются?..»

И тогда о. Леббе называет имена китайских священников. В частной аудиенции папы Бенедикта XV разговор коснулся Послания *Maximum illud*:

— Вам не показалось, что местами это слишком жестко?

— Нет, святой отец, все это истинно и справедливо...

Папа Бенедикт XV умер в 1922 году, и на смену ему пришел папа Пий XI. В 1926 году были поставлены шесть китайских епископов. Так по инициативе Церкви китайцы были облечены высоким достоинством наравне с европейцами. Лишь после пятилетней высылки и бесчисленных протестов о. Леббе вернулся в Китай вместе с китайскими епископами. О. Леббе показал нам два образца поведения, правильно отвечающего на противодействие: абсолютное послушание и настойчивость.

О. Леббе умер в 1940 году, и Китай почтил его как национального героя. Он до конца слился с народом, которому проповедовал Евангелие, вплоть до того, что просил китайского подданства. Коль скоро он хотел создать в Китае чуждую ему Церковь, он прежде пожелал сам стать китайцем⁸⁸.

Позиция *Maximum illud*, настаивающая на особом значении культуры и нравов страны, в которой работают миссионеры, была рекомендована еще в 1659 году, папой Александром XII:

«Не прилагайте никаких усилий и не ищите доводов в пользу того, чтобы убеждать население изменить его обычаи и нравы, если только последние явно не противоречат религии

и морали. Что может быть абсурднее, чем переносить в Китай Францию, Испанию, Италию или любую другую европейскую страну? Приобщайте их не к нашим странам, но к вере, к той вере, которая не отталкивает и не оскорбляет их нравы и обычаи ни в одной стране, если только они не отвратительны, но, напротив, желает их сохранения и защиты. Человеку по природе свойственно желание уважать, любить и высоко ценить любую страну, где он живет, равно как и ее традиции. Вот почему ничто не вызывает больше осуждения и ненависти, чем ломка обычаев нации, особенно тех, которые сложились так же давно, как память о предках. Что будет, если, отменив их обычаи, вы попытаетесь заменить их обычаями своей собственной страны? Потому никогда не сравнивайте уклада этих народов с укладом европейцев; напротив, поспешите к ним приспособиться. Восхищайтесь тем и хвалите то, что достойно хвалы»⁸⁹.

Аббат Моншанен

Это исключительно образованный человек с глубоким чувством милосердия. Он родился во Франции в 1895 году и стал священником в Лионе. После 16 лет служения он осуществляет свое стремление трудиться в Индии, а призыв к этому он почувствовал в глубине души еще в юности. Он вступает в Общество помощи миссиям, которое основали о. Леббе и аббат Боланд для поддержки местных епископов. Уехав в Индию, исполняет обычную работу священника среди бедных — викария и кюре в индийских деревнях. По истечении 10 лет он осуществляет свою мечту — соединяет подлинную жизнь католического монаха с жизнью подлинно индийской. Глубокое знание религиозных и культурных традиций Индии, общение с индусами высших духовных каст убедили его в том, что для принятия индусами христианской Вести необходима созерцательная жизнь, облеченная в индуистские формы.

21 марта 1950 года был открыт новый ашрам⁹⁰, в котором и обосновался Моншанен вместе с присоединившимся к нему бенедиктинцем о. Ле Со. «Нам следует в молчании и терпении неприметно свидетельствовать о том, масштабы, точные очертания и тайный смысл чего мы и сами не знаем, — и, может быть, не узнаем никогда». Особенность его дара была в умении «зарываться», «закапываться»... Заболев раком, он вернулся во Францию и умер в октябре 1957 года

Вот как пишет о нем о. Любак, который был ему близким другом и опорой:

«Святой Дух оформил как созерцательное призвание аббата Моншанена, так и его призвание в Индии, — причем оба они были слиты в одно, — а их глубинным мотивом стало стремление “зарыться”. Он захотел стать тем зерном, которое должно быть зарыто в землю, и ему были хорошо знакомы и смертная тоска одиночества, и асфиксия, когда нечем дышать. Дух давал ему силы принимать такой удел, желать его с верою и несокрушимой надеждой. Он все глубже переживал «великий праздник христианства», парадокс «погребенной Церкви», и подражал Спасителю, последние слова Которого были словами оставленности. В декабре 1946 года аббат говорил Матери Марии Воскресения, заимствуя выражение св. Иоанна Креста: «Давайте углубимся в дебри леса... Да, уметь жить и умереть без единой звезды, загорающейся в сердце, — вот наша миссия»».

Каноник Кардижн и движение Ж.О.К.

Жозеф Кардижн родился в Брюсселе в 1882 году. Родители его были бедны. Ранние годы его жизни, его мать, его отец, его священническое призвание — все это достойно лучших страниц «Золотой легенды». Его Преосвященство епископ Мерсье совершает ординацию его как священника в 1906 году. Ему предстоит преподавать

литературу и математику; он использует каникулы преподавателя для путешествий и для того, что он назвал «социальным апостольством».

В 1912 году Кардижн назначен викарием в Лаекене; с 1915 года он возглавляет организацию социальной помощи в Брюсселе, и за письмо протеста немецкие военные власти на 6 месяцев заключают его в тюрьму.

В этот период Жозеф Кардижн *«мечтает»* — так называл он свое видение будущего:

«Порой я мечтаю об Ордене в миру: апостолы-рабочие, полностью посвятившие себя братьям по работе, любящие рабочих сильной любовью Спасителя...» (1919 год).

Эта мечта, объединяющая его самого с Евангелием и чудесным уловом, встреча с молодыми рабочими и работницами, с Фернаном Томе и Маргаритой Фиеве, разработка *«Анкеты рабочей молодежи»*, включающей 500 вопросов, — все это привело к тому, что получило название «чудо ЖОК» (J.O.C., или просто JOC)⁹¹.

Начиная с 1925 года движение «жокистов» глубоко проникает в апостольскую деятельность Церкви. Именно благодаря ему стало понятно, до какой степени каждый человек, принявший Крещение, является миссионером. На краю света миссионеры, конечно, этим пользовались, но вместе с тем оказалось, что таким краем света может быть и... сосед из дома напротив.

В речи, которую Кардижн произнес перед участниками Недели международных исследований, было сказано все:

«Три основные истины определяют и проясняют проблемы рабочей молодежи во всем мире. Они вдохновляют, обосновывают и направляют движение “жокистов”:

В области веры. Каждый молодой рабочий в возрасте от 14 до 25 лет, как и вообще каждый человек, призван Богом к предназначению вечному и временному: он предназначен быть соратником Творца и Испытателя в вечности и в земной

жизни — в великом деле полного единения всего человечества во Христе и во Святой Троице... Это назначение каждого молодого рабочего без исключения; это цель его существования. Рабочие — не машины и не вьючные животные, а сыновья, соратники и сонаследники Божии.

В области реального опыта. Условия жизни подавляющего большинства молодых рабочих находятся в абсолютном противоречии с их вечным стремлением и временным предназначением. Если в существующих условиях они останутся предоставленными себе самим, то для них будет почти невозможно достигнуть их временного и вечного предназначения. Я повторяю: предназначение вечное не отделено, не находится в стороне от предназначения временного, земного, но воплощается, возрастает, развивается уже здесь, внизу, в предназначении временном.

В области методов. Чтобы привлечь эту массу молодых рабочих к осуществлению их подлинного предназначения, есть только одно средство — вести их в Католическую Церковь. Она организует молодых рабочих, чтобы они, сами действуя в своей среде ради блага каждого, научились помогать друг другу, совершать взаимное служение, чтобы исполнить свое предназначение».

Я знал Кардижна. И воспринял от него два принципа, которые он внушал своим бельгийским «жокистам». Первый из них: «Делай, и сделается само!». Второй связан с тем, что с самого начала «чудо Ж.О.К.» имело своим истоком глубокую мистику:

«Поскольку ты сын Божий, ты не можешь примириться с тем, что брат твой, такой же сын Божий, живет как скотина и терпит оскорбления. Ты должен уважать молодую работницу, потому что она тоже чадо Божие».

В 1926 году в энциклике *Rerum Ecclesiae* папа Пий XI продолжил и внедрил в жизнь положение, которое провозгласил еще папа Бенедикт XV: миссия (в самом широком смысле слова) относится к самой сущности Церкви:

«Ибо Церковь существует лишь для того, чтобы приобщить всех людей к благодати спасения через Искупление и распространить Царство Христово на весь мир».

Перечислив миссионерские обязательства всех христиан, он предписал руководителям миссий открывать повсеместно семинарии для подготовки священников и иерархов на местах:

«Священники местного происхождения должны стать со временем руководителями Церквей, основанных нашими усилиями и вашим потом, пастырями христианского народа будущего» (п. 24).

По той же причине папа Пий XI рекомендует основывать в различных странах местные катехизаторские и созерцательные религиозные конгрегации.

В 1951 году в энциклике *Evangelii Praecones* папа Пий XII напомним путь, пройденный за 25 лет, истекших после *Rerum Ecclesiae*: с 400 миллионов человек — до 600 миллионов, с 15 миллионов католиков — до 28 миллионов; за 25 лет 88 миллионов вверены местному духовенству и епархии переданы местными епископам.

Папа снова повторяет основную мысль Церкви:

«Цель миссий, как известно, состоит в том, чтобы возжечь среди новых народов истину христианства и привлечь новых христиан. Но конечной целью, к которой всегда должны стремиться миссии и которую они всегда должны иметь в виду, является прочное и окончательное укоренение Церкви среди новых народов, с собственной иерархией, состоящей из местных жителей».

Именно в этой перспективе следует перечитывать *Ecclesiae Sanctae* («Святая Церковь», Рим, 1966) — замечательный документ, в котором папа настаивал на участии мирян:

«Задачей епископальных конференций является изучение новых путей, посредством которых все верные, христиане,

различные миссионерские институты должны проникать в окружающее их население и его группы...».

Текст говорит о «закваске в тесте» и настаивает на уважении местных нравов и обычаев. Таким образом, главной задачей является основание Церкви (а не только проповедь Евангелия), но непременно через возвешение Евангелия (а не с помощью случайных средств).

Нужно хорошо усвоить, что Царство Божие покоится на Слове: Слово Божие есть универсальный принцип всего Царства Христова. Недопустимо, чтобы материальные методы заглушили действие Слова (вспомните притчу о сеятеле).

В подлинной миссионерской работе всегда есть два аспекта, трудных, но необходимых: приведение неверующих и маловерующих к Свету Христову и созидание из новообращенных Церкви.

Две основные ошибки могут совершать евангелизаторы: они либо пренебрегают проповедью Евангелия в связи с повседневной заботой о своих подопечных, либо же довольствуются поверхностным и беспорядочным распространением Слова Божия, в результате которого христианизированный народ не превращается в единое Тело.

«Миссия — это проповедь Евангелия, приводящая к основанию Церкви»⁹². Это определение хорошо подчеркивает двойную направленность, о которой я говорю. Из этого следует, что миссия всегда находится в «промежуточном» состоянии и миссионер всегда испытывает напряжение. И действительно, миссионер всегда разрывается на части.

Так или иначе, Церковь ширится везде и усилием всех: ее рост никогда не будет какой-то специализированной функцией, растет целостное существо, которое само содействует своему росту. Конечно, миссионеры необходимы, но все христиане, уже через само Крещение, становятся миссионерами. Все Тело Христово возвещает Иисуса Христа, Господа нашего, ведущего нас к Отцу.

Из этого обзора с высоты спутника, запечатлевающего в одном фотографическом кадре целый континент, я хотел бы вывести одно жизненное заключение, а именно — непредсказуемость действий Бога. Мы часто повторяем, что у Бога *«тысяча лет как один день»*, что *«Мои мысли — не ваши мысли, ни ваши пути — пути Мои»* (Ис 55, 8), а также, что как «небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших» (там же), но в реальной жизни и наших собственных планах мы это не принимаем в расчет. Нам возразят, что трудно предвидеть непредсказуемое, особенно когда за ним стоит Сам Бог, несоизмеримый с нами. Все это так, но для христианина вера в Божественную непредсказуемость имеет название — это надежда.

Оттого, что во времена Французской революции некоторые мужчины и женщины верили вопреки всякой надежде, Господь смог воспользоваться ими для возрождения миссий в XIX веке. Отец де Клоривье, вынужденный скрываться от преследований во времена Террора, интернированный по приказу Фуше во времена Империи, положил начало новому типу религиозной жизни и основал под влиянием событий и обстоятельств две конгрегации абсолютно нового типа.

Можно было бы также назвать аббата Кондрена, основавшего в 1801 году, в разгар Террора, конгрегацию, которая впоследствии евангелизировала Австралию, Чили, Эквадор. А сколько новых конгрегаций родилось в Анжу, Вандее, Бретани из групп молодых девушек, которые прятали отказавшихся от присяги священников. Эти конгрегации возникли в деревнях и впоследствии отозвались на зов далеких миссий. И, наконец, мы уже видели этих предтеч, столь не похожих друг на друга, которые, подобно перелетным птицам, продвигались к непредвиденной и непланируемой цели.

ГЛАВА 17. ОПЫТ ЦЕРКВИ ПОСЛЕ II ВАТИКАНСКОГО СОБОРА

II Ватиканскому Собору надлежало связать в один пучок все эти ростки, несущие возрождение.

Но сначала я хотел бы подчеркнуть важность одного из наших основных способов отвечать на вызовы жизни — нашего понимания значения истории.

Шарль де Фуко, Моншанен, Кардигн, Леббе и многие другие позволяют нам оценить новизну решений Собора и осознать, на какой закваске поднялось «тесто», которое теперь мы все вместе и представляем.

Кроме того, они помогают нам увидеть, в каких направлениях следует развивать решения Собора, оставаясь верными ему. Не для того, чтобы закостенеть и судорожно держаться за эти решения, но чтобы, продвигаясь вперед, не делать это как придется.

Я приведу одно неизданное письмо о. Жана де Мена-са, заслуживающее внимания и размышления. В нем сочетаются высокая мудрость и неординарная практичность:

«В целом, как мне представляется, нужно всегда стремиться к тому, чтобы миссия выполняла всю совокупность своих задач, не пренебрегая ни одной из них, но только временно откладывая ту или иную под влиянием неотложных обстоятельств.

Так, я вовсе не считаю бесполезным или неуместным внедрение христианских идей в область естественного права,

и нередко такая работа оказывается единственно возможной на протяжении долгого времени. Но если при этом хоть на мгновение забыть, что эта задача подчиняется всеобъемлющей проповеди Вести во всей ее полноте, которую принес Христос, то, я думаю, мы уклонимся от нашей задачи, если ничего не сделаем для возвещения Вести в той ее полноте, о которой неверующие и не ведают.

Напротив, если распространение Божественного Откровения не сопровождается реальным и действенным разъяснением того, как это Откровение наполняет всю жизнь человека, если христианская жизнь только проповедуется, а не осуществляется в ее захватывающем динамизме (и свободе!), то и в этом случае задача не будет исполнена.

Конечно, всегда остается относительная специализация, но все труженики этого поприща должны осознавать, какова ее роль в соотношении со всем остальным.

Что огорчительно в жизни христиан, так это их недостаточное понимание целостности и всей иерархии ценностей. Когда они «открывают» одну из ценностей, они тут же отбрасывают все прочие, объявляя их устаревшими. В этом один из самых хитрых, удачно придуманных и результативных капканов дьявола, ибо увлечение одной ценностью приводит к... забвению всех остальных.

История Церкви необъятно богата, но ею пренебрегают самым ужасающим образом, считая ее делом эрудитов и кабинетных ученых. А потому повторяют одни и те же ошибки и теряют время, которое можно было бы выиграть. Но ведь таков ритм мира сего, с его провалами памяти и враждой поколений. Это вовсе не ритм человека, слушающего Духа Святого и сохраняющего в сердце Его слово. Это какое-то «фрагментарное» движение вперед, но отнюдь не созревание».

Мы подошли ко II Ватиканскому Собору. Обращение к его материалам позволяет нам войти в его конкретный опыт и заново открыть для себя, сколь непредвиденным и необычайным стал путь к составлению таких документов,

как *Lumen gentium* («Свет народам») и *Gaudium et Spes* («Радость и надежда»). Здесь мы увидим Церковь в ее непрестанном духовном обновлении.

I. НОВИЗНА ДОГМАТИЧЕСКОЙ КОНСТИТУЦИИ «СВЕТ НАРОДАМ»

Что такое Церковь? После Собора ответ на этот вопрос очевиден: Церковь — это Народ Божий в братском общении. А между тем, 25 лет тому назад в ходу было совсем другое определение. Возьмите любой катехизис того времени, и вы найдете следующие слова о Церкви: «Общество, основанное Иисусом Христом, управляемое папой и епископами под руководством папы».

Между этими двумя определениями нет прямого противоречия, но разница в расстановке акцентов бросается в глаза. Как это объяснить? Обратимся к истории.

В Средние века теология не испытывала потребности в специальном определении Церкви. О Церкви говорили как о вещи самоочевидной, и она присутствовала в понимании всех как тайна Веры. Так, в «Сумме теологии» св. Фомы Аквинского нет ни одной главы, посвященной Церкви, но при этом Церковь присутствует везде и во всем: говоря о Христе, св. Фома характеризует Его также и как Главу Тела, Которое есть Церковь.

Наступила Реформация со всеми ее проблемами и противоречиями. Лютер нападает на церковную иерархию. В порядке естественной защитной реакции католическая мысль впервые пытается объединить все, что она знает о Церкви, в согласованную систему. И поскольку атака была на авторитет Церкви, система эта строилась вокруг такой центральной идеи, которая позволила бы подвести под этот авторитет прочную базу. Такой центральной идеей стало *общество*.

Определение Церкви как общества, само по себе вполне правомочное, возникло, как мы видим, в совершенно конкретных исторических условиях. Но когда мы говорим об обществе, оно предстает перед нами прежде всего во всем своем юридическом аспекте и со всей соответствующей законам практикой управления обществом, с определенными условиями, необходимыми для того, чтобы стать его членом, и т. д.

Так сложилась — и это опять-таки вполне естественно — определенная взаимосвязь социальной жизни Церкви, да еще в условиях бурь, которые она тогда переживала, с тем, как она стала себя понимать. Плохо здесь то, что такое определение стало руководящим для многих поколений христиан в ходе всей дальнейшей эволюции Церкви и ее пастырства. Екклесиологическая мысль развивалась в атмосфере полемики, и основные ее проблемы были отнесены к сфере апологетики. Вспомните, какие вопросы были тогда поставлены как основные: кто является членом подлинной Церкви, каким он должен быть, как им стать, кто ею управляет? Юридические эталоны человеческого общества неосознанно взяли верх и стали образцом для представления о Церкви. Такое положение сохранялось примерно до 1920 года. К этому времени обнаружились два новых обстоятельства, благодаря которым пролился новый свет на теологию Церкви, а именно — возрождение библейских исследований и новый живой опыт апостольства.

• *Возрождение библейских исследований.* Благодаря усилиям о. Лагранжа (1856–1938) и других пионеров экзегетики библейская мысль мало-помалу возобладала над апологетикой⁹³.

Глубже исследуя Ветхий и Новый Завет, богословы обнаружили, что Церковь есть нечто гораздо большее, чем просто «общество». Это подтвердили исследования святоотеческой литературы и успехи позитивной теологии.

Были вызваны к жизни новые образы, — впрочем, очень древние и традиционные. И впоследствии II Ватиканский Собор воспользовался ими в конституции «Свет народам». Так, например, Евангелие сравнивает Церковь с Отчим домом, со стадом, которое ведет Единый Пастырь; овцы знают своего Доброго Пастыря Христа и следуют за Ним. В другом месте Церковь представлена как возделываемое поле; или же как виноградник, в котором Виноградарь — Христос; или как смоковница, на которую Бог прививает новую ветвь — Христа. Третья серия образов: Церковь — средоточие Домостроительства Божия, Храм Божий, Его обитель, Святой Град, она же — Небесный Иерусалим. В этом граде и храме есть краеугольный камень, отвергнутый строителями, — Иисус. Как велико богатство этих образов! Вся Библия, весь Ветхий и Новый Завет говорят об этом. Эти образы постепенно пропитывали христианское сознание.

• *Новый живой опыт апостольства.* Наступает 1927 год. «Революция Ж.О.К.». Благодаря этому новому опыту перед христианами постепенно раскрывается огромная проблема роли мирян. Миряне должны занять надлежащее место в Церкви. Перед ними, а не только перед священниками и епископами, стоит миссионерская задача. Начинает ощущаться радикальный сдвиг Постепенно католики начинают выходить из своей «крепости», выстроенной для защиты от Реформации.

И тогда, под влиянием библейских исследований и апостольского опыта, начинает складываться новый образ Церкви. Он все более и более соответствует великой идее апостола Павла о Церкви как мистическом Теле Христовом. Эта идея, наконец, официально закрепляется папой Пием XII в его знаменитой энциклике *Mystici Corporis* («Мистическое Тело»), в которой папа утверждает, что мистическое Тело лежит в основе Тайны Церкви.

Конечно, идея мистического Тела была сопряжена с известными неудобствами: так, например, снова напоминала о себе угроза соскальзывания с понятия «живого тела» к понятию «социального тела», «корпуса» (вспомните о «дипломатическом корпусе»). Однако, когда речь шла о мистическом Теле, всячески подчеркивалась важность всех членов этого Тела, и именно это и подготовило путь великим деяниям Собора.

Церковь, Народ Божий

Нужно подчеркнуть, что, несмотря на все приготовления, на Соборе произошло нечто чрезвычайное. Перед тем, как собрать всех епископов, папа Иоанн XXIII предложил им прислать ему перечень всех проблем, которые, по их мнению, должны быть обсуждены. В результате накопилась целая картотека вопросов, среди которых, разумеется, ставилась и проблема Церкви как таковой.

Но как только епископы встретились на Соборе, Ассамблея неожиданно приняла направление, которое лишь очень отдаленно соответствовало подготовленной ранее схеме. Епископам сразу же предстала очевидность: Собор вел Кто-то Другой. Вот что рассказывал нам архиепископ Тулузский, будущий кардинал Гаронне:

«Мы поняли, что Собор есть дело Божие, что Церковь поддерживается Духом Святым и что это — вопрос веры. Мы поняли, что ведет Бог, а не мы, епископы».

Епископы испытали в самом прямом смысле слова действие силы, превосходящей их собственную. Кардинал Гаронне добавляет:

«Действовала сила, но не сила большинства над меньшинством, а сила, приходящая извне. Никто не знал, как будет протекать Собор, и ход его соответствовал не тому, что было задумано, а тому, что Господь пожелал нам повелеть».

Так возникла центральная идея Собора, которую никто не готовил и не ожидал: Церковь есть Народ Божий. Поистине, это было Слово, почти предписанное епископам помимо их воли.

В документе Собора «Свет народам» идея Народа Божия изложена во второй главе. Церковь представлена не только как общество, пусть духовное, которое зафиксировано раз и навсегда, а как живая реальность, во все исторические эпохи проникающая как связующая ткань в жизнь человечества. Именно такое понимание Народа Божия предстало перед епископами. Эта идея была развита в трех направлениях (я цитирую по моим запискам то, что сказал кардинал Гаронне своим священникам)⁹⁴:

- *Внутреннее единство Церкви.* Образ Народа Божия выправляет то, что было слишком жестким в определении Церкви как общества. Народ — это единство в разнообразии. Это народ, собранный вокруг Христа, Который и создает его единство.

Образ Народа Божия смягчает также и то, что было слишком жестким в пирамидальной иерархической концепции Церкви. Христиане, все христиане — это люди, которые вместе движутся к Царству Божию, и их отличительным признаком является принадлежность ко Христу. Место, которое они занимают в своем Народе, степень достоинства, которым они временно облечены, в конечном счете не имеют существенного значения. Прежде всего важна жизненность Народа Божия.

И сама Церковь — это прежде всего не папа с его епископами, а единый Народ Божий; епископы же, как и сам папа, являются его членами (коллегиальность).

- *Единство Церкви во времени.* Народ Божий живет во времени, и все его прошлое ему дорого. История Авраама, Моисея, Исхода, Плена — это история народа, к которому и я тоже принадлежу. То, что каждый из нас переживает сегодня, станет частью его истории.

Ветхий Завет завершается в Новом Завете, который продолжается в истории Церкви. Никакого разрыва нет. Единство народа в истории создает Христос; весь народ Ветхого Завета шел ко Христу, а со Христом родился народ Нового Завета. Народ, родившийся когда-то в пустыне, близок Церкви, «странствующей» в Коринфе или Эфесе во времена апостола Павла или же в Монреале и Киншасе сегодня. Таково историческое измерение Церкви. Церковь зависима от времени и истории и может вести диалог с миром.

• *Единство Церкви в пространстве.* Во времена Собора епископы остро пережили кафоличность Церкви. Под куполом Собора св. Петра в Риме встретились все народы и расы, все культуры и традиции. Епископы развитых стран, в особенности европейцы, почувствовали, что они не одиноки в мире. И тогда они осознали, что допустим богословский язык — не вполне традиционно католический, а также что им придется расширить свой образ мысли. Когда говорят «Народ Божий», имеют в виду реальность более гибкую, нежели общество в строгом смысле слова. Идея Народа предполагает, что «разномыслящие» («еретики») не являются чужаками. «Я принимаю тебя таким, какой ты есть...». Сам Бог внушил Собору такое сознание.

Таким образом, тройное единство Церкви, а именно единство во времени, в пространстве и внутри себя, сжато выразилось на Соборе в представлении Народа Божия. Это представление приобрело большое значение в современной теологической мысли и глубоко укоренено в Священном Писании. Апостол Петр повторял в этой связи древнейшие тексты Исхода:

«...род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвестить совершенство Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет; некогда не народ, а ныне народ Божий; некогда непомилованные, а ныне помилованы» (1 Пет 2, 9-10).

А вот тексты из Исхода и из Пророка Иеремии, связующее звено между Ветхим и Новым Заветом:

«...итак, если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов, ибо Моя вся земля, а вы будете у Меня царством священников и народом святым» (Исх 19, 5-6).

«Вот завет, который Я заключу с домом Израилевым после тех дней, говорит Господь: вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом» (Иер 31, 33).

Итак, этот Народ имеет (см. «Свет народам», 9):

- Главу: Христа;
- членов: людей свободных и достойных, в которых обитает Святой Дух;
- закон: новые заповеди;
- цель: Царство Божие, уже начавшееся на земле с приходом Иисуса Христа, которое должно распространиться до пределов земли и завершиться в Боге.

В свете сказанного церковные тексты обретают отныне свое самое полное значение. Так, Декрет о миссионерской деятельности *Ad gentes* («К народам»), 15, гласит:

«Каждый христианин должен возвещать Христа, Слово Божие. Весь Народ Божий, целиком, должен осуществлять задачи, вверенные ему Богом, — священническую, пророческую и царственную; Церковь призывает христиан, посвятивших себя служению, миссионеров — соратников Божиих, — создавать общество верных, ведущих жизнь, достойную обращенного к ним призыва».

II. ЦЕРКОВЬ — НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ

Мы рассмотрели историю и цели Народа Божия. Но зачем же добавлять «в братском общении»?

На склоне лет кардинал Журне давал Церкви следующее, совсем простое определение: «Малое стадо, огромный народ...» Церковь — это народ, собранный Христом для приобщения к жизни, к любви, к истине; это народ, который в руках Христа должен стать инструментом искупления всех людей.

Но для того, чтобы народ этот укоренился и обрел жизнь среди людей, он должен пребывать в *братском общении*. Если идея Народа Божия отводит и сохраняет Церковь от триумфализма⁹⁵, это не означает, что возобладали массовость. Церковь — отнюдь не масса, в которой теряется личность. Церковь не должна подавлять своих членов, и потому так важно подчеркнуть значение братского общения.

Угроза забвения этого аспекта общения крайне велика. Привести в действие хорошо организованный Народ Божий... а все остальное — побоку. Прислушайтесь к голосу крупного африканского юриста, члена международной Римской комиссии: «Священники — это уже не те люди, которые живут в соответствии со словами «Идите, научите все народы». Призыв этот превратился у них в: «Придите, чтобы я научил вас». Они уже не странствуют с бедными по холмам и долинам; они остаются в своих каменных долинах, куда люди приходят, чтобы увидеть их».

В своем выступлении от 2 июня 1970 года (*Doc. Cath.*, 21.06 1970) папа Павел VI определил общинный дух как одно из величайших достижений Собора:

«После Собора одной из основных характеристик в духовном формировании христианина бесспорно становится дух общинности.

Тот, кто принимает дух и путь послесоборного возрождения, чувствует на себе действие новой педагогики, обязывающей его понимать и осуществлять его религиозную, нравственную и социальную жизнь как функцию той церковной

общины, к которой он принадлежит. Все, что было сказано на Соборе, касалось Церкви; но ведь Церковь — это Народ Божий, это мистическое Тело Христа, это сопричастность (общение)...

Недопустимо забывать об этой жизненной реальности, если мы хотим быть христианами, католиками, верными.

Христианская жизнь больше не может выражаться как индивидуалистическое выражение отношений между человеком и Богом, между христианином и Христом, между католиком и Церковью. Ее нельзя больше считать частным делом, жизнью автономной группы людей, которые отделены от великого церковного общения, находят удовлетворение внутри своей группы и избегают соприкосновения с другими — как иерархами, так и коллегами или верующими, далекими от того сознания исключительности, которое свойственно замкнутым группировкам, устремленным на себя.

Дух общинности формирует необходимую для христианина атмосферу. Собор напоминает о важности такой атмосферы для христианской религиозной жизни.

Приверженность к общинному духу отнюдь не снимает необходимости личного усилия, ибо вера есть дело нашей свободы. Она не отменяет также и потребности в специализированных религиозных институтах, духовных семьях, которые должны оставаться такими, какие они есть, и при этом участвовать во всеохватывающей церковной общности. И уж тем более не упраздняется роль местных церквей, находящихся свое естественное место в этом универсальном общении.

Послушаем еще раз, что говорит папа Павел VI:

«Церковь, ставшая после Собора более живой и светоносной, представляется сегодня и более общинной, чем прежде. Если Церковь есть братская общность, то что это означает? В чем динамизм этого определения? Если Церковь

есть общность, она непременно полагает своей основой равенство, признание личного достоинства каждого, общее братство; она означает также все возрастающую солидарность (Гал 6, 2); она предполагает еще и дисциплину, послушание и лояльное сотрудничество; в ней же — совместная ответственность и возрастание общего блага. Но она вовсе не требует всеобщего равенства; напротив, должностные различия должны быть в церковной общине, которая имеет границы, иерархичный порядок и представляет собой целостное тело с четкой дифференциацией функций» (ibid.).

Церковь есть общность. Как говорил о. Любак: «В Церкви мы — не отдельные кусочки, мы — члены». Члены одного Тела, живущего общей жизнью, единые со Христом, мы составляем троякую общность: общность в вере, общность в Духе, которая разрушает индивидуалистическую погруженность в себя, общность с иерархией, которую заповедал Христос. Бог внутри нас есть основа нашей жизни. Он есть свет, правда и любовь: все это должно конкретизироваться, обозначиться, стать в нашем братском общении тем светом, который виден людям. В конечном счете наш союз с Богом проявляется в вере и братской любви.

Общность составляет великую реальность Церкви. Для всех христиан она — фундаментальна.

Но что же именно означает слово «общность» (communio)? Это разъяснит нам его этимология, ибо оно не означает «объединение» (commune-union), как обычно думают. В действительности, это слово происходит от двух латинских слов — *сит* и *типис*, которые означают «с» («вместе») и «долг», «функция». Таким образом, слово это выражает идею совместного долга. В таком случае «общность» возникает в результате совместного несения тягот. Вспомните слова апостола Павла, обретающие здесь новый и полный смысл: «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов» (Гал 6, 2).

Но нужно пойти еще дальше. Латинское слово *Munus* имеет другой смысл, если стоит во множественном числе: в этом случае оно обозначает дары, подарки, получаемые от кого-либо. И поэтому слово *communio* одновременно обозначает и совместно несущих бремя, и совместно получающих дары. Мы, христиане, совместно получаем дар Христов, самый большой подарок, совершенный дар милосердия Божия — дар Духа Святого. «Если бы ты знала дар Божий...» — говорил Иисус самарянке.

Причастие Духа Святого открывается нам как безграничный дар источником которого является Христос, причем дар этот одновременно обязывает нас к исполнению общего долга — сделать все народы учениками Христовыми.

О Святой Троице и миссионерском служении

Если Собор ярко осветил значение Народа Божия в его движении через пространство и время мировой истории, то равно он оживил во всей его поразительной силе действие еще одного принципа, укорененного в Самой Пресвятой Троице.

Миссия в наши дни, как и во все времена, ведет свое начало от «внутренней миссии» Троицы. По этому поводу следует внимательно и без спешки перечитать первую главу декрета *Ad gentes*, озаглавленную «О вероучительных принципах».

Прежде всего, миссия в своих истоках восходит к Отцу, Который есть «начало любви». Отец призывает Свои создания разделить Его жизнь и Его любовь не порознь, а всем народом, собранным воедино (*Ad gentes*, 2).

Этот Замысл Бога реализуется не только тайно, в душах людей, но и явно, путем вмешательства в человеческую историю. Потому что Бог послал в мир Сына Своего Единородного, во плоти человека. Все сказанное Иисусом и сделанное Им «нужно возвестить и распространить

до края земли ...чтобы осуществленное Им однажды ради спасения всех принесло свои плоды во всех людях на протяжении веков» (*Ad gentes*, 3).

Для реализации Своей Миссии Иисус приобщает действие Духа Святого: «Христос посылает исходящего от Отца Духа Святого, чтобы Он совершал Свое спасительное дело изнутри и побуждал Церковь к ее распространению» (*Ad gentes*, 4).

Наконец, для продолжения Своего дела Христос пожелал не оставлять людей. Он избрал из них Двенадцать, чтобы они проповедали имя Его, и всегда пребывал с ними. Он послал их по всему свету возвещать людям Благою Весть и, таким образом, «основал Церковь как таинство спасения». В этом выражен еще один призыв к объединению в Церковь, в Общину (*Ad gentes*, 5).

Конечная цель миссии, гласит п. 5 того же документа, состоит в том, чтобы «в полной мере явить действенное присутствие Церкви всем людям и народам, чтобы примером жизни и проповедью, таинствами и сего обращать, но о том, чтобы обеспечить присутствие Церкви, «развитие» видимой Церкви там, где ее еще нет, и предоставить всем людям доброй воли те средства, которые дал нам Бог (Таинства, Слово, а прежде всего — добрый пример).

Миссионерская деятельность не ставит своей целью полное обращение той или иной страны. Но Церковь будет действительно укоренена лишь тогда, когда появится местное духовенство. И потому нам нетрудно понять аббата Годена, который говорил в период основания миссии в Париже: «Мы не те, кто обращает, мы — строители Церкви».

Кроме того, рост Церкви в какой-либо стране не является чьей-то особой задачей: все христиане — миссионеры. Все Тело Христово участвует в возвещении Господа нашего Иисуса Христа, ведущего нас к Отцу.

Обо всем этом кратко и выразительно высказался папа Павел VI во время чествования Полины Жарико, которая основала в 1819 году в Лионе Общество распространения веры и которая, по ее собственному определению, была «первой спичкой, зажигающей костер».

«Конечная цель миссионерской деятельности состоит в том, чтобы нести людям свет веры, обновить их через Крещение, присоединить к Церкви, к мистическому Телу Христа, научить их христианской жизни, вселить в них надежду на вечную жизнь.

Это значит, что евангелизация должна обеспечить открытое возвешение Иисуса Христа или, во всяком случае, стремиться к этому. Мы, верующие, не могли бы себе представить миссионерскую деятельность, для которой земные реальности составляли бы главную и единственную цель и которая упускала бы из виду свою основную задачу.

Короче говоря, миссионерская деятельность сохраняет в качестве своей основной цели евангелизацию и созидание Церкви» (*Папа Павел VI. Послание Международной конференции миссионеров, 1972*).⁹⁶

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня одно слово срывается с уст каждого христианина, к какому бы лагерю он ни принадлежал: это слово — кризис.

Действительно, кризис, если только мы придаем этому слову его первоначальный медицинский смысл, — это тот решающий момент, когда тяжелое заболевание претерпевает перелом либо в сторону фатального исхода, либо в сторону выздоровления.

И потому нам следует вспомнить о тех несчастных людях в евангельские времена, о тех слепых, расслабленных, бесноватых, «одержимых нечистым духом», которых исцелял Спаситель. Это совершалось не безболезненно, не без криков и судорог. Сатана чувствовал свою силу. Но он был изгнан Сильнейшим.

Мы должны верить в эту Божественную силу, которая действует в мире. Это не означает, что все тревоги и сомнения должны исчезнуть.

Спаситель говорил как раз противоположное, но при этом добавлял: *«Мужайтесь, Я победил мир»*.

Исцеляя больных, Иисус ставил лишь один решающий вопрос: *«Веруете ли, что Я могу это сделать?»*. *«Они говорят Ему: ей, Господи! Тогда Он коснулся глаз их и сказал: по вере вашей да будет вам»* (Мф 9, 28-29). Это призыв к вере, которая богата надеждой, которая порождает «надежду вопреки всякой надежде».

Поднявшись над всеми распрями и идеологическими разногласиями внутри наших старых западных Церквей, я хотел бы закончить напоминанием о нерушимом и неопровержимом знамении надежды: это Слово Божие, которое не удалось задавить ни одному режиму.

Слово имеет свою новизну, когда оно падает в нетронутые сердца или, вернее, перестает быть «засохшим деревом», превращаясь в молодую ветвь в виде новых Церквей Африки, Азии и Латинской Америки.

Жан-Марк Эла, камерунский священник, рассказывал нам недавно о значении Исхода для Африки, где он живет бок о бок с местными людьми. Казалось бы, как современные африканские жители могут постигнуть это повествование из древнейших времен? И вот он обнаруживает, что камерунские мифы, рассказывающие об отношениях Бога и людей, при всем их разнообразии содержат одну общую основу: некогда люди, может быть, по нерадению совершили нечто, что рассердило Бога, великого истинного Бога.

Так, например, одна женщина где-то в саваннах растирала зерно и, подняв слишком высоко свою палку, стукнула ею по небу. Или так: племя, жившее в лесах, услышало повеления Божия: *«Не двигайтесь, пока я не вернусь»*. Но поскольку один из них умер, они задвигались, чтобы похоронить умершего. И Бог рассердился.

Наивность этих легенд не должна вызывать у нас усмешки, ибо они рассказывают о драме: Бог оставил, покинул мир, непоправимо разорвав все возможные связи между собой и людьми.

Добавлю только, что Аристотель тоже не видел никакой любви между Богом как Чистым Актом и тварью. Жан-Марк Эла видит здесь — а он хорошо в таких вещах разбирается — глубокую подсознательную черту африканской души. Потому-то она и обращается к фетишам...

Но вот появляется Бог Исхода. *«Я увидел страдание народа Моего и услышал вопль его от приставников его»*, — говорит Он.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эти слова звучат в Африке как неслыханная Благая Весть, как неожиданное чудо!..

Итак, Бог — это Тот, о Котором сказано: *«Сегодня видели мы, что Бог говорит с человеком»*. Бог включается в историю, становится Богом, *«Который вывел тебя из дома рабства»* (Втор 5, 6). Это Бог, вернувший нам свободу, подготовивший Воскресение Иисуса Христа из мертвых.

Слушая Жана-Марка, я говорил себе, что и мы, на Западе, недалеко от того времени, когда связь с Богом так ослабевает, что Благая Весть, возвещенная горсткой христиан, верящих, что Богу есть дело до людей, засияет как солнце, поднявшееся над ледяной пустыней вечной ночи. Но это будет лишь при одном условии: если христиане не превратятся в экзальтированных фанатиков или в отшельников, бегущих от мира.

«Будьте Моими учениками» — слова эти звучат ясно. Это — призыв и это — повеление. *«Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод, и чтобы плод ваш пребывал»*.

Можно очень просто отказаться от ответа. Может не хватить мужества, можно предпочесть похоронить сначала своих мертвецов. Можно, сказав «да», все же не пойти в виноградник или покинуть его. Так было с Иудой, но так было и с Петром, — а с кем из нас не было?

Но Крещением мы привиты ко Христу, Он — лоза, а мы — ветви. Значит, единственной подлинно правильной позицией для нас является позиция ученика, а также постоянное сосредоточение разума на том, что же означает быть в состоянии ученика, который услышал слова Учителя и сохраняет их в сердце своем, а не только в голове.

Из этого следует, что ученик не может иметь иного стремления, как только верно отражать в своих поступках и чертах Того, Кто сказал: *«Один у вас Учитель»* (Мф 23, 8).

Он — ученик, постоянно проходящий евангелизацию, чтобы стать учеником-евангелизатором: *«Идите, научите все народы... соблюдать все, что Я повелел вам»* (Мф 28, 18-19).

Он — ученик, постоянно слышащий слова Господа: *«Вы же свидетели сему»* (Лк 24, 48).

Он — свидетель во всех возможных значениях этого слова: он удостоверяет то, что видел и слышал; он — опознавательный знак, установленный на стене или в поле, само присутствие которого уже определяет положение на местности; он, наконец, — факел, который передают друг другу участники эстафеты.

«А они пошли и проповедали везде».

«Везде» — и вот призыв древнего пророка становится последним словом современности:

Распространи место шатра твоего,

Расширь покровы жилищ твоих;

*Не стесняйся, пусти длиннее верви твои
и утверди колья твои.*

Ибо ты распространишься направо и налево,

и потомство твое завладеет народами

и населит опустошенные города. (Ис 54, 2-3)

Господи! Дай нам веру, и да сдвинется гора нашего неверия!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Библейские цитаты, за исключением особо оговоренных случаев, приводятся по синодальному переводу. — *Прим. перев.*

² Известный французский романист и журналист, много писавший в 40-е годы о жизни бедняков, беспризорных детей и пр. — *Прим. ред.*

³ «Во что я верю» (*Ce que je crois*, Grasset). — Это и все последующие примечания, за исключением особо оговоренных, принадлежат автору.

⁴ Слова «проклят будь, Иисус» («анафема Иисус», в синодальном переводе: «анафема на Иисуса») есть в тексте 1 Кор 12, 3. — *Прим. ред.*

⁵ Жак Маритен (1882–1973) — один из самых известных католических философов XX века, французский неотомист. Он творчески переосмыслил наследие св. Фомы Аквинского не только для того, чтобы дать ответы разумной веры на современные философские искания, но и для решения под знаком вечности и высшей истины проблем культурной, духовной и социально-политической жизни. С некоторыми работами Маритена в переводе на русский можно ознакомиться по книгам: «Философ в мире» (М., 1994) и «Знание и мудрость» (М., 1999). О. Жак имеет в виду, судя по всему, книгу Маритена «Бог и попушение зла» (Maritain J., *Dieu et la permission du mal*. P., 1963). — *Прим. ред.*

⁶ *Au seuil du Rocher*, Alsatia. P. 83. В том же ключе задумаемся над Псалмами, в частности, над Псалмом 33, который в Иерусалимской Библии обозначен как «Гимн Провидению». Иерусалимская Библия, *La Bible de Jérusalem*, часто привлекаемая о. Жаком, — результат долгой работы группы католических ученых из французского Библейского института в Иерусалиме, которые дали новый, тщательно продуманный перевод книг Священного Писания с оригинальных языков и снабдили его основательными комментариями и справочным материалом. Впервые она появилась в 1966 году на французском, а затем и на некоторых других европейских языках. Широко использовалась для литургических целей и для личной духовной работы. Впоследствии появились пересмотренные версии. На русском языке Иерусалимской Библии (в дальнейшем — ИБ) нет, но часть ее приложений была использована в издании:

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Брюссель: Жизнь с Богом, 1983 и 1988. — *Прим. ред.*

⁷ Солженицын А. Публицистика. Статьи и речи. Вермонт — Париж: YMCA-Press, 1989. С. 16-17.

⁸ Там же. С. 17.

⁹ Там же.

¹⁰ *Doc. Cath.*, n° 3, 6.02 1977.

¹¹ *Doc. Cath.*, n° 1, 2.01 1977.

¹² Следует ознакомиться с горьким по содержанию, но прекрасно выполненным номером журнала *Unité des Chrétiens* («Единство христиан») за январь 1977 года, специально посвященным пыткам.

¹³ Солженицын А. Цит. соч. С. 22.

¹⁴ Там же. С. 17-18.

¹⁵ Там же. С. 18.

¹⁶ См.: Франс Леспри. Ад, из которого я приехала (France Lesprit, *L'enfer d'où je viens*. Cerf).

¹⁷ *Vingt mois à Auschwitz*, Nagel éd. P. 61.

¹⁸ *La France étrangère*. Éditions S.O.S.

¹⁹ Жан Лаббенс. Четвертый мир. См. предисловие о. Юзефа Брежинского (Jean Labbens, *Le Quart Monde*, Éditions Science et Service. Pp. 12, а 16).

²⁰ Кардинал Сюар был в годы Второй мировой войны архиепископом Парижским. Курировал движение рабочих-священников и Рабочую миссию во Франции. — *Прим. ред.*

²¹ Пастырское послание «Чувство Бога» (*Le sens de Dieu: Lettre pastorale*, 1948).

²² Леон Блуа (1846-1917) — известный французский католический писатель, философ и публицист, решительный оппонент буржуазности в общественной и религиозной жизни, борец за то, чтобы Церковь защищала права тружеников и бедняков в обществах, где их нещадно эксплуатируют. Именно Иисус Христос должен быть в центре подлинной духовной жизни и духовной работы христиан, настаивал Блуа, — Тот Самый Христос, Который был бедняком и тружеником в Своей земной жизни. — *Прим. ред.*

²³ «Для чего язычникам говорить: “где же Бог их?”» (Пс 113, 10). — *Прим. перев.*

²⁴ Леон Блуа. Сын Людовика XVI (Léon Bloy, *Le Fils de Louis XVI*, Mercure de France).

²⁵ Акселос. К планетарному мышлению (Axelos, *Vers la pensée planétaire*, Éditions de Minuit, 1964).

²⁶ Дон Хелдер Камара (1909-1999) родился в г. Сиаре (Бразилия). Став священником в 22 года, занялся фавеллами столичного города и ревностно боролся за справедливость и за улучшение жизни тружеников и бедняков. Затем продолжал это служение уже в качестве «епископа бедных» в Рио-де-Жанейро. После этого — архиепископ в г. Ресифе на северо-востоке Бразилии.

ПРИМЕЧАНИЯ

О. Жак писал о нем в других книгах как о великом свидетеле веры XX века, веры в Бога и в доброту человека.

²⁷ См.: Лёв и Коттиер. Динамизм Веры и неверия (J. Loew et G.-M. Cottier, *Dynamisme de la Foi et Incroyance*, Cerf).

²⁸ Ванс Паккард. Подпольное развращение (Vance Packard, *La perversion clandestine*.)

²⁹ *Ibid.*. P. 169.

³⁰ *Masses Ouvrières*, May 1951.

³¹ Мадлен Дельбрель (1904–1964), по оценке о. Жака, дала нам яркий пример жизни по Евангелию в условиях «красного» рабочего пригорода Парижа, где она провела последние 30 лет своей жизни. Она смогла соединить свидетельство веры с любовью к простым людям и умением убедительно противодействовать марксизму. Этому посвящена ее книга: M. Delbrél. *Ville marxiste terre de mission*. Paris: Cerf, 1970. О. Жак познакомился с ней в 1942 году и затем, в конце своей жизни, сам написал о ней книгу: *Vivre l'Évangile avec Madeleine Delbrél*. Paris: Centurion, 1994. — *Прим. ред.*

³² *Nous autres, gens des rues*, Seuil.

³³ См.: Loew et Cottier, *Dynamisme de la Foi et Incroyance*, Cerf.

³⁴ «Я знаю. Я верю» (*Je sais. Je crois*, Fayard).

³⁵ Цит. по вышеуказ. кн. Лёва и Коттиер.

³⁶ *Recontres*. P. 152–153.

³⁷ Подробная информация об этом была опубликована Комиссией.

³⁸ Имеется русский перевод: М.: Прогресс, 1975. — *Прим. ред.*

³⁹ Прогноз сбывся: сегодня на Земле живет более 6 млрд. людей. — *Прим. ред.*

⁴⁰ Особенно см. пп. 3-7. Приводим краткое их содержание:

«В наши дни весь род человеческий, восхищаясь собственными открытиями и собственной мощью, все же часто задает тревожные вопросы о нынешнем развитии мира, о месте и назначении человека во вселенной, о смысле своих личных и коллективных усилий и, наконец, о конечной цели мира и человека.

...Ныне род человеческий переживает новую эпоху своей истории, когда глубокие и стремительные изменения постепенно распространяются на весь мир. Эти изменения, вызванные человеческим разумом и его творческой деятельностью, сказываются на самом человеке, на его суждениях, на личных и коллективных запросах, на его образе мышления и действия — по отношению как к материальному миру, так и к самим людям. Таким образом, речь идет уже о подлинном социальном и культурном преобразовании, отражающемся и на религиозной жизни. Как бывает при всяком кризисе роста, это преобразование влечет за собой немалые трудности. ...В силу этого такие традиционные локальные общества, как патриархальные семьи, кланы, племена, селения, различные группы, а также взаимосвязи в сообществах день ото дня переживают

все более глубокие перемены. ...Эти перемены в устроении и в общественных структурах зачастую ставят под вопрос унаследованные ценности — особенно у молодежи, которая становится не только нетерпеливой, но и мятежной от внутреннего беспокойства.

...Общественные установления, законы, а также образ мышления и восприятия, унаследованный от предков, не всегда должным образом приспособлены к современному положению вещей; отсюда и явное замешательство в образе деятельности и в самих ее нормах.

...Наконец, новые условия сказываются и на религиозной жизни. С одной стороны, возросшая критическая способность очищает ее от магической концепции мира и от суеверий, все еще имеющих хождение, и день ото дня требует все более личной и действенной приверженности Вере, благодаря чему многие приходят к более живому чувству Бога. С другой стороны, все большее число людей практически отходит от религии». (См.: Документы II Ватиканского Собора. М.: Паoline, 1998. С. 378-382.)

⁴¹ Pierre Bigo, *L'Eglise et la révolution du Tiers Monde*, Presses Universitaires de France, 1974. P. 20.

⁴² Всеобщая (универсальная) Церковь — термин, обозначающий совокупность всех церковных объединений разной конфессиональности — римско-католической, православной, протестантской. Этот термин отражает характерное для послесоборной Римско-Католической Церкви расширение самого понятия Церкви как охватывающей всех верующих, в среде которых действует Бог. — *Прим. ред.*

⁴³ *Mémoires de Mgr Jean Calvet, Chalet*. P. 28.

⁴⁴ Виргилий Георгиу. Почему меня называли Виргилий? (Virgil Gheorghiu, *Pourquoi m'a-t-on appelé Virgil*, Plon. Pp. 154, 40.)

⁴⁵ *La Croix*, 18 octobre 1974. См. также очень хорошие воспоминания о. Дювала «Как молились мои родители» (Père Duval, *Comment priaient mes parents*, dans *Doc Cath.*, 16.02 1975).

⁴⁶ Congar, *Les voies du Dieu vivant*. P. 38. Cerf.

⁴⁷ «Радость и надежда», п. 26.

⁴⁸ Эммануэль Мунье (1905-1950) — философ-персоналист, защищавший личностное достоинство человека, его христианское призвание и социальное служение вопреки всему, что их отрицает. На русском языке см. его книги: «Персонализм» (М., 1992); «Что такое персонализм?» (М., 1994); «Надежда отчаявшихся» (М., 1995); «Манифест персонализма» (М., 1999), а также «Христианское противостояние» (СПб, 1999).

⁴⁹ Позднее о. Жак не раз говорил: «от Авраама до папы Иоанна-Павла II». — *Прим. ред.*

⁵⁰ Группа «Экономика и гуманизм» включала в себя следующих людей: о. Луи

Лебре, доминиканец, занимавшийся пастырской деятельностью среди моряков и рыбаков; Франсуа Перру, выдающийся экономист; Рене Моро, исследователь проблем международной торговли и транспорта; Жан Мариус Гатерон, специалист по взаимоотношениям промышленности и сельского хозяйства; Гюстав Тибон, крестьянский философ; Эдмон Лоллер, ремесленник-рационализатор; и Александр Дюбуа, директор металлургического завода и специалист по организации труда (Майка Ю. «Социальное учение Католической Церкви». Рим — Люблин: изд-во Св. Креста, 1994. С. 94). — *Прим. ред.*

⁵¹ Le Père Lebre, *L'Economie au service des hommes*, textes présentés par François Malley. Cerf. Cf. P. 35.

⁵² *Op. cit.*, P. 29.

⁵³ *Ibid.* P. 28.

⁵⁴ *Ibid.* P. 29.

⁵⁵ *Ibid.* P. 31.

⁵⁶ В одном из первых номеров журнала «Экономика и гуманизм» была напечатана статья Симоны Вейль под псевдонимом Эмиль Новис (d'Emile Novis). Ее книга «Условия жизни рабочих» (*La condition Ouvrière*. Gallimard) представляет собой шедевр наблюдательности и содержит самые возвышенные размышления. (От ред.: Симона Вейль (1909–1943) — философ по профессии, но во имя любви к беднякам, страдавшим в годы войны, она отказалась от преподавательской деятельности и всецело посвятила себя служению этим людям. Полюбив Христа всем своим сердцем и подойдя к порогу Католической Церкви, она тем не менее не переступила его, пожелав остаться верной той действительности, которую Церковь тогда еще не хотела или не могла охватить. Современники уважали ее за это решение — остаться христианкой вне Церкви в качестве яркого напоминания о несчастных, униженных, неверующих, не по-церковному мыслящих. Решение не бесспорное, но глубоко искреннее. Своим незавершенным обращением она дала нам своеобразное свидетельство веры. Фрагменты русских переводов философских размышлений Симоны Вейль можно найти в журналах: «Новый мир», 1990. № 6; «Страницы», 1998. Т. 3, вып. 1; «Вестник РХД», 1998. № 177).

⁵⁷ См.: *Les dockers de Marseille, Analyse type d'un complexe*. Economie et Humanisme («Марсельские докеры. Типовой, логический анализ комплекса») Книга вышла в 1944 году. Второе издание, 1945 года, также полностью разошлось).

⁵⁸ *Op. cit.* P. 75.

⁵⁹ *Nous autres, gens des rues*, Seuil. P. 185.

⁶⁰ *Ibid.* P. 230. (Очевидно, речь идет о заповедях возлюбите Бога и ближнего как самого себя. — *Прим. ред.*)

⁶¹ *Ibid.* P. 274.

⁶² *Nous autres, gens des rues*, Seuil. Pp. 141-144.

⁶³ *Ibid.* Pp. 167-168.

⁶⁴ *La flamme qui dévore le berger*, Cerf. P. 403. О Поле Ксарделе см. гл. 11 3-й части нашей книги.

⁶⁵ Монсиньор Андре Барон (1893-1981) — последний из поколения «великого трио» — это Блуа, Маритен и Журне, — многое сделавшего для духовного пробуждения католиков во Франции и для активизации социальной стороны свидетельства веры. А. Барон родился в городе Нарбоне на юге Франции в семье винодела. Став взрослым, некоторое время он продолжал дело своего отца, но, прочитав книгу Леона Блуа «Кровь бедных», осознал себя его духовным сыном, оставил доходную профессию и отдал основную часть жизни на служение Господу и бедным труженикам. Был ректором Семинарии поздних призваний в пос. Фонгобо (центральная часть Франции), а затем ректором Центра св. Людовика Французского в Риме. Был также помощником французского посла в Ватикане. О нем говорили как о друге кардинала Монтини, ставшего папой Павлом VI. Его сердце особенно чутко отзывалось на тайну Присутствия Христа в Церкви. Монс. Барон завершил свой земной путь словами: «Иисус Христос, приди ко мне!».

О. Жак называл монс. Барона своим большим другом, поскольку тот многим ему помог во время кризиса движения священников-рабочих, а также содействовал организации Школы Веры. О. Жак воздаст ему должное также за редкое для тех лет понимание того, сколь важна община для христианской жизни: община для монс. Барона — это место, где совершается тайна веры, тайна жизни Бога среди нас; община — место общения с Богом, которое дает жизнь всем ее членам. Примечательно одно высказывание монс. Барона: «В Причастии Иисус Христос дает нам съесть себя, чтобы мы позволили другим съесть нас». — *Прим. ред.*

⁶⁶ Цит. по: P. Mersch, *Le Corps Mystique du Christ*. Т. II. Pp. 88сл.

⁶⁷ Св. Августин. «Исповедь». IV, 8, 13. (Цит. по изд.: Блаженный Августин. Исповедь. М.: Гендальф, 1992. С. 101).

⁶⁸ *Carnet de notes* (Записные книжки), 1961.

⁶⁹ См.: d'Albert Maréchal, *La Révision de vie*. Publications de l'Action Catholique Romande (Lausanne, Suisse). P. 44.

⁷⁰ Я процитирую здесь то, что уже было опубликовано мною ранее, в первом издании «Дневника рабочей миссии» (Cerf), но было выпущено из текста при переиздании этой книги в карманном формате.

⁷¹ См. книгу: *Demain, les communautés de base*, par Dominique Barbé. Cerf.

⁷² Тот, кто захочет узнать, как священник преодолевает самые ужасные ситуации нашего времени, должен прочитать книгу *La flamme qui dévore le berger*. Cerf

ПРИМЕЧАНИЯ

(«Пламень, пожирающий пастыря») — дневник, который Поль Ксардель вел до последнего дня своей жизни.

⁷³ О епископах см. также ИБ, примечание к Тит 1, 5.

⁷⁴ *Informations Catholiques Internationales*, novembre 1976.

⁷⁵ Décembre 1976.

⁷⁶ *Doc. Cath.*, 21 juin 1970.

⁷⁷ «Как бы видя Невидимого» (*Comme s'il voyait l'invisible*. Cerf, 1964).

⁷⁸ M. Bosanquet.

⁷⁹ Прекрасные тексты Бонхёффера, написанные им в заключении, можно найти в книге о. Ж. Лёва «Великие учителя молитвы» (Брюссель: Жизнь с Богом, 1986).

⁸⁰ А. Шураки. Церковь и бедность (d'A. Chougaoui, *L'Eglise et la pauvreté*).

⁸¹ В последующем изложении я воспользуюсь двумя книгами крупного эссеиста Оскара Кульмана — «Бог и Кесарь» и «Иисус и революционеры Его времени» (O. Cullman, *Dieu et César, Jésus et les révolutionnaires de son temps*, Delachoux et Niestle). См. также книгу Мартина Хенгеля «Иисус и революционное насилие» (*Jésus et la violence révolutionnaire*, par Martin Hengel, Cerf).

⁸² О. Кульман. Исследования по библейской теологии. (O. Cullman, *Etudes de Théologie biblique*. P. 131.)

⁸³ О. Антонин-Далмаций Сертилянж (1863–1948) — доминиканец, философ-неотомист и публицист, занимавшийся наследием св. Фомы Аквинского и поиском путей приложения принципов томизма в разных областях творчества и социально-нравственной жизни современного человека. — *Прим. ред.*

⁸⁴ *Communio*, n° I, 6.

⁸⁵ S.N.C.F. (Société nationale des chemins de fer français) — Национальное объединение железных дорог Франции. — *Прим. ред.*

⁸⁶ Joseph Colomb. *Aux sources du Catéchisme*, Descleé. T. 3. P. 321.

⁸⁷ Albert Peyriguère, *Aussi loin que l'amour. Lettres du Maroc* (До предела любви. Письма из Марокко) (1933–1957). Cerf.

⁸⁸ См. «Жизнь о. Леббе» Жака Леклерка. (*Vie du Père Lebbe* par Jacques Leclercq, coll. *Libre de vie*, Seuil.)

⁸⁹ Instruction à l'usage des Vicaires Apostoliques en partance pour les royaumes chinois de Tonkin et de Cochinchine.

⁹⁰ В Индии — место уединения и медитации, а также общинной жизни, где ученики собираются вокруг своего духовного учителя — гуру. — *Прим. перев.*

⁹¹ J.O.C. — Jeunesse ouvrière catholique (или chrétienne) — «Рабочая католическая молодежь». Это первое из нескольких движений мирян, поставивших своей целью миссионерскую деятельность в рабочей среде, к которой и принадлежали сами активисты. Затем появились аналогичные миссионерские движения:

студенческое (JEC), аграрное (JAC) и независимое (JIC), включившее в себя врачей, инженеров и др. Эти движения сформировали AC (Action catholique) — Католическое действие. Сам Кардижн стал кардиналом. — *Прим. ред.*

⁹² André Rétif, *Introduction a la doctrine pontificale des Missions* («Введение в папскую доктрину миссий»), Seuil.

⁹³ Доминиканец о. Лагранж был современником модернистского кризиса. Общим моментом во всех заблуждениях этого кризиса было неразумное стремление быстро пересмотреть истины традиционного вероучения, чтобы прийти к согласию с требованиями современности. В результате библийский модернизм подверг сомнению подлинность евангельского свидетельства о Христе и Богодухновенность Писания. Философский модернизм тоже совершил свой подкоп под идею Откровения и представление о сверхъестественном вмешательстве в человеческое сознание трансцендентного Бога. В такой атмосфере и жил о. Лагранж. Его беспокоили две вещи: можно ли согласовать науку и веру таким образом, чтобы каждая оставалась сама собой; истина и послушание. О. Лагранж всегда питал горячую привязанность к Церкви, был «сыном Церкви», всегда готовым ей служить. Его интуитивное прозрение состояло в том, что следует изучать Библию там, где она складывалась и переживалась: «Союз документа и монумента — это самый плодотворный метод». О. Лагранж основал в Иерусалиме Школу библийских исследований.

Однако все, что он делал, расценивалось в Риме как модернизм, и «великие» Рима оказывали ему противодействие. Тем не менее во всех проявлениях своего церковного подчинения и послушания он был предельно искренен, что не мешало ему оставаться верным своему упорному стремлению продвигать вперед критическую библиистику.

Горячая и просвещенная вера удерживала его в рамках должного подчинения Учительству Церкви. Только благодаря верности в сочетании с высокой научной строгостью о. Лагранж смог стать инициатором и новатором библийских исследований и, хотя и отдаленным, но вполне реальным подготовителем Собора.

⁹⁴ Впоследствии Кардинал Гаронне развивал эту тему в своем предисловии-комментарии к изданию документа «Свет народам» в *Centurion*.

⁹⁵ Термином «триумфализм» обозначается комплекс «дособорных» представлений о Римско-Католической Церкви как всепобеждающем «совершенном обществе», самодостаточной «организации спасенных» и пр. — *Прим. ред.*

⁹⁶ Paul VI, *Message a la Conférence internationale missionnaire*, 22.10. 72. *Doc Cath.*, 3.12.72.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	3
О. ЖАК ЛЁВ — МИССИОНЕР, СЛУЖИТЕЛЬ СЛОВА, СВИДЕТЕЛЬ ВЕРЫ — Л. И. Василенко.....	5
Введение. ДРЕВО ВЕРЫ	15
ПЛАН ЗАНЯТИЙ	25
Часть первая. ВЗГЛЯД НА МИР	28
Глава 1. «И увидел Бог, что это хорошо»	29
Глава 2. Язвы современного человечества	35
Глава 3. Отсутствие Бога	44
Глава 4. Почему Бог отсутствует?	49
Глава 5. За новый порядок на планете	60
Глава 6. Положение веры в мире	67
Часть вторая. СОБРАТЬ ВОЕДИНО РАССЕЯННЫХ	
 ЧАД БОЖИИХ.....	78
Глава 7. Гарлем, или практический урок	83
Глава 8. Общность судьбы	93
I. Рождение великого прозрения	93
II. Принятие общности судьбы сопровождается «шоком» ..	101
III. Плоды общности судьбы	108
Часть третья. НАРОД БОЖИЙ В БРАТСКОМ ОБЩЕНИИ..	114
Глава 9. Миссионерская группа как инструмент апостольства	115
I. Миссионерская группа — частица Царства Божия	115
II. Актуальность и важность миссионерской группы	124
III. Добродетели, необходимые в миссионерской группе ...	129
Глава 10. Обзор жизни.....	135
Глава 11. Первичная община	146
I. Бразильский эксперимент	146

II. В Африке	154
III. Папа Павел VI и первичные общины	159
Глава 12. Христианская община в Новом Завете	162
Глава 13. Дитрих Бонхёффер и общинная жизнь	177
Часть четвертая. ПУТЯМИ ОТКРЫТЫМИ	191
Глава 14. Бедность	192
I. Бедность в современном мире	192
II. Бедность в Ветхом Завете	194
III. Иисус и бедность	199
Глава 15. Бог и кесарь в моей жизни	204
I. Как Иисус относился к революционерам Своего времени?	205
II. Позиция христианина	209
III. Личные соображения для сего дня	211
Часть пятая. ЦЕРКОВЬ В ПУТИ	221
Глава 16. Миссия прежде и теперь	223
I. Миссия и история	223
II. Предшественники	230
Глава 17. Опыт Церкви после II Ватиканского Собора	242
I. Новизна Догматической конституции «Свет народам»	244
II. Церковь — Народ Божий в братском общении	250
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	257
ПРИМЕЧАНИЯ	261

Религиозно-просветительское издание
Серия «Духовная жизнь», вып. 4

Жак ЛЁВ
«Будьте Моими учениками»

Перевод с французского:
Г. А. ХАЗОВА

Редактор:
Л. А. МЯЛИНА

Paoline – Издательство св. Петра

Лицензия: серия ЛБ № 000040 от 27 ноября 1998 года
Зарегистрировано Северо-Западным региональным управлением
Госкомитета по печати РФ

АДРЕС ДЛЯ ПИСЕМ:
19806, Санкт-Петербург,
1-я Красноармейская, 11
Высшая католическая духовная семинария
«Мария — Царица Апостолов»

Подписано в печать 8.05 2002
Формат 84х108/32. Объем 17 п. л.
Тираж 1000 экз. Заказ № 1146

Отпечатано в типографии «КСИ»

Лицензия № 69-290

Тел. (812) 540 6439

e-mail: ksi@ksi.spb.ru

Père Jacques Loew

Жак Лёв родился 31 августа 1908 г. в Клермон-Ферране на юге Франции в семье врача. В 1929 г. стал адвокатом. Неожиданно заболел туберкулезом, потянулся к Богу. Жизнь у картезианцев, новициат, в 1939 г. — рукоположение во священники.

С 1941 г. о. Жак вовлекается в социальную проблематику, в миссионерскую деятельность и остается верен этим основным направлениям своего священнического служения до конца жизни. 14 февраля 1999 г. священник Жак Лёв завершает свой земной путь, оставив после себя целый фейерверк книг.

«Пускать корни... Вот где смиренный труд. Латинское слово *humilis, humble* (смиренный) происходит от слова «земля» (*humus, la terre*). От него же происходит и слово «человек» (*homo, homme*) — «сотворенный из земли».

Прорасти корнями в землю всегда тяжело, даже мучительно: они засыпаны землей, придушены, с трудом обходят камни, пробираются сквозь пустые бесплодные слои... Ночь веры — это не только художественный образ, таковы действительные условия жизни зерна, брошенного в землю и умирающего, чтобы позднее принести плоды.

Но при этом — как напомнил нам кардинал Марти, — когда обрушивается ураган, люди думают не о том, что он обломает ветви деревьев и сорвет плоды: все это восстановится; но вот выдержат ли корни? Так же и в наше время сомнений и преобразований все зависит, в конечном счете, от корней».

о. Жак ЛЁВ